

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ВАЙНАХ»

Муса АХМАДОВ

Чеченская традиционная культура и этика

Библиотека журнала «Вайнах»

АХМАДОВ Муса

Чеченская традиционная культура и этика

Грозный – 2006

Редакционная коллегия журнала «Вайнах»:

М. Ахмадов (главный редактор), Л. Абдулаев, Г. Алиев (зам. главного редактора), М. Бексултанов, Л. Довлеткиреева (1-ый зам. главного редактора), Р. Межиева (редактор отдела публицистики), М. Музаев, С. Мусаев (редактор отдела прозы), Р. Талхигова (редактор отдела поэзии).

Рецензенты:

Гадаев В.Ю., доктор философских наук, профессор

Манкиев А. Д., доктор психологических наук, профессор

*Ахмадов М.М. Чеченская традиционная культура и этика.
ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах». Библиотека
журнала «Вайнах». 2006 г. – 208 с.*

Настоящее издание представляет собой культурологическое исследование чеченских религиозных и нравственно-этических ценностей, выраженных в таких традиционных категориях, как «иман», «оьздангалла», «гиллакх», «яхь», «маршо», «собар» и др.

В качестве иллюстрации этих формул автор использует старинные предания, илли, пословицы, поговорки и художественные произведения писателей, раскрывающие характер и устремления вайнахов в течение длительного периода исторического развития.

Читатель откроет для себя самобытный духовный мир чеченского народа, в котором причудливо и органично сочетаются идеи суфизма и национальные адаты.

Вступление

Во имя Бога, Милостивого, Милосердного.

Основа и истинная сущность всех явлений в мире содержится в словах «Лаилаха иллАллах Мухаммада расулуллах». Это есть признание того, что нет другого божества, кроме Аллаха, Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует) – пророк, посланец, призванный Богом, чтобы провозгласить истинную религию. Поэтому истинная культура человека связана с тем, насколько он принимает эту данность.

Однако обязанность, возложенная на человека, не снимается с произнесением этих слов. Вера в единого Бога на протяжении всей жизни человека должна подкрепляться каждым шагом, каждым словом и каждым движением руки. Он также должен ясно видеть проявления единобожия в окружающей природе, при всем ее разнообразии. В нашем мире все явления без исключения имеют собственное развитие и значение: от звезд на небе до муравья на земле. Мы видим огромное разнообразие окружающего мира и вместе с тем отмечаем, что он имеет единый фундаментальный порядок, внутреннее единство. Это еще одно доказательство, что Бог един.

Вера в единство Бога, а также в Судный день создает истинную нравственность и поистине благородные нравы. Если вера оказывается показной, то приличия, обычаи в большинстве случаев соблюдаются лишь для создания известного имени, имиджа, видимости. Поэтому, оказавшись в затруднительном или даже просто в двусмысленном положении, такие люди легко расстанутся с нормами морали. Да и соблюдали они их для достижения какой-то конкретной цели: увеличения собственной популярности, продвижения по работе или достижения материального достатка – короче говоря, имея в виду мирские цели.

Бог ниспослал Человека на эту землю, сделав его своим наместником и возложив на него обязанность познавать окружающий мир и заботиться о нем. Поэтому Бог выделил Человека из окружающего мира, наделив его сознанием, разумом, способностью различать зло и добро, а также свободой творить добрые и злые дела. Также Бог дал нам знание нравственности, которая возможна только среди людей. Это великое благо и великая милость, дарованная нам Богом, но и великая ответственность перед Ним.

Нравственность – это пределы, нормы и формы взаимоотношений, связывающие обладающих сознанием людей друг с другом и окружающим миром, которыми не могут обладать другие живые существа.

В настоящее время чеченское общество переживает глубокий духовный кризис, вызванный последствиями двух разрушительных войн, деградацией общественных институтов, нахождением значительной части народа вне своей исторической родины.

Многие представители чеченской интеллигенции выход из этого кризиса видят в возрождении родного языка и традиций. Безусловно, речь не идет о возврате к архаичным формам жизнедеятельности общества. Напротив, идет поиск методов вовлечения прогрессивных традиций народа в нашу сегодняшнюю жизнь; их переосмысление и применение как инструментария в ненасильственном решении внутричеченских конфликтов и налаживании процесса созидания в республике.

При этом многие обращают внимание на опыт Японии, которая после тяжелого поражения во второй мировой войне свое экономическое восхождение начала с обращения к своим истокам, с возрождения национальной культуры и языка.

Традиционное миропонимание чеченцев образуется как бы из двух составляющих. Первая составляющая – это чувство ответственности: ответственность перед предыдущими поколениями (семь отцов); ответственность перед ныне живущими – семьей, родственниками, селом, народом; ответственность перед будущими своими потомками (только через семь поколений забываются поступки – и хорошие, и плохие). Такая соотнесенность с прошлым, настоящим и будущим делает психологическое состояние воспитанного в традиционном духе чеченца более устойчивым (он не чувствует себя одиноким), хотя ему порой и нелегко нести такой груз ответственности и долга.

Вторая составляющая миропонимания чеченца – это то, что он постоянно ощущает себя в ценностной системе своего народа. Как только чеченец начинает ощущать себя как индивидуум, он попадает в жесткую систему морально-нравственных ценностей, в систему нравственных обязанностей и запретов. Человек, находящийся в этой системе и выполняющий ее требования, может контролировать свои эмоции и поступки, и у него вырабатывается высокая сопротивляемость жизненным бедам и невзгодам.

Но иногда, когда происходят социальные катаклизмы (например, выселение или война), традиционная система ценностей подвергается деформациям, происходит ее частичная переоценка. Хотя в том или ином виде она и продолжает существовать в сознании людей (вернее будет сказать, что они знают ее категории), но отношение к ней меняется. Многие нравственные требования не выполняются, при этом в качестве морального оправдания используются сложившиеся неблагоприятные обстоятельства. Безусловно, условия проживания, к примеру, в лагере беженцев, затрудняют возможность жить в полном соответствии со всеми установками традиционной ценностной системы, но в основном внешние обстоятельства не являются непреодолимым препятствием для тех, кто хочет во что бы то ни стало жить в соответствии с традиционными нормами.

Внешние обстоятельства могут быть только поводом, в какой-то степени моральным оправданием для тех, кто, испытывая чувство отчаяния, вследствие пессимистического состояния духа не в силах следовать требованиям морали или не хочет прилагать для этого эмоциональные и физические усилия.

Оьздангалла и ее значение в жизни чеченца

В первую очередь необходимо определить содержание употребляемых в чеченском языке терминов «оьздангалла» и «г1иллакх»². По нашему мнению, понятие «оьздангалла» по своему содержанию гораздо шире понятия «г1иллакх». Г1иллакх – это **внешние формы проявления родственных и других взаимоотношений между людьми. В качестве таковых они являются частью понятия «оьздангалла» – культура. Более того, «оьздангалла» есть чистота тела, сердца и мыслей человека, неразрывно связанного с верой в Бога и окружающим миром. Культура проявляется не только в поведении и характере человека, но в первую очередь должна присутствовать в его душе и сознании.**

Как возникла оьздангалла? На этот вопрос различные ученые дают самые разнообразные ответы, в зависимости от собственного разума и представлений, принятых в обществе, в котором они живут. Более десяти лет назад ученые рухнувшей советской империи, говоря о культуре, неизменно подчеркивали: «Культура создавалась народом на протяжении столетий...». Иначе они и не могли рассуждать, так как их мировоззрение сформировалось на основе философии материализма, полагающей, что вселенная и человечество возникли сами собой. В основе такого взгляда на культуру лежит тезис о том, что по прошествии времени труд сделал обезьяну человеком. Отсюда неизбежно следует вывод, что культура возникла сама по себе или на протяжении времени была создана людьми, а «религия» извлекла пользу от народного «творчества» с целью обманывать людей и держать их в невежестве. Это блестящий пример того, как за истину выдают нечто прямо противоположное ей.

Правда же состоит в следующем. **Культуру всех народов, их хорошие традиции Бог, вместе с религией, ниспослал на землю через своих пророков.**

Раньше всех Бог дал знание религии пророку Адаму (да благословит его Аллах и приветствует). Религия – это ниспосланные Богом жизненные нормы и традиции, дающие знание о

том, как люди должны жить на земле. По прошествии времени люди забывали их и впадали в язычество, создавая от себя новые (и зачастую греховные с точки зрения религии) нормы поведения. Тогда Бог посылал в мир Своего посланника, дабы обновить и вновь провозгласить среди людей Свою религию. Последний из них – пророк Мухьаммад (да благословит его Аллах и приветствует) – печать пророков.

Таким образом, мы постулируем, что благородные, хорошие традиции всех народов происходят из Божьей религии; а плохие, жестокие, языческие обычаи созданы народами самостоятельно. Поэтому при описании культуры того или иного народа правильнее будет говорить не «созданная народом», а «сохраненная народом». Одним народам удалось в большей мере сохранить предписанные религией нормы, другим это удалось в меньшей степени. Некоторые народы самостоятельно создали немного языческих обычаев, например, чеченцы.

Правомочен вопрос: могут ли люди самостоятельно сотворить полезные традиции? И обязательно ли все созданные людьми обычаи должны быть языческими или ошибочными? Нет. Люди создавали совершенные этические нормы, но в основе их всегда лежали положения истинной религии. Не может не быть верной этическая норма, созданная с верой в Бога и в Судный день.

Если принять во внимание все, сказанное выше, станет понятен смысл слов: «Культура поведения (г1иллакх) вышла из рая». Это означает, что благородные нормы поведения между людьми ниспосланы Богом. В более развернутом виде эта мысль изложена в чеченской поговорке: «Культура поведения вышла из рая, в рай же она и вернется вместе с людьми, несущими ее». Эти слова показывают, какое огромное значение придавали чеченцы этике и культуре.

Божий Посланец (да благословит его Аллах и приветствует) сказал: «Культура поведения – половина веры». А один из создателей чеченских религиозных песнопений так описал связь между разумом и этическими нормами:

Известно, что яблоко падает под яблоней,
Но было бы яблоко, если бы не было яблони?
Г1иллакх есть дерево, а разум – плод того дерева,
Возможно ли знание там, где нет г1иллакх?..

Здесь «разум» поставлен в зависимость от этических норм. Это верно всегда, когда речь идет о разуме, приносящем пользу людям.

Однако людям присущ и другой вид «разума» – свободный от этических норм, от морали, нацеленный на зло. Давая оценку человеку, обладающему таким разумом, чеченцы говорят: «Его знание от сатаны». Именно поэтому в нашей народной философии культура ставится выше познания, способностей и науки.

Необходимо отметить, что подобное положение свойственно мировоззрению не всех народов. Например, некоторые европейские народы оказывают почет и уважение человеку за способности и достигнутые успехи независимо от его морального облика. Например, хорошему поэту, пишущему стихи, западающие в душу, прощается недостойное поведение и вообще аморальность. Это означает, что выше всего ценится талант и мастерство в профессии, а остальное не имеет решающего значения и оценивается чуть ли не как детские шалости.

Однако в чеченской народной философии все не так. **Какими бы способностями ни обладал человек, какими бы доблестями и талантами он не был наделен – на нем лежат те же нравственные обязанности, что и на всяком другом человеке.** Человек же, обретший популярность в народе, вынужден был в еще большей степени следовать им, поскольку он был на виду и люди готовы были либо брать с него пример, либо предать его злословию, если он допускал недостойный поступок.

Чеченское традиционное общество изначально было предельно «жестким» при оценке человека, рассматривая, прежде всего, соответствие его поведения нравственным нормам. При этом не принимались во внимание ни прежние заслуги, ни громкое имя, ни способности. Все эти достоинства в глазах чеченцев могли быть обесценены и уничтожены одним недостойным поступком. Имя, известное всей стране, на глазах всей же страны могло пасть из-за одного единственного проступка. Причем это бедствие и позор не ограничивались только самим человеком, но распространялись на его родных, родичей, односельчан и семь поколений потомков.

Наличие столь высоких требований приводило к тому, что в традиционном чеченском обществе каждый старался не допустить ни малейшей оплошности со своей стороны. **Нравственные обязательства, подобно ремню, опоясывали человека, держали его в постоянной готовности к совершению хороших дел и отстаиванию справедливости.** Поэтому самые достойные мужи даже ночью не снимали пояса и постоянно держали наготове скакуна.

Осознание того, что никто не придет на помощь и не поможет подняться после падения, вызванного подчас вполне естественным желанием элементарного удобства для себя – заставляло сохранять постоянную бдительность.

Эту чеченскую традицию хорошо знает казак, о котором говорится в «Илли³ об Ахмаде Автуринском⁴».

Ахмад Автуринский отправляется в дальнее странствие. В одном неизведанном краю, стреножив коня и пустив его пастись, «черкесское тонкое седло положив под голову, накрывшись буркой, грозное оружие, как ребенка к себе прижимая», заснул Ахмад Автуринский. В это время появляется казак, также отправившийся в странствие. Также отправив пастись своего скакуна, казак ложится спать рядом с Ахмадом Автуринским, оттянув на себя половину бурки, которой тот укрылся. Проснувшийся от дурного сна Ахмад Автуринский видит рядом с собой казака, а также то, что жеребец казака гоняет его скакуна. Не вынеся этого, Ахмад Автуринский говорит:

Не будь обездоленным, казак!

Ты не проявил вероломства ко мне,

И я не проявлю его к тебе!

Твой конь испугал моего молодого гнедого скакуна!

Меня испугает ли владелец того коня?

Теперь мы должны сразиться между этих невысоких
хребтов!..

После того как завершились приготовления к поединку, казак говорит Ахмаду Автуринскому:

Не будь обездоленным, Ахмад Автуринский!

Ты внимательно послушай, запасшись терпением:

Если первым тебе повезет и ты убьешь меня,
«Некоего казака убил Ахмад Автуринский», —
Скажут, и этим все завершится, никто не поразится тому;
Если мне повезет и ты умрешь от моей руки,
А ты молодец, чье имя известно стране,
«Неким казаком был убит Ахмад Автуринский», —
Скажут, и слава твоя падет, Ахмад Автуринский...

Приведенная эпическая песня показывает, что смерть достойного мужа, как и его жизнь, должна была служить возвышенной и благородной цели. Как бы благородно ты не жил, недостойная смерть могла перечеркнуть все прежние заслуги и «уронить» в глазах людей вполне заслуженное имя. Поэтому человек должен беречь чистоту своего имени до самой смерти, после чего эта обязанность переходила к его потомству.

В чеченском обществе наибольшей степенью возвышения человека было славное имя, которым награждал его народ. Конечно, были и такие люди, что распускали различные слухи об известных мужах, желая им зла и стараясь доказать, что они пользуются незаслуженной славой. Об этом говорит народная пословица: «Высокий дуб страшен». Однако из опасения людских сплетен никто не вправе отказаться от соблюдения норм нравственности. «Золото не потеряет цену, сколько ни валяй его в грязи», — говорит другая чеченская народная поговорка.

Каждый отдельный человек, из которых и состоит народ, обладает собственной культурой. Поэтому никто не может утверждать, что один народ культурный, а другой нет. А, кроме того, словосочетание «народная культура» необходимо понимать как «исследование о народной культуре и культурных нормах, принятых этим народом». Действительно, у разных народов существуют различные представления о культуре. Для примера сравним некоторые обычаи чеченцев и русских (мы приводим обычаи этих народов как наиболее известные). В чеченских семьях не принято, чтобы родители, дети и невестка вместе принимали пищу. В русских же семьях совместно не только едят, но и распивают алкогольные напитки и не видят в этом ничего предосудительного. До некоторой степени этот русский обычай можно объяснить влиянием христианства.

Вместе с тем, чеченская народная этика и культура обнаруживают присущее им своеобразие при сравнении с традициями не только христианских, но и других мусульманских народов. Например, по соседству с нами живут кабардинцы и балкарцы. У них с мусульманским приветствием «Ассаламу алейкум» друг к другу обращаются не только мужчины, но и женщины, а также мужчины к женщинам. А, как мы знаем, у чеченцев так между собой здороваются только мужчины, причем молодые люди не могут подобным образом обращаться к старшим по возрасту.

Разного рода традиции обнаруживают своеобразие культуры любого народа. Однако добрые традиции везде похожи. Иначе и быть не может, потому что в основе всех добрых обычаев – поучения, ниспосланные Богом через своих пророков. Однако каждая нация, восприняв это учение в соответствии со своим мировоззрением, своим историческим опытом и природой своей страны, создает собственные обычаи. Одни нации Божье слово и связанные с ним обязанности восприняли в облегченном для себя варианте, а другие избрали наиболее трудные и связанные с максимальным ограничением телесной свободы формы.

Например, мусульманская религия требует обязательного сокрытия тела. Для мужчины обязательная для сокрытия часть тела (ловрат) – от пупка до колен. Когда эта часть тела сокрыта, разрешено совершать намаз. Однако ни один чеченец не станет на обязательную молитву в таком одеянии, не появится в таком виде среди людей и даже в своей семье (правда, сейчас, возможно, и есть чеченцы, столь свободно расхаживающие в семье, но мы говорим о нормах, содержащихся в чеченских адатах).

В связи с этим мы приведем один пример.

Народный писатель Абузар Айдамиров рассказывал, как однажды, приехав в город, он решил навестить Магомета Мамакаева⁵. С ним была дочь, девочка лет девяти-десяти. Дело было летом и открывший дверь Магомет, по причине жары, был легко одет. Но, увидев девочку, не показываясь ей и не задав традиционные вопросы о житье-бытье, он ушел в другую комнату и переоделся; причем оделся так тщательно, словно собирался на важную встречу. Заметив удивление Абузара, Магомет Мамака-

ев пояснил, что, несмотря на маленький возраст, девочка – это будущая женщина, которая требует к себе особого внимания, а потому и требования этикета в отношении нее должны быть выполнены полностью.

У всех народов известно почитание старших. Но не у всех народов существует обычай, согласно которому нельзя пересекать дорогу старшему. «Не пересекать дорогу» – понятие довольно своеобразное. От того, что мы пройдем перед идущим вдалеке человеком, ему не будет никакого вреда и путь его «не прервется». Поэтому этот обычай есть не что иное, как проявление уважения к пожилому человеку, оказание чести ему самому и его возрасту. Это, безусловно, красивый обычай.

В старину чеченские девушки и молодые женщины весьма своеобразно проявляли уважение к пожилому человеку. Если возвращающаяся с родника девушка встречала пожилого мужчину, она опускала свой кувшин на землю, поворачивалась боком и стояла так, пока мужчина не пройдет. Если же это была молодая женщина с ребенком на руках, она опускала ребенка на обочину дороги, а сама отходила в сторону, подобным образом демонстрируя свое уважение к возрасту мужчины.

У нашего народа сохранился рассказ, повествующий об этом обычае. Дуда, сын Исмаила, ехал на коне, когда идущая ему навстречу молодая женщина, положив ребенка на землю, отошла в сторону и повернулась к нему боком. Сойдя с лошади, Дуда подошел к ребенку и, увидев, что это мальчик, положил рядом с ним подарок – семизарядный пистолет. «Да сделает тебя Бог полезным членом семьи, да продлит Бог твою жизнь», – сказал Дуда и удалился. Позднее, узнав, кто именно проявил такую обходительность, отец мальчика прислал Дуде в подарок скакуна. Так, благодаря красивому обычаю, завязалась дружба между ранее незнакомыми людьми.

Приведенные нами примеры показывают, что общие для многих народов обычаи – сокрытие тела и почитание старших – чеченцы усложнили для себя, придали им большее значение и сделали их обязательными для соблюдения. Одна из особенностей нашей народной культуры – в соблюдении правил приличия и обычаев не допускаются послабления, а напротив, требуется максимально возможное усердие и тщательность.

Подводя итог сказанному выше, мы отмечаем следующее. Чеченская традиционная культура (оьздангалла) своими главными, важнейшими чертами связана с культурами других народов. Однако чеченский народ создал и своеобразные духовные ценности, отличающиеся от тех, что мы видим у наших соседей. Некоторые из них представляют собой высокую культурную ценность, знакомство с ними будет полезным и для других народов.

Недостаточно того, что народные традиции существуют — необходимо знать их и им следовать. У бесписьменных народов традиции переходили от поколения к поколению, от отца к сыну. Но иногда случается так, что в результате больших исторических событий (война, выселение и тому подобное) связь между поколениями прерывается. Поэтому некоторые традиции оказались забытыми и больше не существуют среди чеченцев. И хотя письменность у нашей нации существуют около столетия, до сих пор не появилось ни одной книги, специально посвященной нашей традиционной культуре и этике, если не считать отдельных научных статей по выделенным темам.

Как уже было сказано: **недостаточно знать традиционные этические нормы, если они не применяются на деле.** В нашей нации редко можно встретить человека, не знакомого с основными этическими нормами. Но их применение день ото дня сокращается, а некоторые из них отмирают. Например, из нашей жизни исчез обычай, согласно которому мужчины всегда ходили в головном уборе. Чуть больше двадцати лет назад ни один молодой человек без головного убора не вышел бы не только на улицу, но и к себе во двор или навстречу гостям. Также чрезвычайно редко случалось, чтобы мужчина отпускал длинные волосы. Сегодня и этот обычай исчез, словно его никогда и не было. Правда, и сейчас чеченские мужчины не пойдут с непокрытой головой выразить соболезнование родственникам умершего.

Обычай ходить в головном уборе связан не только с желанием красиво выглядеть. Он имеет глубокий смысл. Он означал — я пришел с чистыми намерениями, принадлежу к благородным людям и имею право носить папаху.

Насколько большое место в жизни чеченцев занимали традиционная этика и культура показывают произведения народ-

ного коллективного творчества. Так, в одном народном узаме⁶ имеются следующие строки:

Ночью, когда нет гостей, чтобы сесть вместе с ними за на
крытый стол,
Сладкое угощение, приготовленное на ужин, оставалось не
тронутым;
Ночью, когда рядом не оказалось скакунов гостей, чтобы
вместе пастись,
Конь хозяина ржал во дворе, не притронувшись к сену, что
было брошено ему;
Не слыша в доме голосов гостей, не притронувшись к тому,
что было им налито,
Во дворе выли собаки – столь дороги были гости
В прежние времена нашим древним отцам, этих
достойных мужей
Не забывают, друзья, пока топчите черную землю...

В этом отрывке лошади и собаки показаны обладающими человеческими нравственно-этическими качествами. Настолько высокие требования предъявлялись к культуре чеченского дома, что ее нормы должны были соблюдать и домашние животные.

Об этом в одном своем стихотворении так пишет Ахмад Сулейманов⁷:

От волка и вора отличить гостя
Обучен чеченский пес,
Издав выйдя навстречу, ласкаясь,
Он нам указывает дорогу.

Еще более удивительная картина возникает в одной народной сказке. В ней нравственно-этическим сознанием наделен дракон, который свернулся вокруг единственного сельского родника и не давал сельчанам набрать воды без того, чтобы ему не выдавали по одной юной девушке. Но он дважды беспрепятственно позволяет набрать воду юноше из другого края. Когда юноша уходил, в третий раз набрав воду, дракон сказал ему:

– Поскольку ты гость, соблюдая приличия, я не тронул тебя, когда ты трижды пришел за водой, но больше не приходи. Появишься еще раз – живым не уйдешь.

Эти примеры показывают, что чеченский народ главный смысл существования видел не в том, чтобы увеличивать материальные богатства, или воздвигать каменные города, или завоевывать земли других народов, а в том, чтобы заниматься дозволенным трудом на своей земле и жить в соответствии с нравственно-этическими ценностями.

Чеченскую народную этику и культуру, образно говоря, можно сравнить с высокой башней. Она вознеслась столь высоко, потому что каждое новое поколение добавляло в нее свой камень. Поэтому на каждом чеченце лежит обязанность беречь эту башню и участвовать в ее строительстве. Если молодой человек, не подумав как следует, начнет порочить традиции отцов и отворачиваться от них, или менять их на нормы поведения, занесенные с Запада или Востока, – это все равно, что из стен башни вынимать камни. Когда число таких людей увеличится, есть опасность, что башня обрушится. Об этом поэт Супаев Руслан⁸ сказал:

Ты не торопись опровергнуть древнюю сказку,
Не произноси слова, способного ранить отца и мать.
Их унесет метель времени,
Оставив в твоём сердце печаль.

Они постигали мир не по книгам –
Пахали землю и боролись с бурями!
Ты не торопись разрушить древнюю башню –
Время само легко расправится с ней.

Тепло рук, на которых узлы вен, –
Это тепло рук твоего отца!
Земля, которая осталась под ногтями матери, –
Это земля твоей Родины!

Время не разрушит башню чеченской этики и культуры, если каждый из нас будет беречь ее своим поведением, словом и поступками. Она будет стоять, пока существует чеченская нация.

1 Ахмадов М. Нохчийн гиллакх-оьздангалла. – Грозный - СПб, 2002. - С. 286.

2 Слова «оьздангалла» и «гиллакх» употребляются в чеченском языке для обозначения чрезвычайно широкого круга близких и родственных понятий. Причем каждое из этих слов имеет как узкое, так и широкое толкование. Например, «оьздангалла» обычно переводится на русский язык как «вежливость, обходительность, учтивость, воспитанность». Но это же слово имеет значение «благородство», а также служит для обозначения совокупной целостности нравственно-этических норм, что позволяет переводить его на русский язык как «культура».

Слово «гиллакх» часто употребляется в значении, близком к слову «оьздангалла», и может переводиться на русский язык как «приличие, обходительность, вежливость, любезность». Вместе с тем, в чеченском языке оно употребляется для обозначения свода правил поведения, обязательных для любого хорошо воспитанного человека – своего рода кодекса чести; а также для обозначения внешних форм проявления отношений между людьми. Благодаря этому слово «гиллакх» может означать как «этикет», так и «этика».

Но помимо этого, каждое из названных слов может употребляться в значении, близком к понятиям «нравственность», «мораль», «традиции». Поэтому в настоящем переводе (в зависимости от контекста) даются различные толкования слов «оьздангалла» и «гиллакх», а в некоторых случаях они употребляются как имеющие самостоятельное значение термины, относящиеся к чеченской народной культуре и этике. Наиболее точный перевод словосочетания «гиллакх-оьздангалла» (буквально «этика-культура») – народная (традиционная) этика и культура.

3 Илли – особый жанр исторической и героико-эпической песни в чеченском устном народном творчестве.

4 Автуры – крупное чеченское селение, от названия которого и происходит прозвище героя.

5 М. Мамакаев – известный чеченский поэт, прозаик, ученый (1910 – 1973 гг.).

6 Узам – особый жанр лирико-эпических произведений в чеченском фольклоре.

7 А. Сулейманов – известный чеченский поэт и ученый (1932 – 1995 гг.).

8 Р. Супаев (род. в 1951 г.) – чеченский поэт.

Основные ценности чеченской народной культуры

Главная ценность чеченской народной культуры есть уважение к человеку.

Нужно отметить, что уважение к человеку является нравственной ценностью у всех народов. Правда, в некоторых обществах права человека напрямую зависели от его принадлежности к той или иной социальной группе. Например, в рабовладельческих государствах – назовем, хотя бы, Древний Рим – всеми правами пользовались лишь аристократы, а эксплуатируемые имели прав не больше, чем животные. Или другой, более близкий пример. В России крепостное право существовало до 60-х годов девятнадцатого столетия. Согласно этому «праву», владельцы своих крестьян могли продавать, менять на собак или что-нибудь другое, по собственному желанию подвергать их наказаниям.

В чеченском же обществе, которое не знало подобного социального деления, любой человек, будь он беден, увечен, происходил ли из маленького тайпа¹, – имел равные права со всеми, а уважение к нему и положение в обществе определялись в зависимости от его собственной культуры и личных достоинств. Категорически не дозволялось порочить человека словесно, действием и любыми другими способами.

Позором, в большинстве случаев смываемым только кровью, считалось, если с мужчины срывали шапку или пояс, прикосновение к женщине и другие подобные действия. Причем, словесное оскорбление расценивалось наравне с насилием, произведенным при помощи оружия. Поэтому любой человек держал данное слово и даже в разговоре со своим врагом избегал грубых слов и оскорблений.

То, что в последние годы по телевидению можно услышать чересчур непринужденную, а подчас и просто неприличную речь – нельзя расценивать иначе, как свидетельство ослабления нравственных устоев нашего народа. Разговаривающие по-

добным образом разрушают опоры культуры, стены культуры, тысячелетиями создававшейся нашими предками.

Чрезвычайно высоко ценилась чеченцами и человеческая жизнь, поэтому в случаях непреднамеренного убийства из многих селений собирались люди, чтобы просить прощения для виновного. Обнажив головы и став на колени, они просили прощения для него. Самого же кровника, на котором была вина за пролитую кровь, приносили на погребальных носилках, завернутого в саван. Что означало следующее: «Этот человек глубоко раскаялся в содеянном, отныне прелести этого мира утрачены для него и он подобен мертвому, хотя душа и не покинула его. Поэтому освободите его от вины». В случае, если кровники отказывались от дальнейшего преследования, они имели право получить «цену крови» – 70 или 63 коровы или их стоимости деньгами и золотом.

Столь высокая цена человеческой жизни полностью согласуется с мусульманской религией. В Коране сказано, что убийство одного человека есть грех не меньший, чем убийство всех людей, живущих на земле.

А в чеченской народной песне смерть человека сравнивается с гибелью целого мира:

Когда говорили, что мир погибнет,
Мне казалось,
Что синие небеса, растрескавшись,
Рухнут вниз.

Оказалось же, гибель мира есть
С сердцем горячо любимым –
Другом – расставание,
Когда ты остаешься в одиночестве.

У чеченцев существовала подробно разработанная система наказаний за проявленное к человеку неуважение. Например, была установлена определенная плата за словесное оскорбление. Отдельная плата полагалась за нанесение пощечины. За неуважение к дому (например, приставание к девушке из дома, оказавшего гостеприимство) наказывали публичным снятием штанов. Такое же наказание или нанесение ранения, а то и

смерть полагались за приставание к замужней женщине или ее оскорбление.

Все, что было связано с женщинами, исполнялось чеченцами строго и неукоснительно. За гибель женщины убивали двух мужчин – настолько высоко ценились нашими предками ее жизнь и достоинство. Вероятно, это связано с тем, что, с одной стороны, женщина более уязвима, слаба и беззащитна по сравнению с мужчиной; а с другой стороны, женщина – это мать или будущая мать, а бесчестие, нанесенное матери, – одно из величайших зол.

Уважение к человеку, внимание к нему, защищенность человеческой жизни – самая главная ценность чеченской народной культуры.

В чеченской народной философии большое место занимает понятие «сий», которое на русский язык можно приблизительно перевести как «честь». В слове «честь» («сий») мы видим содержание понятий «душа» («са») и «кровь» («цӀий») и слышим их звучание. И действительно, честь человека неразрывно связана с его душой и кровью. «Сий» – нечто, чем человек дорожит, что нельзя уронить и нельзя позволить уронить другому; **нравственные обязательства**, добровольно взятые на себя; бремя добрых дел, обязательных для надлежащего исполнения; **доброе имя**, появившееся после того, как люди оценили совершенные добрые дела и позволяющее «без черного лица» (**с чистой совестью**) ходить среди людей с высоко поднятой головой.

«Человек без сий» – это человек, лишенный качеств, определенных нами (нравственные обязательства, бремя добрых дел, доброе имя, чистая совесть).

Определение «человек без сий» означает у чеченцев наихудшую оценку. Например, в одной народной песне так говорится о врагах, пришедших, чтобы разрушить селение:

Мы проклянем, парни,
Утративших стыд врагов.
Мы уничтожим, парни,
Утративших «сий» врагов.

Попытка уронить «сий» человека (действием или словом) расценивалась чеченцами как преступление не меньшее, чем

убийство. В большинстве случаев нанесение бесчестия, как и убийство, искупалось кровью. Но человек, ответственный не только за свою честь, но и за честь семи поколений своих предков и семи поколений потомков, никогда и не посягнет на честь другого человека. Потому что умалявший честь других никогда не добивался чести сам. Поистине, ни у кого нет права наносить урон чести другому, и пытающийся сделать это, на самом деле, роняет собственную честь.

Вокруг понятия «сый человека» (человеческое достоинство) существуют и другие нравственные ценности.

В первую очередь следует упомянуть «маршо» (свобода человека). О том, что эта ценность ставилась чеченцами выше всего, свидетельствует традиционное приветствие, которым чеченцы обмениваются при встрече:

«Приветствую² тебя!» (буквально – Свобода для тебя!) – говорит начинающий разговор.

«Приветствие от Бога да будет тебе!» (Свобода от Бога да будет тебе!) – отвечает другой.

«Приходи свободным!» – говорят гостю.

«Оставайтесь свободными!» – говорит уходящий остающимся.

«Иди свободным!» – слышит он в ответ.

Этот обычай показывает, что чеченцы ставили свободу, право собственного выбора и свободомыслие выше здоровья (русские, например, приветствуя друг друга, говорят «здравствуйте»), мира и других ценностей.

Однако свобода не означала для человека возможность делать все, что ему хочется. Свобода – это когда человек, не причиняя никому вреда, держит себя в рамках нравственных обязательств, которые он добровольно возложил на себя. Свобода творить добро – вот признак подлинной свободы. Свобода творить зло – это нарушение требований народной этики.

Свобода для человека – осознание того, что находящийся рядом с ним так же свободен, как и он сам, и его свободу необходимо беречь так же, как и свою.

Правда, полной свободы для человека быть не может. Потому что с момента своего прихода в этот мир человек находится в рамках различных (природных, временных, общественных, семейных...) укладов: хочет или не хочет, но он не может вый-

ти из-под их власти; они (эти устои) сотворены Богом и не зависят или почти не зависят от человека. Например, как бы не хотелось человеку, но со временем он стареет, а по прошествии отведенного ему времени умирает...

Поэтому свобода – это постижение устоев (как сотворенных Богом, так и введенных людьми), а в соответствии с ними – собственных обязанностей и принятие их на себя. Уровню развития интеллекта конкретного человека соответствуют и круг принятых им обязательств – перед самим собой, своей семьей, селением, страной.

Не видеть на себе никаких обязательств – это не свободное сознание, а полная ему противоположность. Максимально ограничивая телесные желания, оставлять свободной душу – вот еще одна сторона настоящей свободы. Так, большинство чеченцев всегда ощущало себя внутренне свободными, какими бы суровыми ни были условия жизни, по крайней мере, даже в то время, когда во время выселения они жили в чужой стране, лишённые всяких прав:

«Но была одна нация, которая совсем не поддавалась психологии покорности – не одиночки, не бунтари, а вся нация целиком. Это – чечены... Никакие чечены нигде не пытались угодить или понравиться начальству – но всегда горды перед ним и даже открыто враждебны». (А. Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ»).

Свобода дарована Богом людям наравне с воздухом, водой и солнцем, чтобы познавать и жить достойно, распространяя по земле Добро и Свет. Лишение человека свободы есть огромное зло: без нее жизнь человека не будет полной, наполняющей и очищающей его душу. Поэтому в вековых противостояниях чеченцы искали Свободу, а если она оказывалась недоступной – Смерть, но обязательно в борьбе. (Отсюда происходит лозунг «Свобода или смерть!»). Однако это не означало, что весь народ должен был физически погибнуть ради достижения этой цели. Смерть для народа – это перемена обычаев, внешних форм проявления культуры, верований, языка, даже если и останутся люди, произошедшие от прежнего народа. Не жалеть своей жизни в борьбе за свободу – это был выбор каждого отдельного человека, и человек был свободным, когда делал свой выбор.

Как кажется, огромную ценность имеет свобода вероисповедания – в первую очередь, возможность служить Богу и соблюдать религию во всей чистоте.

Свобода – понятие не только философское, но и историческое. Если во времена Шейха Мансура³ чеченцы отстаивали свободу своей страны, то в советское время они боролись за свою личную свободу и свободу взаимоотношений внутри своей семьи. Для достижения большей степени свободы в то время не было исторических условий.

Свобода – это еще и психологическое понятие. Даже находясь в тюрьме, человек может сохранять внутреннюю свободу, если, конечно, у него хватит для этого ума и веры. Без этих качеств человек не будет свободен душой даже при максимальной внешней свободе. Большинство чеченцев всегда были внутренне свободными. Именно внутреннюю свободу («свободу души») увидел в чеченцах и упомянутый выше русский писатель.

Одним из главных устремлений нашего народа была **«нийсо» (справедливость)**. Позором считалось оказание помощи своему родственнику в случаях, когда тот был неправ. Говорящего неправду останавливали, обращаясь к его родичам. Его вразумляли, если нужно – резко пресекали, а в тех случаях, когда ничего не действовало – могли и убить. В представлении чеченцев не было человека без опекуна, к которому можно было бы обратиться с претензиями. Именно поэтому стало возможным то, над чем сегодня можно только посмеяться: «О недостойном поведении Гитлера надо сообщить его родичам – пусть они его остановят», – так говорили чеченские старики во время Второй мировой войны.

В прежние времена благородные люди («оьзда нах») старались соблюдать справедливость даже в самых острых конфликтах. Так, в народных преданиях сохранился некогда действительно произошедший случай. Однажды между двумя молодыми людьми произошла ссора. Вдвоем они удалились, чтобы разрешить спор поединком. Однако только один из них оказался вооружен кинжалом. Тогда владелец кинжала, нанеся своему противнику рану, протянул ему свое оружие со словами: «Возьми, теперь ты ударь». Тот, приняв кинжал, нанес удар и вернул его хозяину. Так, передавая друг другу один и тот же кинжал, они

носили друг другу раны, пока, обессилив, оба не рухнули на землю. Один из них умер, другой (владелец кинжала) остался жив. Посоветовавшись между собой, родственники убитого простили ему кровь за то, что во время ссоры он соблюдал справедливость.

«Справедливость должна быть и между двумя родными братьями», – утверждает народная пословица. В случае, если не было возможности отстоять справедливость ввиду явного превосходства сил угнетателей, чеченец никогда не принимал это как порядок вещей, который будет сохраняться всегда. Восстановление справедливости просто откладывалось им до того времени, пока у него не появятся для этого возможности. Не торопился, но и не забывал. Просто терпеливо ждал.

А терпение⁴ («собар») – одно из наиболее почитаемых нашим народом нравственных достоинств.

Рассказывают, что некогда один человек пришел к Бейбулату Таймиеву⁵. «Я слышал, что ты очень храбрый человек, теперь мы должны помериться силами», – сказал он. Однако Бейбулат, сын Тайми, не набросился сразу же на этого недалекого человека, а проявил терпение, которое помогло ему найти достойный ответ. «Я соревнуюсь с другими не в храбрости, а в следовании этикету, – сказал Бейбулат Таймиев, – к тому же я очень боязливый человек». «Как это понимать? Кого может бояться человек с таким прославленным именем?..» – удивился мужчина, пришедший соревноваться с ним в храбрости. «Я всегда боялся позора и недостойного поступка со своей стороны... Поэтому не пытайся соревноваться со мной в смелости», – с этими словами Бейбулат Таймиев выпроводил неразумного человека.

«Торопливость лишила жизни, а терпение одолело гору», – говорит народная пословица.

Вероятно, укрепление этой этической нормы в сознании нашего народа связано с укреплением исламской религии. Бог в Коране сказал, что Он на стороне терпеливых. Терпение – не отчаиваться, несмотря ни на какое бедствие или угнетение, не предпринимать ничего в спешке, не подумав, а, правильно поняв происходящее, найти верное решение (как говорят чеченцы, «найти брод в реке»).

Терпение проявляется по-разному. Поэт Ахмад Сулейманов говорил, что настоящий муж после того, как у него истощилось терпение, должен вновь обрести его.

Примером великого терпения может служить поступок Гази-Хаджи Зандакского. Сын Гази-Хаджи был убит на второй день после того, как женился. Жители селения схватили убийцу и, приведя его к Гази-Хаджи, спросили, как теперь надлежит поступить с ним.

«Почему ты убил моего сына?» – спросил Гази-Хаджи. Виновный, однако, не хотел отвечать на этот вопрос. Лишь после того, как Гази-Хаджи настоял на своем, он открыл причину: «Я любил девушку, на которой женился твой сын. Девушка отвечала мне взаимностью и согласна была выйти за меня замуж. Однако родители, против ее воли, отдали твоему сыну; отдали из-за тебя, приняв во внимание, что он сын известного авлия⁶. Я не мог вынести этого и потому убил твоего сына».

Во имя Бога простив кровь своего сына, Гази-Хаджи оставшуюся после смерти сына девушку выдал замуж за своего кровника, устроил их свадьбу и построил для них дом в своем дворе, в котором они жили до самой его смерти.

Один этот поступок наглядно показывает, что Гази-Хаджи был истинным алимом, а его духовность была крепка. Поэтому в народе он известен под именем «Гази-Хаджи, сломавший хребет сатане».

Если попытаться понять содержание поступка Гази-Хаджи, можно прийти к следующим выводам:

- терпение не имеет границ; в тот момент, когда кажется, что дальнейшая сдержанность не имеет смысла, человек должен искать и вновь находить в себе терпение;

- терпением, равным проявленному Гази-Хаджи, может обладать только человек, в котором сильно религиозное смирение. Найти в себе столь великое терпение Гази-Хаджи помогли слова Бога, содержащиеся в Коране: «Я на стороне терпеливых»;

- удовлетворению, которое он мог получить, расправившись с преступником, устяз предпочел награду, которая ожидала его у Бога;

- Гази-Хаджи простил преступника не потому, что посчитал зло, совершенное им, оправданным. Приговор над ним он оставил за все видящим и все знающим Богом, который и есть

Высшая Справедливость; а себе своим безграничным терпением он искал награду у Бога.

Такого рода удивительные поступки быстро становились известными по всей Чечне, они служили хорошим примером того, как следует улаживать конфликты тем, кто терпением стремится обрести благодать. О подобном случае рассказал в одной из своих статей писатель Идрис Атсаламов:

«...Так, в результате ссоры от его руки погиб один из семи братьев, известных своим мужеством. Очевидно было, что вина за ссору лежала на погибшем.

Рано утром, на третий день после завершения траурного поминовения (тезет), во дворе шести братьев погибшего собралось множество людей.

Старший из братьев, увидев в своем дворе собравшийся народ, не мешкая, вышел к нему. Подойдя, он сказал: «Да будет утро добрым для вас, уважаемые гости. Я не стою и подметок нашей обуви, зачем же вы опустились на колени? Прошу вас, немедленно встаньте. Уверен, что вы не попросите у меня невозможного. Любое ваше желание можете считать исполненным».

Рядом со старшим стали другие братья.

Тогда заговорил мужчина, стоявший во главе просителей:

— Мы еще раз соболезуем тебе о твоём брате. Мы понимаем, что происходит с вашими сердцами. Жжет их боль. Да благословит Бог умершего раньше положенного времени. Пусть изобильной будет жизнь его потомства. А просьба наша не тяжела. Она соответствует обычаям. В чем вина детей, плачущих в темноте? В чем вина матерей, с тревогой вслушивающихся в темноту за окнами? Мы просим тебя — оставь тяжелое бремя кровной мести на одном, кому выпала эта несчастная доля. Освободи от нее тех, чьи руки чисты.

Тогда заговорил старший из братьев:

— Да будет вам почет от Бога, мужи и старцы. Не такая уж это и большая просьба, чтобы вы пришли сюда и просили об этом. Но вы оказали нам эту честь и, проявив уважение, пришли в наш двор. Если будет нужно, каждый из нас умрет за вас. Наш брат умер, ему достался жребий смерти. В честной схватке двое нанесли друг другу раны. Брату выпало умереть от них. Мы знаем, что наш кровник не имеет склонности к злу. Но ссо-

ра есть ссора. Предки говорили: ссора — это не творог с маслом. Но вам, собравшимся здесь уважаемым мужам, во имя вас, во имя слез, пролитых над колыбелью каждой чеченской матерью, во имя Аллаха, создавшего нас и забирающего нас — мы даем слово. Хотя и задержка выйдет, прошу, приведите сюда нашего кровника...

Специально посланные люди быстро принесли кровника на погребальных носилках. Старший из братьев позвал свою мать:

— Нана, подойди. Вот лежит тот, кого мать качала в колыбели, как и ты своего сына. Тебе не будет радости от того, что его мать заплачет над ним, как ты только что плакала над своим. Признай его сыном вместо умершего. Отныне будет у тебя один сын в загробном мире и семеро в этом. Свое разбитое сердце, скрепив мужеством, прости и обними его...

— Эй, люди, — добавил он затем, — мы не можем жить в этом мире без вас. Ради Бога и вас мы прощаем своего кровника».

Известно также немало случаев, когда недостаток терпения не позволял уладить миром даже гораздо более легкие конфликты; когда ответчики в смятении проявляли неуважение к просителям и большому числу пришедших с ними людей. Один такой случай приводит и автор упомянутой статьи:

«...Более шестидесяти лет назад в горном селении от случайного рикошета погиб молодой человек. Множество людей, в том числе и из окрестных селений, собралось, чтобы обратиться с просьбой к отцу погибшего. Опасаясь, что тот скроется из своего дома, узнав, с какой просьбой к нему хотят обратиться, люди, без предупреждения ранним утром заполнив двор и улицу, опустились на колени. Стоять остался только Абдул-Халим-мулла, который и должен был обратиться с просьбой.

На рассвете, выглянув в окно, хозяин увидел множество народа, собравшегося во дворе. Увидев эту картину, он выбежал во двор, не успев даже как следует обуться и на ходу надевая овчинный тулуп. Очень недовольный и рассерженный, сердито ворча и не поздоровавшись с собравшимися, он грубо заговорил:

— Почему без спроса вы пришли в мой двор? Кто вас звал? Уходите с моего двора. У меня нет с вами никаких дел...

Увидев его таким раздраженным, Абдул-Халим растерялся и замер, не находя нужных слов.

В это время стоявший рядом с ним Исраил, сын Ума-Хаджи, встал, подошел к разгневанному хозяину и, крепко обняв его, сказал:

– Уважаемый!⁷ Мы же не на пир шли к тебе, чтобы заранее извещать о своем приходе. Мы поступили так потому, что боялись, что ты скроешься от нас, не выйдешь нам навстречу, а ведь мы хотим, чтобы ты выслушал и понял нас. Мы поступили так из уважения к тебе. Будь терпелив, попроси у Бога *собар* для себя. Посмотри на народ, опустившийся перед тобой на колени. Выслушай просьбу, идущую от всего сердца.

В этот момент опомнившийся Абдул-Халим взял на себя дальнейший разговор. Мне неизвестно подробное содержание его речи, но состояло оно в рассуждениях о предназначении обездоленных людей, отвратительности зла, благородстве народных обычаев, терпении мужей, силе согласия, невозможности избежать добра и зла и других сложных жизненных ситуаций.

Однако стоящий напротив него оставался глухим. Он не понимал, что ему говорят, впадал в исступление от просьб и не обращал внимания на коленопреклоненных людей. До послеполуденного времени люди пытались смягчить окаменевшее сердце...

Не желающего откликнуться на законную и справедливую просьбу чеченцы никогда не считали мужем, способным ответить на добро добром, а на зло – злом. Когда окончательно стало ясно, что просьба известных людей простить нечаянное преступление, поддержанная большим количеством ставших на колени людей, не будет принята, поднявшись с колен, вперед вышел Ризван, сын Айдамира, уважаемый в народе, несмотря на далеко еще не преклонный возраст. «Эй, люди! – сказал он. – Послушайте меня! Наша просьба, во имя всего святого и почитаемого, простить совершившего случайное убийство, осталась без ответа. Знайте, что над этим человеком, сегодня отказавшим народу в его просьбе, нет никакого Божьего страха. Это недостойный муж, он проклят самим собой. Поднимайтесь с колен, мы уходим».

Собар – это не только проявление воли не сделать что-то непоправимое, не соответствующее нормам *овьдангалла*, но и

нахождение в себе силы не впасть в отчаяние (в «отчаянное бездействие»). Поэтому традиционное пожелание тому, кого настигло горе, звучит так: «Пусть Бог даст вам собар с иманом (терпение с верой)». Так, высокие качества терпения с верой проявил пастух из древней чеченской легенды.

Когда-то пас в горах отару молодой пастух. Он всегда носил с собой скрипку. Другие пастухи брали с собой свирели или балалайки. А он, единственный, – скрипку. Летом, когда травы по утрам издавали аромат, насытившиеся овцы располагались в тени больших деревьев, пастух брал в руки свою скрипку. И над горами, над ущельями разносились звуки чудесной мелодии.

В один из дней начался сильный дождь в горах, сопровождаемый раскатами грома и вспышками молний. Пастух загнал отару и своих собак в пещеру на склоне горы. Он всегда так делал, когда начинался дождь или буря. Но в тот день дождь лил, не только не ослабевая, а наоборот, все усиливаясь со временем. Дождь продолжался весь день и всю ночь. На рассвете второго дня пастух услышал сильный грохот. Он бросился из пещеры, но выход уже был завален внезапным оползнем. Пытаясь освободиться, пастух разгребал землю и камни, пока не упал обессиленный. Передохнув, он вновь принялся за работу. И вновь упал без сил... И так повторялось много раз. Наконец он понял, что своими силами ему никогда не удастся расчислить выход из пещеры. Потрясенный, он пролежал без движения сутки. К этому времени изголодавшиеся собаки начали рвать овец, а те сгрудились вокруг своего пастуха, как бы ища у него защиты. Отчаявшись, пастух не знал, что предпринять. Внезапно он вспомнил о своей скрипке. Как будто ярким светом, осветилось его сознание. Схватив скрипку, он начал играть грустную мелодию. В нее он вложил всю свою душу, тоску по матери, по любимой, по синему небу, по закатам и рассветам – всему, что любил в жизни, а также невыразимую тяжесть своей беды, большей, чем тяжесть обрушившейся на него горы, отвратившей его от всего мира.

Почувствовав, что становится легче на душе, он еще и еще играл эту неожиданно возникшую из-под смычка мелодию.

Тем временем прекратился дождь, и жившие в окрестных селениях люди заметили, что не слышно больше привычных

шников его скрипки. Так прошел день. Люди собрались у подножия горы и начали поиски пропавшего пастуха. Долго они искали. Однако нигде не было следов ни пастуха, ни его отары, ни его собак.

В один из этих тревожных дней юноше, проходившему мимо недавнего оползня, показалось, что он слышит звуки скрипки, как бы идущие из-под земли. Припав к земле, он долго вслушивался в неясные звуки, пока, наконец, не убедился, что это скрипка пропавшего пастуха. Тогда молодой человек понял, что произошло. Взобравшись на кручу, он криком созвал людей к месту трагедии. Работая сутками без отдыха, люди разгребали завал. Они спасли не только пастуха, но и его овец и собак. А мелодия, которую играл тогда пастух, до сих пор живет в народе. Ее так и называют: «Мелодия оставшегося погребенным в пещере». Исполнение ее трудных аккордов считается почетным для каждого музыканта.

С терпением сопряжена **«майралла» (храбрость)**. Это качество необходимо показывать лишь иногда и к месту. Если дальнейшее проявление терпения грозит вывести дело за рамки приличий и может обернуться победой безнравственности – храбрость есть мужество совершить поступки, которые не допустят этого. Но отсутствие терпения, а также искать ссоры или, не думая о последствиях, бросаться в конфликт – это не храбрость, а **«сонталла» (безрассудство)**. Чеченцы считали его большим недостатком. Различие между храбростью и безрассудством, видимо, следующее: храбрость есть готовность восстановить справедливость и защитить этические нормы; а безрассудство – готовность открыть дорогу злу, развязать конфликт, не задумываясь ни о его причинах, ни о возможных последствиях.

Слово «терпение» и его полное содержание в сознании нашего народа еще более укрепилось с распространением исламской религии. А такая нравственная ценность, как **«яхь»** (приблизительный перевод – «гордость»)⁸, похоже, издревле являлась одним из качеств нашего народа, к тому же, это своеобразная традиция, показывающая одну из особенностей духовной культуры чеченцев.

Чеченские народные героические песни в большинстве случаев завершаются такими или схожими словами:

Пусть не родит мать отцу сына без яхь,

А если родит – пусть он не доживет до полудня;

Пусть не родит мать отцу сына, которому нельзя доверять,
А если родит – пусть не вырастет он, чтобы вкусить этот мир!

С хьх девушка лучше не имеющего хьх парня,
Да не умрем мы, парни, не получив сказанного,
Да не умрем мы, парни, утратив любовь друг друга!
Пусть будет жизнь наша со справедливым согласием,
От нас дующий ветер пусть уносит горе и страдания,
К нам дующий ветер пусть приносит любовь!
Полосатая корова лучше парня без гордости,
Пестрая корова лучше парня, которому нельзя доверять.

Какой смысл имеет столь крепкое в сознании чеченцев слово «хьх»? Видимо, хьх – это постоянное стремление в хороших поступках и качествах (щедрость, храбрость и т. д.) быть не только не хуже окружающих, а наоборот, превзойти их, постоянно находиться в состоянии состязательности. В этом состоянии человек пребывал с того времени, как начал осознавать себя, и до самой смерти. Очень много выдающихся способностей выказывал и много трудностей, которые казались непреодолимыми, преодолевал тот, кто вступал в состязание с окружающими или даже с одним определенным человеком. Причем, состязаться он мог как со своим современником, так и с известной личностью, жившей прежде.

В чеченском языке существует выражение «оьзда хьх» (благородная гордость). Это гордость, вызывающая стремление превзойти других в добрых делах и дающая силы восхищаться тем, кто превзошел тебя самого, признать это и поздравить его. Именно о такой гордости говорится в чеченских песнях, и именно она воспевается в них.

Например, возьмем «Песнь о Кабардинском Курсолте». В ней рассказывается, как молодой сын вдовы, к которому приехал его друг Кабардинский Курсолта, отправил со своим гостем красавицу, дочь Дады, на которой «остановился светлый взор» Кабардинского Курсолты, скрыв от него, что он сам любит ее больше жизни. Однако, вернувшись к себе домой, Курсолта замечает печаль привезенной из Чечни невесты и после расспросов узнает всю правду. Тогда он, желая состязаться с чеченским молодцем в проявлении «хьх», привозит обратно в

Чечню красавицу, дочь Дады, заключив свою любовь в рамки этики и благородства. Но молодой сын вдовы, твердо решивший превзойти его в благородстве, той же ночью возвращает невесту в дом Курсолты.

В таких случаях говорят: благородная гордость.

Еще более удивительный пример обнаруживается в древнем предании, записанном ученым Шаарани Джамбековым.

Некогда в горах существовал обычай, согласно которому несколько раз в год на рассвете всех боеспособных мужчин с оружием и на конях созывали к подножию одной горы. Прибывшему самым последним отрубали голову, поскольку считалось, что он поступит так же и в том случае, если страну постигнет бедствие. После одного из сборов старейшины спросили молодого человека, прибывшего последним, о причине его опоздания. Тот ответил: «Вчера я женился. Поэтому не успел вовремя выехать». «Делать нечего, мы не можем не исполнить обычай отцов», — решили старейшины. Но не успели привести приговор в исполнение, как появился еще один опоздавший всадник. Поэтому на него выпал теперь жребий умереть, а уже приговоренный к смерти был спасен.

Вновь опоздавшего старейшины также спросили о причине опоздания. Он ответил: «Вчера моя любимая девушка вышла замуж. Я боялся, что юноша, за которого она вышла, опоздает на сбор, и, выехав пораньше, ожидал его у подножия горы... Я не хотел, чтобы моя любимая осталась с разбитым сердцем... А я готов к вашему приговору».

Пораженные его словами, старейшины долго обсуждали произошедшее. И, наконец, приняли решение: «До тех пор, пока среди нас есть столь благородные («имеющие яхь») молодцы, нам не страшен ни один враг. Поэтому с сегодняшнего дня мы отменяем древний обычай наших отцов».

Последний из юношей выказал столь большое достоинство и благородство, что в это даже трудно поверить. Не важно, было это все на самом деле или нет. Главное, что наш народ создает предания, исполненные благородства, света и милосердия. Это показывает, что большинство представителей нашего народа с древнейших времен всегда стремилось к светлому, жизненные устремления были направлены к духовным высотам.

Наряду с благородной гордостью «яхь» среди чеченцев живет и **гордыня (тщеславие)**. Она проявляется в тех случаях, когда из страха перед народной молвой человек совершает неправильные, вредные поступки. Тщеславие хорошо показано Саидом Бадиевым⁹ в рассказе «Баудди». Его герой, не сдержавший данного слова и опасаящийся, что люди назовут его недостойным мужем, разводится с только что приведенной в дом женой без всякой на то ее вины. По этой причине гибнет Кулсам, которую муж выгнал из дома в метель, темень и холод.

В жизни известно немало случаев, когда из-за гордыни, после укоров отдельных людей, находясь под влиянием чувства ложного стыда перед людьми, убивали безвинного человека, ссылаясь на то, что некогда кто-то погиб от чьей-то руки. Однако прежде чем совершить зло из стыда перед людьми, нужно вспомнить о стыде перед Богом: Бог запрещает оставлять жену без вины с ее стороны и в уплату кровной мести убивать того, на ком непосредственно нет крови.

Ярким примером гордыни и тщеславия стало событие, произошедшее несколько лет назад во время сбора средств на одном из телемаратонов. Поначалу все шло хорошо: люди соревновались в проявлении милосердия. У ящика для сбора средств образовалась длинная очередь. Однако как только завершилась телетрансляция и камеры прекратили работу, очередь исчезла, словно и не было ее вовсе. Те, кто был согласен пожертвовать на виду у всей страны, не захотели проявить «невидимое» милосердие.

Рядом с гордыней стоит «**хьаг1**» (приблизительный перевод – «**зависть**», «**неприязнь**»). Это тоже соперничество, причем с пожеланием зла своему сопернику: не имея благородства принять его победу, человек готов пойти на подлость, пустить в ход клевету и все, что угодно. Очевидно, что это огромный недостаток среди людских качеств и большой грех. Божий Посланец – да благословит его Бог и приветствует – сказал: «Зависть сжигает ваши хорошие дела и молитвы».

В этом мире зависть впервые проявилась в убийстве Каином своего брата Авеля. Он не вынес, что Бог принял жертву Авеля, а также, что их отец любил его больше. Не подумав, вместо того, чтобы сравняться с ним, он отдает сердце зависти к своему брату. С тех пор зависть живет среди людей, являясь причиной многих преступлений.

«Яхь» и «хьагI» хотя и являются противоположными друг другу понятиями, все же имеют некоторую связь между собой. И основе их – соперничество. Поэтому человек должен быть постоянно настороже, чтобы его гордость не превратилась в зависть и чтобы его желание не превратилось в желание сатаны (ибо зависть – сатанинское желание). В прежние времена, чтобы избежать этой опасности, мужи брали себе нравственного стража (стража нравственности).

Воистину, понятие «гордость» сыграло огромную воспитательную роль в жизни нашего народа, особенно в период до принятия ислама. В жизни народа это было нечто, не позволявшее на весах добра и зла перевесить чаше зла и постоянно укреплявшее сторону добра.

Однако с более глубоким познанием исламской религии, с увеличением числа истинных мусульман пришло понимание того, что должно исчезнуть и сотворение добрых дел из чувства соперничества. Истинно верующий в Бога человек должен творить возложенное на него Богом добро независимо от того, соперничает он с кем-либо или видит ли его кто-нибудь. Он будет поступать точно так же и очутившись на необитаемом острове, или если не будет рядом человека, который, взяв с него хороший пример, вступит с ним в соперничество в добрых делах, или если окажется среди людей, закореневших в служении злу.

Это не означает, что понятие «гордость» должно исчезнуть из нашей жизни. Ни в коем случае. Соревновательность «яхь» должна быть направлена на совершение предписанных Богом добрых дел, и совершаться они должны во имя Бога – с такой сущностью она должна существовать между людьми.

Так, у чеченцев существовал обычай совершать поступки во благо народа, оставаясь при этом никому не известным и не вступая ни с кем в соперничество: проложить дорогу, построить мост, благоустроить родник, посадить дерево... О таких поступках говорит поэт Шайхи Арсанукаев в своем стихотворении «В пути»:

Уставший, иду я,
А нутро горит жаждой.
Осмотрелся:

Старая груша,
Густая листва,
Приятная тень.
Под грушей вижу ведро,
А на ветви висит ковшик.
Стоит лавка, говоря мне:
«Подойди, отдохни, попутчик!»
Подошел,
Родниковой воды выпил,
Нутро я насытил...
«Кто же он —
Поставивший здесь лавку для меня?
Кто она, сходившая к роднику на рассвете
И принеся вода для меня?
Сколько сказали,
Проходя,
Спасибо им?» —
Размышляю я...
Никого не видно вокруг.

Поступающие так, без стремления обрести известность, обладают наивысшей культурой и религиозным смирением.

В культуре нашего народа большое место занимает «**къин-хетам**» (милосердие). Быть милосердным не только с людьми, но и со всеми окружающими живыми существами — самая первая обязанность человека. Проявление жестокости в любой ситуации всегда было свидетельством слабости.

Даже тогда, когда казалось, что вообще не может быть милосердия — на войне или в поединке между двумя врагами, ставшими друг против друга с целью убийства, существовала граница милосердия, которую нельзя было переступить — запрещалось кинжалами наносить колотые раны. Потому что рубящая рана не так опасна, ее можно залечить. А колотая рана не только болезненна для раненого, но и из-за внутреннего кровотечения очень опасна для жизни. Поэтому традиции нашего народа запрещали нанесение колотых ран. «Кинжалом колет только незаконнорожденный», — утверждает народная пословица.

Милосердие к людям в нашем народе проявлялось в уважении к появляющимся в обществе сиротам, вдовам, сестрам без приговора, не имеющему сына отцу, пожилым людям. Это мы хорошо видим после близкого знакомства с содержанием чеченских или: из угнанных благородными молодцами табунов или других военных трофеев большая часть предназначалась для упомянутых выше обездоленных людей.

Необходимо отметить: истинная вера есть милосердие Бога ко всем людям. «Будьте милосердными друг к другу, и Я буду милосерден к вам», – говорит Бог в своем славном Коране.

Милосердие связано с другой нравственной ценностью – щедростью («комаьршалла»). Или, иначе говоря, щедрость – это одна из форм проявления милосердия. Чеченское слово «комаьрша» – щедрый – означает буквально «державший ладонь открытой». Оно означает человека, который не прячет от людей в кулаке то, что у него есть, а, наоборот, показывает его людям, как бы заранее выделяя им долю. Щедрость человека, прежде всего, проявляется у него дома, в отношении к родным, а затем и к соседям. Наши предки чрезвычайно высоко ценили умение ладить с соседями и быть щедрыми по отношению к ним. Поэтому они создали такую поговорку с глубоким смыслом: «Близкий сосед лучше далекого брата».

Щедрость особенно полно проявляется в угощении, которое ставится перед гостем. Щедрость хозяина – поставить перед гостем все, что он имеет. Как говорил Магомед Мамакаев, достаточно «предложить кукурузную лепешку с кислым творогом, если это сделано от чистого сердца». У чеченцев существовал обычай, согласно которому для гостя забивали последнюю овцу или быка, что не имели сами – просили у соседей и любыми способами старались угодить гостю. О щедрости чеченских семей другой поэт Ахмад Сулейманов сказал:

Лучше огня очага
Согревает гостя
Чеченцев щедрость,
Чеченцев благородное слово.

Об уважении и ценности гостя мы поговорим в следующей главе, здесь же ограничимся буквально несколькими словами.

Чеченцы оказывали наибольшее уважение прибывшему изда- лека гостю, тем более гостю другой национальности. «Гость не- из нашего края» – так называли прибывшего издалека человека. Охрана и удовлетворение его потребностей становилось делом не только хозяина, но и всего селения. Потому что ущерб, нане- сенный гостю из другой страны, ложился позором на все село.

Ценность гостя показывает данная быль. Однажды в горы пришел человек, преследуемый по праву кровной мести. При- шедшие следом кровники настигли его и во время их перестрел- ки погиб сын хозяина, у которого остановился преследуемый. Тогда хозяин сказал им: «Охрана гостя есть моя обязанность, по- этому моего сына, убитого вами, засчитайте за жизнь человека, убитого моим гостем». Таким способом хозяин избавил от кров- ной мести своего гостя.

Чеченцы завязывали дружбу, не различая национальности. Так, в наших илли часто говорится, как одинокий молодец от- правлялся в путь, чтобы найти себе друга и прибывал к челове- ку из другой нации.

В упоминавшейся здесь «Песне о кабардинском молодце» молодой сын вдовы, поскольку он одинок, отправляется в Ка- барду, чтобы найти себе друга. Там с этим предложением он обращается к Курсолте, известному своим благородством и мо- лодечеством. Тот принимает предложенную ему дружбу. В тот же вечер, несмотря на то, что его дожидалась невеста, он ушел из дома заниматься делами своего нового друга, оставив его в своем доме. Ночью, приняв молодого сына вдовы за своего жениха, к нему приходит «белая невеста» Курсолты, но гость избегает ее, а два пальца руки, которые случайно коснулись чужой невесты, он, отрубив кинжалом, оставляет на окне. Этот поступок объясняется тем, что дружба – это в первую очередь доверие («тешам»). Поэтому даже случайное прикосновение к любимой своего друга благородный чеченец посчитал недозво- ленной слабостью. В возмещение этого он отрубает пальцы, про- явившие «слабость» и «оказавшиеся ненадежными».

Доверие более всего необходимо в дружбе и без него друж- ба невозможна. Ненадежный друг может стать опасным вра- гом. Об этом говорит поэт Мусбек Кибиев¹⁰:

Некоторых друзей
Достойней убийца твоего отца:

Когда он берет свою кровь,
Кровник не насмехается.
Иной же друг
Оказывается лучше брата:
Где тот останавливается,
Он выходит вперед.

Настоящий друг своим телом защитит друга от пули. Насколько велика цена дружбы. С другом человек чувствует себя полнее непринужденно, чем отцом или братом: то, что он не расскажет им (сердечную боль и печаль), обязательно поведает другу. «И брат не брат, если он не друг тебе», – говорит народная мудрость.

В нашем народе существует понятие «побратимы». Так называют неразлучных друзей.

Чеченцы называли надежного друга крепкой башней. Об этом существует народное предание. Умирая, отец завещал своему единственному сыну на землях соседних народов воздвигнуть по одной башне. После его смерти сын пребывал в глубокой задумчивости, поскольку не мог понять смысла отцовского завещания. Но жена объяснила ему: воздвигнуть на землях других народов по одной башне означает завести в каждом из них друга.

В связи с тем, что друга часто искали среди других народов, следует упомянуть еще об одной особенности чеченцев. Чужеземца, прибыл ли он гонимый кровной местью или другими бедствиями, или потому что ему казались близкими чеченские обычаи и традиции, или покинул свой край по причине бедности, – не только принимали, но и выделяли пай из принадлежавшей селению общественной земли. Переселенец же, дабы его новое место обитания было благополучным для него, приносил в жертву быка.

Прибывшего таким образом человека один или два односельчанина, отдельная семья или род брали под свою опеку, включая ответственность за совершенные им проступки. Со временем потомки переселенца смешивались с односельчанами и они становились членами принявшего их рода. Уважение к ним полностью зависело от их поступков и культуры поведения, а происхождение из другой нации во внимание не принималось, хотя и не забывалось.

Чеченцы выделяли и прославляли благородное поведение, мужество и молодечество человека из любой нации. Это подтверждают чеченские героические песни-илли. В них с хорошей стороны упоминаются представители различных народов: грузин, кабардинцев, кумыков, ногайцев... В некоторых илли они оказываются даже лучше чеченских молодцев (например, в «Песне о Черном Ногае»), в тех случаях, когда они правы.

Все это показывает, что чеченский народ (его думающая и культурная часть) был открыт для всех народов, а не пребывал в самодостаточности и изоляции; главным для него было не национальное (чеченское), а общее для всех людей (общечеловеческое).¹¹ Чеченское было лишь одной частью ценности под названием «человечество».

Обязательны для чеченца национальная этика и культура, благодаря понятию, постоянно находящемуся у него в сердце – долг («декхар»). Долг – жить, отвечая всем упомянутым здесь нравственным устремлениям, долг – прежде всего перед своим отцом, матерью, семьей, сельчанами, народом. Но самый главный Долг – Долг перед Богом.

Осознавать на себе все эти обязанности, свой Долг – значит иметь «изхь-бехк» (совесть).¹² Бессовестному человеку кажется, что все вокруг должны ему, а сам он никому не должен. Как видим, это понятие состоит из двух слов. Стыд – это падение уважения к человеку, который не исполнил свой долг или допустил нечто недостойное. Стыд роняет имя человека, обесценивает его добрые дела, лишает человека покоя, если, конечно, у него есть это чувство, как говорится в народе, если у него «лицо огнем горит».

Вина – это слово, с которым обращаются к человеку, не осознающему свой долг перед родными, соседями, односельчанами, народом. Обвинение – есть моральное осуждение за допущенный проступок или неоправданные надежды (ожидания). Однако это не приговор и не проклятие, это гораздо более легкая оценка и за нее полагается нравственное наказание; существует надежда, что человек все же исполнит свой долг, а также наложенное на него взыскание и загладит причиненную другим обиду.

Необходимо отметить, что все упоминавшиеся нравственные ценности взаимосвязаны и ни одна из них не может существовать без других. Например, у бесчестного человека не мо-

жет быть совести, с недостойным доверия не может быть дружбы, с тем, кто не водит дружбу, не может быть состязания в совершении добрых дел...

Человек, обладающий всеми описанными выше нравственными достоинствами, в нашей народной культуре почитался достигшим наивысшей степени – кьонах¹³.

Слово кьонах состоит из двух частей: «кьо» + «нах» – и означает буквально «молодец, принадлежащий народу». Кьонах – это созданный народом идеал человека, наделенного всем необходимым, образ, отвечающий всем требованиям, предъявляемым к мужчине. Это было наивысшее устремление каждого чеченца, которого он пытался достигнуть всю свою жизнь. Звание «кьонах» было самой большой ценностью для чеченца. Это имя нельзя было получить по решению людей, собравшихся в каком-либо месте, его нельзя было получить, как, например, сегодня вручают медаль. Это имя само собой возникало среди людей в соответствии с делами и общественным поведением конкретного человека и точно также само собой могло быть утрачено, если человек допускал проступки.

Имя «кьонах» не приносило его обладателю никаких преимуществ или материальной выгоды от общества и людей. Наоборот, обязанности и ответственность перед людьми только возрастали. Правда, уважение к «кьонаху» широко распространялось, о нем сочиняли песни и предания.

Сайдула Успанов, один из наибов Шамиля, когда его спросили, что труднее всего, ответил: «Труднее всего быть кьонахом». Когда же его спросили о том, что еще труднее, он сказал: «Еще труднее оставаться им всегда».

То же самое, только несколькими другими словами, говорил Ахмад Сулейманов: «Труднее всего быть чеченцем, но еще труднее жить и умереть чеченцем». Однако здесь слово «чеченец» приведено в смысле «кьонах», потому что были и есть немало людей, чеченцев по национальности, которые живут, не утруждая себя; для любого нетрудно быть чеченцем, но тяжело стать «чеченцем-кьонахом». Такой смысл имеет слово «чеченец» в известном стихотворении Магомеда Дикаева¹⁴:

Я – чеченец,
Которого родила чеченская женщина

В ту ночь, когда волчица щенилась,
Которого тигр своим ревом
Разбудил ото сна.

Я – чеченец,
Который не имеет неприязни
К кьонаху любого народа и
Который не может быть
Счастливым вне своей родины и народа.

Бейбулат, сын Тайми, объясняя, каким образом он получил имя «кьонах», говорил: «В первую очередь, уважение ко мне проявила жена, следом уважать меня стала вся семья, увидев, каким уважением я пользуюсь в семье, с уважением ко мне стали относиться соседи; уважение соседей принесло уважение села, а уважение села дало уважение всей страны». Это несложный образец для любого, желающего стать кьонахом. Несмотря на первое впечатление, не так уж и легко идти к своей цели по указанному руслу. В этом высказывании содержится глубокий смысл: какие бы высокие достоинства ты ни демонстрировал, если ты не ведешь себя как положено в собственной семье или живешь с соседями как кошка с собакой – народ никогда не назовет тебя «кьонахом».

В полном соответствии с проявляемыми кьонахом достоинствами среди людей распространялись перенимаемые от него нормы поведения и сказанные им мудрые слова. Они становились примером для подражания всем людям.

Так, с Дудой, сыном Исмаила, связано одно народное предание. Говорят, что один раз Дуда пас сельское стадо. В это время он обратил внимание на молодую женщину, которая шла, громко вздыхая и плача. Остановив эту женщину и поговорив с ней, он спросил о причине, по которой та плачет. Женщина рассказала: «Недавно я вышла замуж и впервые побывала в доме своего отца. Сейчас я возвращаюсь в дом своего мужа и, как ты сам видишь, у меня нет с собой ни одного подарка. Как я встану перед родственниками мужа? Я плачу от стыда перед ними...».

Исмаилов Дуда, сказав, что все это стадо принадлежит ему, самую лучшую корову отдал женщине, которую до этого никогда не видел.

Сегодня сравнительно редко говорят о военных подвигах /уды, сына Исмаила, зато прекрасные поступки, подобные этому, вспоминают вновь и вновь.

Понятие «кьонах» никогда не пребывало в одном и том же состоянии. В соответствии со временем менялось и его содержание. Это хорошо видно при чтении чеченских народных героических песен-илли.

Так, в одной из наиболее древних из них – «Песне о сыне вдовы и вероломном Монце» кьонах отстаивает свои права и справедливость в отношении себя. Главное содержание этого иллю – не уступать надвинувшейся несправедливости и находить в себе достаточно мужества и храбрости, чтобы довести до конца начатое дело. Эти качества и показывает сын вдовы, противоборствуя вероломному Монце и сказочному герою Черному Хоже, пытающимся уничтожить его и отнять у него «сладко любимую» девушку.

В «Илли о Шихмирзе, сыне Зайта» кьонах предстает несколько в другом обличье. С риском для жизни он участвует в состязании, которое происходит в чужой стране (владении Тарковского¹⁵ Шовхала). Трижды с полной чашей подходит к молодцам из разных народов дочь Шовхала, предлагая выпить тому, чей конь – самый резвый, оружие – самое точное, а жена – верная. Трижды Шихмирза, сын Зайта, выпил чашу, которую не решился выпить никто из присутствующих (выпившего чашу и затем проигравшего в состязании – казнили). Выпил с вежливыми словами, не роняя достоинства стоявших рядом с ним:

Не имея ничего, превосходящего ваши достоинства,
Пью за то, чтобы вы не чувствовали неловкость...

Несмотря на эти слова, Шихмирза побеждает во всех трех состязаниях. Мы видим, что, создавая образ кьонаха, повествователь выделяет следующие его качества: обладает быстрым конем, метко стреляет, имеет верную жену («Половину мужчины делает жена», – говорят в народе), умеет обращаться с людьми, поспитан.

Находясь у Тарковского Шовхала, чеченский кьонах защищает не только свою честь, но и честь своего народа. Потому что, если бы он там опозорился, кавказцы говорили не о Ших-

мирзе, а о том, что «чеченец допустил оплошность». Правда, никаких нежелательных последствий ни для самого Шихмирзы, ни для чеченского народа не было бы в том случае, если бы он отказался участвовать в состязании, напоминающем современные спортивные соревнования. В данном случае герой добровольно участвует в играх, устраиваемых Шовхалом, принимая его условия и рискуя своей жизнью.

В несколько другом затруднительном положении оказался кьонах из «Песни о предводителе Балу». Восстав против князя, несправедливо поступающего с людьми, Балу убивает его. Здесь необходимо отметить, что кьонах один ведет противостояние, хотя и борется против гнета, касающегося всего народа.

А Сурхо, сын Ады, герой другого илли, уже не одинок — он предстает перед нами как народный предводитель. В этом илли Сурхо, сын Ады, демонстрирует своеобразные черты истинного кьонаха. Он вовсе не стремится возглавить людей и не жаждет героических дел. Предводители села сами вспоминают о нем:

Конь хороший у Сурхо, сына Ады,
Оружие хорошее у Сурхо, сына Ады,
Сердце храброе у Сурхо, сына Ады,
Сурхо попросим мы у матери, родившей его...

Так руководители села просят Сурхо у его матери. Мать отдает им сына:

Если попросят они у тебя сладкую душу,
От тела отделив, отдай им сладкую душу...

Сурхо говорит своим односельчанам, что готов умереть, если это надо, но не торопится возглавить их, осознавая связанную с этим ответственность. Потому что от него, от каждого его шага, каждого его слова будет зависеть судьба этих людей, возможно, что он сам и все они погибнут, но возможно и добьются победы. Поэтому, проверяя, насколько велико их желание сопротивляться князю Мусосту, он вежливо говорит:

Не будьте обездоленными, предводители села,
Много братьев у князя Мусоста,

Осмелюсь ли я
Сокрушить Мусоста господство?

Однако убедившись, что желание односельчан велико, поняв, что он им действительно необходим, Сурхо, сын Ады, соглашается выступить вперед.

Назовем самые важные качества кьонаха, которые показаны в этом илли:

- становиться во главе людей только по их собственной просьбе, сознавая, что это огромная ответственность;
- удовлетворять желание матери;
- быть готовым умереть самому, чтобы снять гнет с народа;
- не быть чересчур самоуверенным, безрассудным, заносчивым;
- обладать выдержкой, терпением (собар), но при необходимости проявлять проворство, храбрость и мужество.

Таковыми качествами должен был обладать кьонах в то время.

Чеченские писатели создали разнообразные произведения, раскрывающие образы кьонахов. По нашему мнению, лучшее из них написано Ахмадом Сулеймановым. В нем он раскрывает понятие «кьонах» таким образом, как это до него не делал никто:

«Кто есть «кьонах»? Сколько он живет?» –
Спросил ты меня, когда мы сидели на пиру.
Весь этот мир по цене равен кьонаху!
Ведь этот мир держится на плечах кьонахов.

Конь не может двигаться по горам, если нет у него
подков,
Как только они стачиваются, останавливается скакун...
Так же и кьонахи поддерживают этот мир,
Когда кьонахи уйдут – он рухнет...

...На весах он не взвешивает золото и имущество,
Цену достоинствам определяют трудности.
Сложит свою голову, ценой в половину мира,
Себя самого пожертвует там, где защищается наша
свобода.

Воистину, выдержка кьонахов есть высокая гора,
Терпение велико их, не имеет конца!
Воистину, если кончится терпение кьонахов,
Этот солнечный мир рухнет!..

Данное стихотворение показывает нам, что кьонах – это человек, действующий во имя не одного только народа, одной только страны, но и всего мира, оберегающий его, готовый взять на себя его заботы и готовый умереть за него («пожертвовать собой»).

Время, когда было создано это стихотворение – 70-е годы XX века, когда накапливалось атомное и другое страшное оружие, уничтожалась природа, появление все новых болезней поставило Землю на грань уничтожения, а судьба мира зависела от воли отдельных людей. Поэтому истинный кьонах не останется в пределах одной страны, он должен приносить пользу всему миру. Несправедливость, где бы на Земле она ни происходила, всегда касается его, и он должен делать все, что в его силах, чтобы одолеть ее и восстановить справедливость.

Это стихотворение упоминает «крушение мира», связывая его с кьонахами. Слова «Ведь этот мир держится на плечах кьонахов», – это, с одной стороны, поэтическая метафора (приукрашение, преувеличение). Однако, вместе с тем, в них содержится глубокий философский смысл: если хорошие и благовоспитанные люди – кьонахи – не будут постоянно уравнивать весы этой жизни, не позволяя увеличиваться злу и восторжествовать несправедливости – существует опасность, что на нас обрушится гнев Божий.

С укреплением исламской религии в народном сознании несколько изменилось и содержание понятия «кьонах». Некоторые обычаи, казавшиеся ранее достойными уважения, в сиянии ислама обнаружили свою порочность. Например, поиск военной добычи. Не существует «белой» или «черной» добычи... Обе они темные, поскольку запретны. Присвоение чужого, какими бы причинами ни оправдывалось и как бы ни приукрашалось, есть воровство. А это один из величайших грехов, это то, что запрещено для человека, истинно верующего в Бога.

Настоящими кьонахами были жившие среди чеченцев устазы.¹⁶ Обращая людей к религии и очищая их сердца, они трудились во имя Бога, связав желания своего тела и не ища для себя облегчения. Благодаря их благодатной разъяснительной деятельности, чеченский народ постепенно приходил к взаимному согласию, оставляя греховные обычаи и уменьшая раздоры. Однако иноземные власти прервали их благородный труд.

Необходимо отметить, что вайнахские устазы не только вели в народе просветительскую и разъяснительную работу, но и при необходимости демонстрировали лучшие качества воспетых в народных песнях героев: храбрость, мужество, умение воевать... Например, проповедник шейх Мансур был не только распространителем религии, но и военным предводителем; наибом Шамиля являлся Ташу-Хаджи из Саясана; постоянную борьбу с теми, кто захватывал чеченские земли и нес угнетение, вел шейх Дени; гойтинским боем против деникинцев руководил Ибрагим-Хаджи; против установления советской власти вместе со своими мюридами боролся Юсуп-Хаджи из Кошкельды...

Однако в отличие от песенных героев, война и военные победы не были главной целью устазов, они также не соперничали друг с другом и не стремились к увеличению своей популярности. Их цель и их путь были иными. Более полно об этом мы поговорим немного позднее. А завершая эту беседу, хотелось бы выделить следующее: понятие «кьонах» имеет чрезвычайно важное значение для того, чтобы новое поколение росло культурным и развитым. Оно должно быть в сердце у каждого ребенка и молодого человека. Каждый чеченец, пока он жив, должен стремиться к славной высоте по имени «кьонах».

1 Обычно переводится как «род», хотя, по мнению большинства ученых-этнографов, чеченский тайп нельзя рассматривать как классический род.

2 Чеченское слово «приветствие» – *маршалла* – имеет тот же корень, что и слово «свобода» – *марио*, от которого оно, собственно, и происходит. Поэтому, когда чеченцы обмениваются приветствиями, происходит непередаваемая на русском языке игра слов: собеседники в разной форме желают друг другу оставаться свободными.

3 Первый имам Северного Кавказа и общественно-политический деятель последней четверти XVIII века.

4 Чеченское слово «собар» имеет ряд значений: терпение, хладнокровие, сдержанность. Иногда, в зависимости от контекста, оно приобретает значение «смирение».

5 Бейбулат, сын Тайми, – общественно-политический деятель и военный предводитель первой четверти XIX века, ставший героем многих чеченских народных героико-эпических песен.

6 *Авлия* – так чеченцы называют выдающегося богослова, одновременно являющегося образцом высокой нравственности. Одних только познаний в области исламской теологии в глазах чеченцев недостаточно, чтобы заслужить это звание.

7 *Хьенех* – буквально «некто», принятая в чеченском языке уважительная форма обращения.

8 Чеченское слово «яхь» имеет также значение: соревнование, состязание. Таким образом, гордость для чеченцев изначально содержит элемент состязательности: задетая гордость заставляет человека превзойти самого себя (например, чеченская пословица гласит: *яхье даьлла эппаз туьмане кхаьчна* – гордость заставила двугривенный вырасти до червонца). Но в отдельных случаях, в зависимости от контекста, слово «яхь» правильнее переводить на русский язык как «благородство».

9 Саид Бадиев (1904 – 1937 гг.) – чеченский писатель, основоположник новой чеченской литературы.

10 М. М. Кибиев (1937 – 1998 гг.) – чеченский поэт, автор многих поэтических сборников и поэм.

11 Чеченское слово «*адамалла*» может переводиться также как «человечность».

12 *Иэхь-бехк* по-чеченски буквально означает «стыд-вина».

13 В русском языке трудно подобрать полный аналог чеченскому слову *къонах*. Это человек, наделенный всеми высшими добродетелями, полностью гармоничная личность.

14 М. Дикаев (1941 – 1979 гг.) – известный чеченский поэт-лирик.

15 Владелец и предводитель дагестанского общества, главным селением которого были Тарки.

16 Устаз – нравственный учитель народа.

Человек и гиллакх

Культура любого человека начинается с его этики. Это в первую очередь соблюдение чистоты намерений (мыслей), внешнего вида и тела. В этом вопросе должно быть единство внутреннего содержания и внешнего вида человека. Если человек полагает, что главное значение имеют его намерения и поступки, а потому не уделяет должного внимания внешнему виду – его культура не будет завершенной. В человеке все должно быть благородно: мысли, одяние, поведение. С другой стороны, как бы красиво ни одевался человек, если он творит, что хочет, и его поступки не укладываются ни в какие рамки – он даже близко не подошел к настоящей культуре. В этом случае мы видим несовпадение внутреннего содержания и внешней формы.

Человек в первую очередь должен блюсти чистоту тела. «Чистота – половина веры», – сказал Божий Посланник (да благословит его Бог и приветствует). Истинно верующий в Бога и следующий религии человек не может не блюсти телесную чистоту уже в силу того, что религия обязывает в определенное время совершать омовение всего тела, не говоря уже о том, что регулярно совершающий намаз вынужден несколько раз в день омыwać руки, лицо и ноги. А намаз есть второй столп веры (после принятия символа веры), основа культуры и чистоты конкретного человека. Во-первых, необходимость ежедневно пять раз представлять перед Богом удерживает человека в определенных культурных рамках, очищает его сознание, бережет от грехов. Во-вторых, требует соблюдения чистоты тела и одяния.

Божий Посланник (да благословит его Бог и приветствует) сказал: «Возможно ли сохранить грязь на теле, если вы пять раз в день купаетесь в чистой воде, текущей перед вами? Так и намаз очищает человека от грехов».

Следующим, после поддержания телесной чистоты, показателем культуры является одяние. В первую очередь необходимо указать: чеченцы, особенно мужчины, не носили одеж-

ду ярких цветов (красного, желтого и т. д.). Одежду шили из темной, одноцветной ткани (черной, темно-коричневой, серой).

Одевание начинается с головного убора. Выходить с непокрытой головой запрещалось не только женщинам, но и мужчинам. Эта традиция идет с древнейших времен и имеет глубокий смысл. В древности человек неблагородного и сомнительного происхождения не имел права носить головной убор. Такой человек, даже если в холодное время года надевал что-то на голову, встретив благородного человека, обязан был обнажить голову (например, русский обычай).

«Большую просьбу излагают, сняв с головы шапку», — говорит чеченская поговорка. Такого рода просьба считается самой убедительной. Эта поговорка показывает, насколько большое значение придавалось тому факту, что мужчина обнажал голову. Силой снять с кого-то головной убор считалось большим позором и оскорблением для этого человека. Если же по собственному желанию мужчина снимал шапку, это означало признание своей вины или же что его просьба, при малейшей на то возможности, должна быть удовлетворена.

Еще выше ценилось, если женщина свою просьбу сопровождала обнажением головы. **Платок, брошенный женщиной между враждующими мужчинами, предотвратил немало зла, и немало уже обнаженных кинжалов, благодаря женскому платку, вернулось в свои ножны.**

Причина, по которой охваченные гневом и уже сцепившиеся друг с другом мужчины прекращали столкновение при виде снявшей платок женщины, заключается в следующем: то, что женщина прилюдно обнажала голову, было необычным, большим событием; женщина могла пойти на такой шаг, лишь оказавшись в самом крайнем положении; считалось также, что, увидев женщину с непокрытой головой, небеса могут перевернуться и перед столь великой бедой любая ссора не имела значения, а потому мужчины прекращали ее, чтобы женщина могла поскорей надеть платок.

«Половину человека делает его одежда», — эта чеченская поговорка показывает, что внешнему виду уделялось очень большое внимание. Это подтверждает и другая поговорка: «Встретили по одежде — проводили по уму».

Чеченские мужчины носили самые разные головные уборы: каракулевую папаху надевали по важным или торжественным событиям; овчинная шапка являлась повседневной — ее носили на работе и во дворе; войлочную шапку — на покосе и других работах.

Мужчины носили **рубашки с круглыми пуговками из плетеного шнура** и широкие штаны. Пуговицы на рубашке всегда были застегнуты, закрывая горло, а сверху надевали черкеску с газырями. В холодное время года набрасывали башлык, бурку или овчинный тулуп. На ногах носили домашнюю обувь, легкие кожаные сапоги без каблуков, ноговицы (позднее — на них надевали калоши), сапоги, чувяки.

Главные особенности мужской одежды — она должна была достаточно полно скрывать тело, быть свободной, соответствовать погоде (теплой или холодной), не быть пестрой или яркой.

Особое значение в одежде придавалось поясу. Впервые мальчика опоясывали по достижении им пятнадцати лет. Это свидетельствовало, что он вышел из детского возраста и на него опустилось бремя взрослых — быть готовым встретить и хорошее, и плохое. С наступлением старости (у нее нет определенного возраста — каждый сам принимал это решение в зависимости от состояния здоровья и собственного желания) мужчина переставал носить пояс. Это означало, что он больше не может участвовать в войне или вражде.

Мужской одежде уделялось не слишком большое внимание, если она отвечала главным требованиям: быть достаточно свободной, скрывать те части тела, обнажение которых не допускалось традициями, талия схвачена поясом. Что мужчины не уделяли слишком большого внимания своей одежде, свидетельствуют народные песни илли, очень коротко говорящие об этом:

В белом бешмете и черной бурке,
С острым ворсом серую папаху косо надвинув на лоб,
На место сельского схода заспешил Гани, сын Жера-бабы.

Девушки же своей одежде уделяли гораздо больше внимания. Это хорошо видно из содержания тех же чеченских

народных песен. В одной из них так описывается наряд девушки, отправившейся к роднику:

Закрыв свое тело шелком, которого хватило бы, чтобы
открыть магазин;
Закрыв свою грудь серебром, которого хватило бы, чтобы
нарядить всадника;
Шелковым ремнем закрепив на спине медный кувшин...
Порывистый ветер играл краем дорогого шелка,
Легкий ветерок играл краем полотна,
Поскрипывая чувяками внутри башмаков,
Подошвами башмаков касаясь края дороги,
Отправилась за водой сестра семи братьев.

В другой народной песне есть следующие строки:

Не разбудив красавицу Таху,
Висевшие в ушах золотые сережки,
Вокруг талии обернутый золотой пояс,
Спереди висевшие серебряные украшения –
Быстро сняв, ушел ишхоевский Али.

Рассмотрев эти два отрывка из народных песен, мы можем утверждать: во-первых, девушка не жалела тканей («шелка, которого хватило бы, чтобы открыть магазин») и серебра («чтобы снарядить всадника») для своего наряда; во-вторых, вместе с глабали¹ носила большой платок (из дорогого шелка или полотна), а башмаки надевала поверх чувяков; в-третьих, наряд девушки завершали золотые украшения (сережки, пояс), а платье или глабали украшалось изделиями из серебра.

Наряд женщины зависел от ее возраста, семейного положения (замужем или нет), а также от того, занималась ли она повседневными делами или направлялась с предусмотренными обычаями визитами (на вечеринку, свадьбу).

Своеобразием отличалась и одежда, в которой девушка выходила замуж.

У чеченцев не принято было превосходить других в одежде. Не к лицу считалось, например, надевать вещь, кото-

рой не было у соседей или товарищей. Но кинжал и другое оружие каждый стремился спрятать под дорожку.

Среди молодых людей было принято передавать предметы одежды тому, кто собирался на свидание с девушкой или шел увидеться с ней к роднику. Так, в глубокой древности были созданы следующие строки из народной песни:

Были бы сапоги, чтобы хоть раз станцевать,
Был бы золотой зуб, чтобы хоть раз улыбнуться...

У чеченцев была одна особенность в ношении одежды: ни одну пуговицу или пуговку не оставляли незастегнутой, поскольку ходить даже с одной расстегнутой пуговицей считалось проявлением бескультурья.

Человек, вышедший из дома, должен был внимательно следить за своей походкой и манерами. Походка выдавала его характер и мысли. Одинаково неприличным считалось идти неуклюжей походкой, волочить ноги или, наоборот, мчаться сломя голову, словно на пожар. Манерой передвигаться человек показывал свое воспитание и культуру. Считалось также необходимым с уважением опускать ногу на землю, что подтверждается следующим народным преданием: «Не ходи по мне с безразличием, подпрыгивая или сильно ударяя ногами – ты ведь должен вернуться в мое лоно, – говорит земля. – Навалившись, я сдавлю твои ребра». Осторожной, словно земле можно причинить боль, походка была, например, у известного поэта и ученого Ахмада Сулейманова.

На человеке, вышедшем со своего двора, лежит обязанность заговорить с встречным. Главное приветствие – Ас-саламу Алайкум. Но с подобным приветствием чеченцы обращались не ко всем. У нас существует обычай, согласно которому с этим приветствием обращаются к мужчинам, примерно равным по возрасту. Тот, кто моложе по возрасту, первым должен произнести слова приветствия. Если ты идешь, а кто-то (или несколько человек) стоят или сидят, обязанность поздороваться первым ложится на тебя. Едущий верхом должен первым поздороваться с пешеходом, идущий вниз по склону первым здоровается с идущим вверх, идущий по течению воды – с идущим против

течения: Содержание данной традиции состоит в том, что имеющий преимущество не использует его по отношению к тому, кто в данное время лишен его; обладающий физической силой показывает свое уважение к лишенному силы (например, младший к старшему).

Если кто-то подошел со словами приветствия, сидящий обязан встать, полностью распрямив свое тело, тем более, если подошедший старше по возрасту. Даже если подошедший моложе, вежливость требует встать перед ним или хотя бы привстать. В последнее время некоторые молодые люди утверждают, что вовсе не обязательно вставать перед подошедшим. С точки зрения нашей культуры, это большое упущение, которое не может быть позволено. Об этом говорит и чеченская пословица: «Даже ворон встает, когда к нему подлетает другой ворон».

Правда, нежелательно вставать в мечети. В Божьем доме люди собираются, чтобы служить Богу, и поэтому в нем неуместны мирские правила поведения и обычаи.

По чеченским обычаям, с мусульманским приветствием не обращаются к другим мужчины преклонного возраста, женщины и дети, не достигшие пятнадцати лет. Вместо этого существуют другие формы приветствия. К человеку, намного превосходящему тебя возрастом, обращаются, прежде всего, с пожеланием доброго дня (утра, вечера или ночи), а затем расспрашивают о здоровье и обстоятельствах жизни. На приветствие старший обычно отвечает: «Возлюби тебя Бог» или «С добром долго живи». Что касается детей, то они должны первыми заговорить со старшим, а тому достаточно просто ответить на их слова.

Чеченские обычаи требуют обращаться к человеку (или людям) в соответствии с тем, чем они в данное время заняты. Например, занятому любой работой человеку желают: «Пусть будет счастливой твоя работа!», но в соответствии с выполняемой им работой должна меняться и форма приветствия. Скажем, человеку, занятому покосом, говорят: «Пусть будет солнечно для тебя!»; занятому посевом или прополкой: «Пусть вырастет все у тебя в изобилии!»; рубящему дрова: «Пусть горят на радость тебе!»; кушающему: «Ешь на радость!» (соответствует русскому «Приятного аппетита!»); надевшему обновку (если это

родственник, друг или близко знакомый человек): «Носи на радость!»... Подобные пожелания добра используются и вместо приветствия. Вообще, существует множество форм пожелания добра.

На свадьбе чеченцы говорят: «Пусть Бог даст благополучия! Пусть Бог даст согласия!» Родственникам невесты (чаще всего матери) желают: «Пусть Бог наградит ее! Последствия пусть будут благополучными!». При рождении сына: «Пусть Бог сделает его полезным членом семьи! Да продлит Бог его жизнь!», а при рождении девочки, помимо сказанного, добавляют еще: «Да сделает ее Бог сестрой семи братьев!»

В чеченской семье особое место занимал сын. Он должен был нести дальше славное имя отца, оставить после себя многочисленное потомство, чтобы фамилия не пресеклась, стать сыном для всей страны – кьонахом. Это вовсе не означало, что рождение дочери в чеченских семьях воспринималось как несчастье. К дочери имелось свое особое уважение. «Дочь приносит в дом благополучие», – говорят чеченцы.

Имеется еще множество слов и пожеланий, с которых при определенных обстоятельствах необходимо начинать разговор. После них **необходимо осведомиться о состоянии собеседника**². После того, как подошедший отдал «салам»,³ собеседник, приняв его, говорит: «Приходи свободным!» – Тот отвечает: «Пусть и для вас будет Божья свобода!» Лишь затем следуют расспросы о здоровье, положении семьи, родственниках и т. д. Обмен подобными любезностями чеченцы называют **тIекаре**, а по-настоящему сердечные отношения обозначаются словом **чукаре**.⁴

Сейчас мы попробуем понять содержание поговорки: **«Не посмотрев вперед – не делай ни шага, не посмотрев назад – не говори ни слова»**. Мы уже говорили о том, как (по представлениям чеченцев) человек должен ходить, но теперь кое-что добавим к этому. Слова этой поговорки «не посмотрев вперед – не делай ни шага» не ограничиваются своим прямым смыслом (нет ли впереди опасности, обрыва, камня или другого препятствия). Они означают, что необходимо быть внимательным, потому что впереди могут быть обстоятельства, требующие соблюдения каких-то традиций или правил приличия. Например,

если на твоём пути есть перекресток, необходимо остановиться и осмотреться – возможно, с какой-то стороны идет старик, которому необходимо уступить дорогу. Старик, которому ты уступил дорогу, должен первым заговорить с тобой, показывая, что он увидел и оценил твою воспитанность: «Спасибо! Возлюби тебя Бог!» или «Да будет почет тебе от Бога!» Тогда молодой человек должен пожелать ему доброго дня (утра, вечера или ночи), расспросить о здоровье и его положении, а также предложить свою помощь, если есть такая необходимость.

Молодой человек, едущий верхом, должен был не только пропустить идущего наперерез старика, но и сойти с коня при его приближении. Повстречав старшего, идущего ему навстречу, всадник опять-таки должен был спешиться, поздороваться и уступить дорогу, пропустив старшего с правой стороны. Так же должен был поступать и пешеход: старшего и женщину пропускать с правой стороны, тех, кто моложе – с левой.

Выйдя в путь вместе со старшим, младший по возрасту должен был держаться с левой стороны от него (мусульманская религия также требует уступать старшему правую сторону), поскольку в соответствии с чеченскими традициями все, что находится справа, пользуется особым почетом. Оказавшись вторым, старший должен идти посередине, следующий за ним по возрасту – слева от него, а самый младший – справа. Точно так должны распределяться идущие пешком, если их пять или шесть. Но если одновременно в путь отправилось большое количество людей, то часть молодежи должна идти впереди, вторая часть – сзади, а посередине – старшие по возрасту.

В соответствии с чеченскими традициями, мужчина, идущий вместе с женщиной (старшей по возрасту или малознакомой ему), должен отвести ей правую сторону, но при этом держаться чуть впереди нее; в случае, если он идет с родственниками (женой, сестрой и т. п.), они должны находиться слева от мужчины и немного позади него.

Мы не касаемся здесь некоторых обстоятельств, которые иногда встречаются в жизни (например, как вести себя при встрече у входа в помещение, как садиться в машину и т. д.), но во всех случаях преимущество нужно отдавать старшему и женщине. Это есть проявление уважения к количеству прожитых

на земле лет и физической слабости. По другому не может проявить себя настоящий чеченец, ибо «внимание» к молодости, здоровью, достатку может на самом деле означать преклонение перед силой (часто несправедной силой, богатством) или желание извлечь выгоду из общения с богатым и влиятельным человеком. А это есть понятие, прямо противоположное культуре, — проявление слабости,⁵ постыдное для обеих сторон: и того, кто ведет себя подобным образом, и того, кто допускает, чтобы в отношении него вели себя так.

А сейчас мы рассмотрим вторую часть приведенной выше пословицы, чтобы раскрыть ее смысл: «...Не посмотрев назад — не говори ни слова». Слово «дош» в чеченском языке — не только сочетание звуков, произносимых человеком. Ему соответствует содержание «поступков», совершаемых человеком. Когда говорят: «Не слово то, что он делает»,⁶ — становится ясно, что тем самым дается оценка не только словам, но и делам данного конкретного человека.

Поэт Мусбек Кибиев так сказал о значении слова:

Без слова нет дела,
Больше слова нет ничего...
Слово человека превращает в золото,
Оно же его уничтожает...

Другой поэт Ямлихан Хасбулатов⁷ сказал так:

...Когда поднявшись на хребет,
Невидимый для глаз,
Из сердца унесется
Последнее тепло,
Тяжкое бремя моего пути
Привязав на спину,
Вместо себя я
Оставляю Слово.

Действительно, после смерти человека остается слово, увековечивающее его добрые или плохие дела. Здесь уместно будет упомянуть о значении чеченского слова «къамел».⁸ Оно оз-

начает, что при разговоре человек либо грешит (если говорит неправду или наущничает), либо совершает благодеяние (если говорит правду или справедливые слова).

«Рана, нанесенная мечом, затянулась, а рана, нанесенная словом, нет», – говорится у чеченцев. Поэтому нельзя говорить, что вздумается. Поскольку, во-первых, каждое твое слово записывают ангелы; во-вторых, твое слово может обернуться как добром, так и злом.

Каждый человек должен обладать соответствующей ему манерой речи и каждый должен знать, что и как нужно говорить. Например, неестественно и неприлично, когда женщина начинает говорить как мужчина, а речь мужчины уподобляется женской; или если дети употребляют «взрослые» слова, а люди преклонного возраста вдруг говорят «по-детски». Как говорится, всему свое время и свое место. Смешение же различных стилей в речи большинства свидетельствует, как правило, о нестабильности общества и приближающихся социальных потрясениях.

Возьмем, к примеру, традиционный чеченский сход⁹. В каждом селе существовало определенное место для проведения схода. Любой мужчина, достигший возраста, позволявшего носить пояс с кинжалом, имел право прийти на сход. Сход являлся своеобразной просветительно-воспитательной школой и местом, где можно было услышать что-то новое или, наоборот, предания старины и были прошлого. На сходах первенство в слове всегда принадлежало старшим, которые рассказывали молодым то, что могло принести им пользу и способствовало развитию их сознания. Обычно молодой человек мог выступить на сходе только с разрешения старших. При этом правила приличия требовали, чтобы из уважения к старшим он начинал свою речь со слов: «Я не достоин говорить перед вами, но раз вы того хотите, я скажу то, что думаю». В некоторых случаях, когда необходимо было сообщить какое-то известие или ознакомить присутствующих с чем-то важным, молодой человек мог сам взять слово, но при этом начать свою речь следующим образом: «С вашего позволения я сказал бы несколько слов».

Женщины не имели права посещать сход, за исключением тех случаев, когда они приходили туда за срочной помощью. Но

в целом, женщины не имели права говорить на сходе или в любом другом месте, где собирались мужчины. Сегодня мы часенько наблюдаем совсем другую картину: на улицах и площадях при стечении большого количества людей или народных сходах иные женщины говорят так, что их трудно остановить. Конечно же, публичные выступления женщин есть отступление от наших древних традиций, но главная беда даже не в этом, а в том, что и как, в какой манере они говорят.

В прежние времена старейшины строго соблюдали определенный порядок выступлений, освященный традициями. Например, если в наступившей паузе двое одновременно начали говорить, оба должны были замолчать, уступая друг другу право говорить. Тот, кому выпало говорить первым, должен был, прежде всего, обратиться к тому, кто уступил ему слово: «Спасибо, и не забудь то, что хотел сказать», — после чего мог изложить свое мнение, но опять-таки приличия требовали, чтобы он не затягивал свое выступление. По необходимости прервавший чью-то речь должен был в первую очередь извиниться: «Прости меня, но пока не забыл, я хотел бы сказать...».

Неприличным считалось препятствовать кому-то высказаться, к каким бы уловкам при этом ни прибегали: постоянно, хотя и с извинениями, прерывая говорящего, демонстративно жестикуюлирую или подмигивая, шумно хлопая кого-то по плечам, громко разговаривая между собой. В случае несогласия с мнением говорящего, когда в силу каких-либо причин нельзя было сразу же прямо заявить об этом, допускалось выражение несогласия в более мягкой форме: «Мне представляется все это по-другому...». Запрещалось занимать время присутствующих долгими спорами и пререканиями. Об этом особенно полезно задуматься в тех случаях, когда собралось много народу. Свое мнение нужно излагать кратко, так как в твоём распоряжении времени не больше, чем у каждого из присутствующих. Поэтому говорить нужно самое необходимое и каждое слово должно быть к месту.

При обширности мечети,
При многочисленности людей
Один раз слово сказать
Достаточно хорошему парню, —

говорится в чеченской народной песне.

Этому же учит и народная мудрость: «Веревку – длинную, речь – короткую».

Свой определенный этикет существует и для гостеприимства. Гость первым должен поздороваться с вышедшим ему навстречу хозяином и пожать руку, если тот протянет ее. Право протянуть руку для рукопожатия принадлежит хозяину или старшему по возрасту, но не гостю и не младшему. Хозяин, выйдя вперед, должен подвести гостя к двери дома и, распахнув ее, пропустить гостя в дом. Гость же, войдя в дом, обязан приветствовать находящихся в нем либо мусульманским приветствием (в тех случаях, когда это соответствует чеченским адатам), либо произнести: «Все хорошее да будет в этом доме!» – «С хорошим долго живи, приходи свободным», – должны ответить присутствующие.

Необходимо знать, как вести себя в гостях. Прежде всего, необходимо сделать все возможное, чтобы причинить как можно меньше хлопот хозяину. Во-вторых, необходимо оставаться на отведенном месте, не пытаясь уступить его каждому входящему. Если одновременно в доме находится два или больше гостей и кто-то из них собрался уходить, остальные гости не должны выходить из дома, чтобы проводить его. Это сделает хозяин, а другим гостям это в обязанность не вменяется.

Если в доме появился гость, первая обязанность хозяйки – поставить перед ним ту еду, которая уже имеется в доме (даже если это простой кукурузный чурек с солью). А праздничный ужин специально для гостя можно готовить без всякой спешки. Из уважения к гостю тот, кто имеет такую возможность, может зарезать барана. В этом случае перед гостем ставили вареную баранью голову, лопатку, грудинку, курдюк и часть ребер. Поставив перед ним почти все части туши животного, гостю как бы говорили: «Из уважения к тебе мы зарезали барана». Гость, отрезав от головы небольшой кусок и попробовав его, отсылал голову тому, с кем он хотел завести дружеские или родственные отношения. Утром, когда гость собирался в дорогу, в его переметную суму укладывали переднюю ногу зарезанного накануне барана.

Человек должен быть умеренным в еде, особенно когда он находится в гостях. «Чужим угощением не набивай брю-

хо, в чужих яслях не откармливай своего скакуна», – говорит народная мудрость. Приведенные ниже слова из старинной народной песни «Олень» хорошо показывают, как кьонах должен относиться к еде: «родниковой водой, что льда холоднее, не напиваясь до полного удовлетворения высохшего нутра», «ростками синей травы до сыта не наполняя желудок».

В некоторых районах у чеченцев существует следующий обычай: оставлять на тарелке часть еды – тем самым как бы оставляя изобилие в этом доме. Правда, в последнее время этот обычай встречается все реже.

Когда несколько человек одновременно усаживаются за стол, во главе его должен находиться гость и самый старший из присутствующих. **Почетное место для гостя – это место наиболее удаленное от двери, расположенное выше других.** Старший, соблюдая обычай, предлагает гостю первым начать трапезу, он же и завершает ее произнесением имени Божьего; но гость может и отказаться от этой чести, уступив ее старшему из присутствующих. Садясь за стол, наиболее почитаемых людей¹⁰ (старших по возрасту, гостя, родственников по матери или родственников жены) сажают во главе стола и по его правой стороне. Остальные родственники садятся по левой стороне. В некоторых семьях выбирают тамаду застолья. Им не может быть кто-либо из гостей, и чаще всего хозяева назначают тамаду из числа присутствующих, выбирая того, с кем они сами находятся в самых непринужденных отношениях (как говорят, «на короткой ноге»), кто хорошо знает положение семьи и пользуется ее уважением.

Организации большого пиршества, а также выборам тамады и его помощника (заместителя или приближенного), произнесению тостов уделялось очень большое внимание до того, как чеченцы приняли ислам. Иногда подготовка к такому пиршеству продолжалась целый год. Во время таких угощений, наряду с сытной едой (преимущественно мясными блюдами), гостям предлагались и разнообразные напитки. Тамаду назначал либо хозяин пиршества, либо избирали сами собравшиеся гости, а тот уже определял своего помощника. Для того чтобы ухаживать за гостями и подносить им все необходимое, назначали молодых людей – так называемых **маклаттархой**.

Тамада должен был быть старше собравшихся и пользоваться всеобщим уважением. В обязанности тамады входило вести застолье в строгом соответствии с причиной (печальной или радостной), по которой оно состоялось, а также в определенной последовательности давать слово присутствующим и определять тему, по которой они должны были говорить. Без его разрешения никто не имел права говорить, менять содержание (направление) речей, вставать из-за стола, петь или танцевать. Тамаде же принадлежало право сажать за стол вновь прибывших. Короче говоря, все должно было происходить по желанию тамады.

С принятием ислама и его укреплением подобного рода пиршества, в первую очередь увеселительные, ушли в прошлое из быта чеченцев. Такого рода веселье, сопряженное с питьем и едой, было заменено на **удовольствие**, связанное с совместным служением Богу (совершение общего намаза, исполнение зикра,¹¹ собрания верующих и т. д.), во время которых также происходит принятие пищи и ведутся беседы о былом и настоящем.

Рассказывая об обычаях гостеприимства, необходимо также упомянуть: чеченцы специально для гостей строили дом, называемый **оти**¹²

В оти, для гостя построенном,
Опустившись на низкий трехногий табурет,
Тонким пальцем трогая три струны пондара,
Говорят, задумался молодой сын вдовы, –

говорится в одном из чеченских илли.

Еще раньше, когда чеченцы жили в каменных башнях, один или два этажа в них отводились для гостей. В каждой чеченской семье имела еда и постель, которые берегли специально для гостя. Постучавший в дверь с приветствием и вопросом – примите ли вы гостя? – действительно становится гостем и с этого момента на хозяине лежит обязанность оберегать его, оказывать ему уважение и гостеприимство. Благородный человек обязан даже своего врага, пришедшего к нему гостем, не только беречь, но также помогать ему в делах и проводить до безопасного места.

Об этом так написал поэт Апти Бисултанов:¹³

К себе тебя пригласить нет у меня возможности – ты змея.
Уничтожить тебя нет у меня права – ты гостья.
Примирения или зла нет между нами – ты свободна.
Уходи теперь за мои пределы,
Но знай, если вернешься драконом
И захочешь закрыть доступ к сельскому роднику,
Тогда отношения между собой мы выясним кровью.

Проявить коварство в отношении гостя, в чем-то упрекнуть его или не уберечь от несчастья считалось для чеченца большим позором, переходящим из поколения в поколение. У нашего народа принято пересказывать самые разные истории о постыдных случаях, когда гостю не оказали должного уважения. Так, в одной из них повествуется о словах, сказанных волком.

К пастуху, пасшему стадо одного владельца, пришел волк и попросил для себя овцу. Пастух ответил, что стадо принадлежит не ему и без разрешения хозяина он не имеет права дать ему овцу. Тогда волк вызвался последить за стадом, пока пастух сходит к владельцу за разрешением. Пастух удивился: как можно доверить овец волку? И волк поклялся: «Пусть я стану хозяином, восседающим на почетном месте, посадив гостя возле двери – если трону овец».

Пастух отправился к хозяину. Тот, как волк и сказал в своей клятве, сидел на почетном месте, посадив гостя возле двери. Пастух рассказал, с чем пришел, а также, что охранять отару он оставил волка. Владелец очень удивился. Пастух пояснил, что поверил волку после того, как тот дал такую необычную клятву. Хозяин догадался, что он имел в виду именно его. Тогда он разрешил пастуху отдать волку одну овцу, а сам пересадил своего гостя на положенное ему почетное место.

Гость – тем более в незнакомом селе и незнакомом крае – бессилен перед любой проблемой, у любого достанет сил причинить ему обиду, поскольку он одинок. Поэтому уважение к нему есть исполнение главной цели г1 иллакх (защита слабого и бедного).

Народные поговорки учат нас, что **гость для чеченца был большим богатством и благодеянием**: «Во двор, куда не захо-

дят гости, счастье не придет», «Если в течение месяца ни один гость не постучит в дверь твоего дома, в него, не постучав, войдет беда» и т. д.

Нарушение обычая гостеприимства Бог никогда не оставляет безнаказанным. Это подтверждает и старинное предание.

На том месте, где ныне находится озеро Кезеной-Ам, некогда располагалось селение. Туда однажды пришел бедный странник. Наступила ночь, и он начал обходить двери разных домов, спрашивая: «Эй, не примите ли гостя?» Однако его никто не впустил, за исключением одинокой женщины, жившей с детьми на окраине селения. Утром, уходя, гость сказал женщине, чтобы она с детьми поднялась на гору. Она послушалась совета гостя и была спасена. А на месте селения образовалось озеро, погубившее всех, кроме этой семьи. По преданию, именно так образовалось озеро Кезеной-Ам.¹⁴

Если поразмыслить, это предание показывает, что гостеприимство не только человеческий обычай, но и чрезвычайно важная норма, нарушение которой грозит крахом Бытию в этом мире. Если ее переступить, то возникает угроза большого бедствия, подобного тому, что настигло жителей Кезеноя. Поэтому, как бы не вовремя не постучался гость, встретить его нужно теплыми словами, о чем сказал поэт Ямлихан Хасбулатов:

Ассалам 1алайкум,
Проходи гость,
Большой путь ты проделал,
Приди же свободным!
В нашем дворе тяжелую ношу
Положи, гость...
Ассалам 1алайкум,
Праведного пути гость,
Если ты не удержишься —
Пуста эта жизнь.

В прежние времена, по крайней мере, в течение первых трех суток гостя не расспрашивали о цели его прихода и причине, побудившей отправиться в путь, поскольку это считалось неприличным. Как только гость переступал порог дома, он счи-

тался на правах близкого родственника семьи. Поэтому, например, если его одежда требовала стирки – ее стирали, если обувь требовала починки – чинили и т. д. Если гостю понравилась какая-то вещь в доме (например, кинжал, папаха, бурка и т. п.) – ее преподносили ему в подарок. Обычай требовал также, чтобы хозяин, провожая гостя, оставался у своих ворот до тех пор, пока уходящий гость трижды не оглянется. Если время было опасным (война, шайки разбойников и тому подобное), гостя провожали до следующего селения или безопасного места.

На человека, однажды побывавшего в гостях и отведавшего там хлеба и соли, также ложились определенные обязательства. Например, гостю запрещается ухаживать за девушкой из принявшей его семьи. О допустившем эту или подобную ей слабость, быстро распространялась молва как о человеке, «испачкавшем угощение» в доме, где ему оказали гостеприимство.

Необходимо знать, как вести себя на празднестве или вечеринке. В этих случаях главное – не нарушать заведенного порядка, не стараться обратить на себя общее внимание и сохранять достоинство.

Существуют особые обычаи, предписывающие поведение во время печальных событий, например, при поминании умерших. Прежде всего, верхняя одежда должна соответствовать месту и времени: головной убор (чеченские традиции запрещают появление на церемонии поминания умершего с непокрытой головой), рубашка с длинными рукавами, вся одежда должна быть свободной, не облегающей тело. До последнего времени среди чеченцев никто не приходил на похороны без головного убора. Однако, как ни тяжело об этом говорить, сегодня можно встретить там людей в рубашках с коротким рукавом, спортивных костюмах и башмаках на босу ногу. Это явное отклонение от традиций.

Здесь необходимо указать на следующее обстоятельство: вовсе не обязательно, отправляясь на церемонию поминания, одеваться в черное или темное или женщинам покрывать головы черными платками. Этого не требует ни исламская религия, ни чеченские традиции – это обычай, заимствованный некоторыми у христианских народов.

Пришедшему на церемонию поминания в первую очередь следует обратиться к присутствующим с мусульманским при-

ветствием. Если в силу каких-то обстоятельств мусульманское приветствие нежелательно – достаточно будет сказать: «Прочитайте молитву!» После обмена приветствиями тот, кому это положено, прочитает молитву. Тогда пришедший может выразить соболезнование следующего содержания, если покойник старше пятнадцати лет: «Да помилует его (ее) Бог! Бог да вознаградит его (ее)! Да одарит Бог смиренным терпением вас и всех, кого касается это несчастье! Божий суд свершился!» Если умер ребенок, говорят: «Бог да сделает его (ее) полезным в загробном мире! Пусть Бог воссоединит вас в раю! Да одарит Бог вас смиренным терпением!» Принимающие соболезнования отвечают: «Да будет доволен Бог!» Высказав соболезнования, пришедший здоровается за руку или обнимается с родственниками умершего,¹⁵ если он имеет на это право (по возрасту или по родству с ними), если нет – становится немного в стороне.

Свою особенность имеет и то, как люди садятся во время поминовения. Преимущество в данном случае принадлежит лицам, изучавшим исламскую религию. Самое почетное место отводится тому, кто глубже других овладел исламской теологией и является непререкаемым авторитетом в этой области. Рядом с ним садятся самые старшие по возрасту родственники умершего, далее (с правой стороны) садятся религиозные авторитеты и почитаемые старейшины.

Молодежь, в большинстве случаев, остается на ногах: родственники умершего – ближе к старикам, все остальные – подальше от них.

Интересно, что в советское время у чеченцев церемония поминовения претерпела лишь самые незначительные изменения. Тем не менее некоторые «новшества» все же появились. Например, привычка вести неподобающие этой церемонии разговоры.

«Шум от разговоров, словно дело происходило на базаре, ненадолго смолк. Поздоровавшись за руку и завершив расспросы о житье-бытье, старшие пристроились возле своих знакомцев; а младшие, отойдя в сторонку, встали молча. После того, как мне выразили соболезнования, никто меня уже не замечает. Никому нет до меня дела. Все сидят, придвинувшись друг к другу, держа четки в руках и уперев в землю концы своих посохов;

начинаются отдельные разговоры, кое-где заглушаемые смешками. О чем только не говорят и что только не обсуждается! О некогда, во времена их молодости, прошедших веселых вечеринках или о случаях удачного воровства. Здесь же обсуждаются общие сельские проблемы: очередь на выпас скота, прошедшие жертвоприношения, женитьбы, ремонт дорог и мостов, привычки некоторых людей. Затем начинают обсуждать отдельные религиозные братства. В конце концов, на этой почве между ними возникают ссоры. Мне, у которого умер сын, все обсуждаемые ими проблемы просто не нужны». (А. Айдамиров. «В день смерти сына», рассказ).

Описанная в данном отрывке картина, хотя и довольно часто встречается, все же идет вразрез с нашими традициями. На церемонии поминовения излишни любые слова, кроме тех, что обращены к Богу с просьбой о покойном, и к родственникам умершего с целью поддержать их в горе. Говоря откровенно, поминовение всегда происходит в соответствии с уровнем культуры тех, кто его проводит. Не бывает лишних разговоров там, где приходящих с соболезнованиями встречает специально для этого поставленный молодой человек; там, где определен знающий ислам старейшина, не только произносящий молитвы, но и время от времени читающий собравшимся аяты из Корана; когда соболезнующих не задерживают сверх положенного и вовремя дают им разрешение покинуть церемонию, чтобы вернуться к своим повседневным делам.

Обычай требует, чтобы пришедший с соболезнованиями оставался на месте проведения церемонии до тех пор, пока ему не разрешат уйти. Получив такое разрешение (и если у него нет других причин задерживаться), он может уйти, предварительно еще раз выразив соболезнования понесшим утрату.

В равной мере недостатком считается как вести разговоры во время церемонии поминовения или похорон, так и оставаться в стороне и не участвовать в происходящем. Каждый, в соответствии со своим умением, должен оказать поддержку понесшим утрату: знатоки религии делают то, что знают лучше других (читают суры из Корана и молитвы...); специально определенные старики выполняют то, что им поручено (омывают покойника, готовят его к погребению...); молодые копают могилу, несут носилки с покойным, засыпают могилу...

В ритуале похорон и выражения соболезнований (тезет) все действия направлены на моральную и психологическую поддержку тех, кого постигло горе. Первые дни близкие родственники умершего постоянно вынуждены находиться на людях, принимая соболезнования односельчан, знакомых, жителей близлежащих сел. Их постоянно – днем и ночью – сопровождают родственники, друзья. Со словами утешения к ним обращаются самые уважаемые, красноречивые люди. На тезет приходят и люди, которых недавно постигло аналогичное горе. Вся обстановка, создаваемая вокруг родственников умершего, действует на них успокаивающе (я не один такой; и до меня были те, которых настигла такая же утрата; они сумели достойно выдержать свое горе, значит, и я смогу, и я должен...).

Главная мысль, которая постоянно звучит во время похорон и выражения соболезнований: такова воля Аллаха, подчинись Его воле, воздай хвалу Аллаху (Алхьямдулиллах!), если ты не смиришься с этой утратой, то у Аллаха есть еще большее горе, от тяжести которого ты забудешь это. Приходящие на соболезнование люди высказывают пожелание: «Пусть Бог даст вам терпение с верой».

Тезет длится 3-7 дней, после чего совершается обряд жертвоприношения. Второе жертвоприношение происходит через 40 дней и последнее жертвоприношение – через год. На все эти ритуалы приходит много людей, выражающих сопереживание и поддержку постигшим горе, что благотворно влияет на их психологическое состояние. Раньше, когда не было так много смертей, людей, которых постигло горе, опекали целый год: рядом с ними не устраивали свадеб, веселых вечеринок, даже старались не кричать без крайней необходимости.

Когда уже завершены приготовления к погребению или же сразу после погребения прямо у могилы желающие должны засвидетельствовать добрые дела и качества покойного, если, конечно, у них действительно есть на то основания. Запрещается ложно свидетельствовать из желания угодить родственникам умершего.

Нет ни одной жизненной ситуации, не предусмотренной чеченскими адатами и традициями. Перечислить их все просто невозможно. В каждой семье детей должны учить тому,

как поступать в том или ином случае. Впрочем, каждый мыслящий человек способен самостоятельно понять, как должно поступать, если он выполняет главные требования народной культуры: проявлять уважение к старшим, гостю, родственникам, слабым (женщинам, детям, калекам); оказывать поддержку ближнему, не ища облегчения самому себе и не поощряя свои телесные желания.

Однако люди бывают разные. Одни тщательно следуют нравственным обязанностям, подчас с ущербом для себя, другие – наоборот, всячески пытаются облегчить себе это бремя. Исходя из этого, смотря по культуре и сознанию каждого отдельного человека, чеченцы делили всех людей на две категории: **люди и рабы**. Люди (имеются в виду мужчины) по тем же критериям делились на три части: молодец, муж, кьонах. И рабы, по уровню своего общественного сознания, делились на три категории: «незаконнорожденные», «имеющие зоб» и «вожаки».

Ученый Алимсолта Абдурашидов в своем рассказе «Жизнь без границ» приводит главные особенности этих рядов. Так, **молодец** – это человек, обладающий достаточным умом, чтобы «вписаться» в общество; муж – обладает упорядоченным и дисциплинированным умом, а кьонах обладает глубоким умом.

Что касается линии рабов, то она начинается с «**незаконнорожденных**», которые живут, удовлетворяя лишь потребности своего тела: им безразлично, как они выглядят и что о них думают остальные. «Имеющие зоб» стремятся выделиться хотя бы внешне и обычно у них хорошо подвешен язык, но их главное качество – жадность. «Вожак» заметно отличается от двух предыдущих категорий, главным образом, стремлением выглядеть умнее и лучше, чем они есть на самом деле.

Как рассказывал ученый Абузар Сумбулатов, подобное деление внутри чеченцев впервые было описано еще Сугаипом-муллой.¹⁶ Его к этой мысли подвело наблюдение за общественными потрясениями 1917 года, а также знание трудов исламского ученого Абу-Газали (XI век).

Недостаточно знать нормы и правила культуры – им необходимо следовать всю жизнь. Поэтому у нашего народа существовало немало обычаев, удерживающих человека в рамках традиционной культуры.

Прежде всего – каждый обязан беречь честь не только своих родителей, братьев, сестер и других родственников, но и семи поколений своих предков. С детства ребенка воспитывали, повторяя ему: «Если ты совершишь недостойный поступок, то нанесешь урон славному имени семи своих предков». Это положение имеет огромное значение в чеченской народной философии: человек и время, в котором он живет, существуют не изолированно, а являются лишь звеном в непрерывной цепи времени.

Эта же народная мудрость утверждает, что человек ответственен не только перед семьей своими предками, но и семьей поколениями потомков. Потому что каждый из его добрых или плохих поступков отразится на семи последующих поколениях. Если он совершал добрые дела, семья его потомков пользовалась почетом. Если он опозорил себя, то должно было смениться семь поколений, прежде чем его потомки очистятся от позора.

Ощущая столь огромную ответственность на своих плечах, человек всячески избегал зла и несправедливости, если, конечно, обладал совершенным сознанием. Оказавшись в трудном жизненном положении, человек обычно опирался на пример своих предков, оказавшихся в аналогичной ситуации. Это помогало найти выход из затруднения. **Пример, заимствованный из прошлого, следование прецеденту оберегали от общественного осуждения.** У человека всегда была возможность сослаться на пример из жизни предыдущих поколений, если его спрашивали о причинах, побудивших совершить тот или иной поступок.

Однако для того, чтобы наверняка уберечься от дурных и несправедливых поступков, человек искал себе **нравственного стража**. Нуждающийся в подобном страже обращался к человеку, уважаемому им лично, а также людьми, со следующими словами: «Ты должен стать моим стражем. Если я неосознанно скажу где-то неправду или совершу недостойный поступок, возлагаю на тебя обязанность направить меня и сказать мне правду, какой бы горькой она ни оказалась».

Этот обычай имеет глубокий смысл, а также показывает особенности чеченской народной культуры.

Удержаться в границах нравственных норм человеку помогало общественное мнение и общественная оценка. На-

род, соответственно делам того или иного человека, давал ему оценку: «молодец», «муж» или «къонах». Слава того или иного имени возникала не на собраниях, не в результате подношения подарков или лести. Она возникала сама собой. Точно так же распространялась «слава» и о дурных поступках, принося своему владельцу позорное имя.

Нравственное содержание имеют и на протяжении многих столетий известные в чеченском языке слова «князя» и «рабы». Князем величали человека, известного своим благородством, воспитанностью, помогающего бедным и пользующегося уважением в семье, родном селении и во всей стране. А рабом могли назвать и свободного человека, если он проявлял безразличие к собственной семье, не соблюдал нормы и требования нравственности, заботясь только об удовлетворении потребностей своего тела.

Некогда среди чеченцев бытовал обычай «разглашения тайн»,¹⁷ направленный на то, чтобы предостеречь от недостойного поведения, воровства и другого зла.

Выглядел этот обычай следующим образом: некто ночью, изменив голос, криком оповещал село о ставших ему известными тайных событиях: кто совершил кражу, кто с кем тайно поддерживает грешную связь, кто употребляет спиртное и т. д.

Правда, обычай «разглашения тайн» приносил и немало вреда, так как довольно часто кто-нибудь, движимый чувством зависти, мог безнаказанно выдвинуть ложное обвинение. Поэтому во многих чеченских селениях знатоки ислама прямо запрещали этот обычай, указывая, что прибегающий к нему не может быть погребен по мусульманскому обычаю.

Обычаи определяли и меру наказания для того, кто совершил зло, преступив нравственные нормы. В большинстве случаев наказание носило моральный, а не физический характер.

Одним из таких наказаний было **провозглашение народного проклятия**. Если провозглашение проклятия сопровождалось выстрелами из огнестрельного оружия, то это действие соответствовало провозглашению анафемы. Смысл данного обычая состоял в том, что имя совершившего зло человека становилось всем известным, а сам он отвергался обществом.

Всенародное проклятие выносилось по специальному решению Мехк-кхэла – Совета страны, периодически собиравшегося для принятия решений по важнейшим проблемам, волновавшим страну. Исполнение этого решения производилось немедленно и при большом стечении народа: кто-то из уважаемых стариков громко называл имя, фамилию, род преступника и произносил слова проклятия: «Пусть проклятие Бога падет на голову такого-то за такие-то действия». После этого стреляли в воздух. Формула проклятия с последующей стрельбой в воздух повторялась семь раз, после чего толпа подхватывала слова проклятия и начиналась стрельба в воздух. Такое объявление проклятия называлось «фуй кхайкхор».

Вторая форма осуждения была направлена на материализацию всенародного проклятия. Происходило это так: при стечении народа уважаемый старец произносил слова проклятия и бросал камешек в определенное место (обычно у дороги или на перекрестке дорог). То же самое повторяли все присутствующие. Так образовывался карлаг – «холм проклятий». С этого времени каждый проезжающий или проходящий по дороге должен был остановиться и со словами проклятия добавить в карлаг свой камень. Таким образом, «холм проклятий» рос изо дня в день, служа зримым напоминанием всем, какая «слава» может постигнуть того, кто переступит черту дозволенного.

Бывало так, что ночью человек, подвергнувшийся проклятию (или его родственник) полностью разравнивал образовавшийся курган. Однако утром люди вновь возводили его, поскольку каждый проходивший мимо считал своим долгом вместе с проклятием добавить свой камень. Подобные карлаги возводились в тех случаях, когда совершались крупные преступления: убийство невинного, нарушение клятвы, нанесение бесчестия женщине, совершение недостойных поступков, порубка фруктового дерева...

Обычай возведения карлага, зародившийся еще в языческие времена, продолжал жить и после принятия чеченцами ислама. Например, как свидетельствует чеченская устная традиция, шейх Мансур начал свою активную проповедническую деятельность с установления карлага грабителям, ворам и другим преступникам.

Необходимо сказать, что последствия убийства для преступника установлением карлага не ограничивались. Убийство влекло за собой неотвратимое возмездие – кровную месть («ч1ир»). По чеченскому обычаю, жертвой мщения мог стать не только сам убийца, но и любой его близкий родственник: брат, отец, сын, иногда – двоюродный брат по отцовской линии.

Порой наказание за некоторые тяжкие преступления не ограничивалось провозглашением проклятия: **виновного изгоняли из селения** на время или навсегда.

Очевидно, что подобного рода приговоры были направлены исключительно против имени преступника, наносили урон его чести; одновременно с преданием известности совершенного им проступка тень ложилась на семь его предков и семь последующих поколений. Это было чрезвычайно тяжелым испытанием для сознания, души и чести не только самого виновного, но и его ближайших родственников.

Это не означает, что чеченцы не знали физических наказаний. Были и такие наказания. Например, в древние времена преступника, совершившего много злодеяний, казнили, раздавливая ему череп специальным закручивающимся инструментом.

Правда, наказание, сопряженное с лишением жизни, в большинстве случаев приводили в исполнение люди, непосредственно пострадавшие от действий преступника. Чеченцы называли это кровной местью. В жизни чеченского общества этот обычай играл огромную роль. Благодаря ему конфликтные ситуации, как правило, не заходили слишком далеко и в отношениях между людьми соблюдалось равновесие. Сдерживающая сила кровной мести состояла в неотвратимости ее осуществления. Между чеченцами **ни одно преступление не остается без отмщения** – это мнение утвердилось в чеченском сознании, что подтверждается всем образом жизни чеченцев. Чеченцы знают множество случаев, когда в силу отсутствия сына осуществление кровной мести брала на себя дочь; если у пострадавшего не оставалось родственников по отцовской линии, осуществление мести брали на себя его родственники по матери. Поэтому у чеченцев возникла пословица: «Даже растение мстит за себя».

Осознавая, что возмездие осуществится сразу же либо со временем (через 10, 20, 50 лет...), каждый опасался совершить человекоубийство или нанести кому-либо бесчестие.

Но во всех случаях возмездие осуществлялось не вопреки всему, а в рамках строгих правил, соблюдение которых считалось делом чести. Так, кровника нельзя было убивать в его доме, во время еды, болезни или во время молитвы. После «взятия крови» мститель должен был повернуть убитого им врага лицом на юг (в сторону Мекки), прочитать отходную молитву, испросить себе прощения и немедленно сообщить родственникам убитого о местонахождении тела. Категорически запрещалось надругательство над трупом (отрезание головы или других частей тела, волочение по земле и т. д.). За осквернение трупа обычай требовал «две крови». В поэме Арби Мамакаева¹⁸ под названием «В горах Чечни» кровник говорит:

— Аслаг, над твоей душой
Да смилостивится Бог,
Я же взял свой долг,
Прости меня...

Умирающий Аслаг отвечает:

— От своей крови очищаю тебя,
Прощаю тебя, —
Тихо произнес
Повернувшись к смерти. —

И то, что мой отец убил твоего отца,
И то, что ты теперь убил меня,
Есть суд шариата,¹⁹
Много душ унесший...

В данном случае автор ошибся: шариат запрещает убивать из мести кого-либо другого, помимо непосредственного убийцы; по его нормам, убийство сына в отместку за убийство, совершенное некогда отцом, есть большое зло и убийство невиновного человека. И хотя это так, до настоящего времени среди чеченцев сохраняется древний адат, допускающий подобное злодейство. Среди чеченцев случается, что жертвой кровной мести, помимо сына, становится еще и самый известный из числа

родственников убийцы, даже если он доводится ему только двоюродным или троюродным братом, а то и более дальним родственником. Случалось, что кровники отказывались мстить непосредственному убийце, считая, что в силу личных качеств (например, злоупотребление спиртными напитками, недостойное поведение и т. п.) его жизнь по своей ценности не может быть приравнена к жизни его жертвы, а потому направляли свою месть против самого известного и лучшего из родственников убийцы.

По всей видимости, подобное толкование кровной мести среди чеченцев было возможно потому, что родственники преступника не только не отворачивались от него (что бы он ни натворил), но и старались всячески помочь ему. Поступая подобным образом, они становились соучастниками преступления, а потому кровники считали себя вправе отомстить любому из них.

Сегодня в большинстве случаев именно так и происходит кровная месть среди чеченцев. Однако исламская религия рассценивает это как большое преступление: с одной стороны, греховным является оказание помощи убийце со стороны его родственников; с другой стороны, не меньший грех, когда месть направлена не против непосредственного убийцы, а на кого-либо из его родственников. Оба эти явления должны исчезнуть из нашей жизни, если мы действительно считаем себя мусульманами.

Многие ссоры и даже случаи кровной мести завершились без тяжких последствий и восстановлением согласия благодаря наличию в среде народа людей, способствовавших примирению враждующих сторон.

Способы примирения напрямую зависели от характера рассматриваемого конфликта. Но главное оставалось неизменным: обе стороны должны пойти навстречу друг другу. Если ссора обошлась без нанесения друг другу ранений или телесных повреждений, а предмет спора – нечто материальное (например, земельный участок), ее стремились решить путем достижения компромисса, максимально учитывающего интересы обеих сторон. Если произошло убийство, то первые действия по примирению сводились к тому, чтобы добиться прощения для род-

ственников убийцы, не принимавших участия в убийстве и никак не способствовавших ему. Затем уже речь могла идти о полном примирении.

Поскольку кровная месть затрагивала большой круг лиц, то и обряд «прощения крови» состоял из нескольких этапов. На первом этапе уважаемые старики обращались к родственникам убитого с просьбой допустить на ритуал выражения соболезнования (тезет) дальних родственников убийцы.

На втором этапе после настоятельных просьб уважаемых людей села, района или края происходило «освобождение от крови» близких родственников виновного.

И, наконец, третий этап – это прощение самого виновника. С просьбой о прощении убийцы перед родственниками убитого, снимая шапки, падали на колени все взрослые мужчины окрестных сел. Процессию возглавляли уважаемые старики, а со словами утешения и просьбой о прощении обращались лица, известные своим красноречием («масла латан дай»). Кровника приносили на погребальных носилках, завернутого в саван – знак глубокого раскаяния и полного отречения от радостей мира.

При «прощении крови» один из близких родственников убитого совершал ритуал бритья головы и бороды кровника. Это означало не только окончательное прощение, гарантию безопасности и доверительного отношения друг к другу (сесть под нож кровника без доверия просто невозможно), но и начало дружбы между враждующими фамилиями. С этого момента прощенный и его близкие обязаны были с большим уважением и вниманием относиться к простившим им кровь людям. Такие отношения не заканчивались жизнью одного поколения, а переходили к детям и внукам. Проявление неуважения со стороны прощенного или его родственников могло стать поводом для отмены прощения, и тогда вновь вступали в действие законы кровной мести.

Как уже говорилось выше, чеченский обычай кровной мести противоречит требованиям шариата, который допускает месть только в отношении убийцы («куьг бежкениг»). Вместе с тем, чеченское обычное право дает возможность оскорбленной стороне получить удовлетворение и без лишения жизни виновного. (Вообще, для чеченского менталитета, в основе которого

лежит почти неосознаваемая религиозность, характерно стремление избежать крайних форм решения конфликта, когда неизбежным становится пролитие крови). Так, если девушку похитили против ее воли и при этом имела место попытка надругательства над ней, обычай допускал как убийство похитителей, так и сохранение им жизни, в обмен на публичное моральное унижение: виновных прилюдно лишали одежды ниже пояса и взыскивали большой материальный штраф.

Несмотря на то, что этот обычай несет на себе печать архаичности, к нему прибегают и сегодня. Летом 1998 года жители Грозного стали свидетелями наказания трех преступников, совершивших попытку надругательства над девушкой. Но обычай был подправлен нововведением: преступникам был предложен выбор — либо смерть, либо обнажение тела ниже пояса в присутствии толпы. Все три преступника выбрали жизнь и бесчестие.

Обычно при отказе от кровной мести требуется уплатить значительную материальную компенсацию. Наиболее быстро примирение достигается в тех случаях, когда виновная сторона неукоснительно соблюдает в отношении пострадавших все требования этикета. **Много раз чеченцы отказывались от кровной мести в ответ на благородное поведение своих кровников.**

Так, один человек, скрываясь от кровников, ушел в некую отдаленную страну. Однажды ночью, когда на улице бушевала буря, ему нужно было по делу выйти из дома. Тогда он сказал жене, чтобы она вышла посмотреть, не скрывается ли кто-нибудь поблизости. Та ответила: «В эту отдаленную страну не доберется ни один из твоих кровников, ты смело можешь выйти из дома». Муж возразил: «Нет, жена, я хорошо знаю их. Это настоящие кьонахи и благородные люди. У них хватит мужества прийти за мной и сюда, а потому выйди, посмотри, что делается снаружи».

Этот разговор слышали его кровники, уже стоявшие возле окна. Услышав столь уважительный отзыв о себе, да еще в столь далеком краю, где другой чувствовал бы себя в полной безопасности, сердца кровников оттаяли, они с приветствием вошли в дом и объявили о прощении крови. В подтверждение этого они обрили бороду своему кровнику, а затем вернулись на родину.

Для достижения примирения обе враждующие стороны назначали своих представителей из числа пользующихся их доверием и уважением людей. Эти двое, в присутствии стоявших по обе стороны представителей враждующих фамилий, начинали излагать аргументы своей стороны. Иногда они вели разговор достаточно громко, чтобы их слышали стоявшие поодаль (в тех случаях, когда считали, что это пойдет на пользу примирению), иногда понижали голос, когда обсуждались нелицеприятные моменты, способные только раззадорить враждующих.

Как уже говорилось, характер примирения зависел от характера причиненного ущерба. Некоторые споры решались принесением взаимных извинений и рукопожатием сторон. В других случаях, например, когда имела место кража, примирение становилось возможным после уплаты виновной стороной штрафа, размер которого тщательно согласовывался сторонами. Например, если кража была совершена во дворе пострадавшего, то помимо возмещения ущерба, за каждый шаг, сделанный преступником во дворе, полагалось уплатить по одной корове. Это считалось платой за оскорбление, нанесенное дому.

В нашей стране примирением враждующих сторон занимались потомки пророка – да благословит его Бог и приветствует – живущие среди чеченцев, люди, известные своей святостью, знатоки ислама, прекрасно владевшие чеченским языком и знавшие адаты.

В прошедшее столетие наибольшую известность в Чечне как примирители получили Юсуп-Хаджи из Мехкеты, Салам-мулла из Верхних Варандов, Сугаип-мулла из Шали, Солса-Хаджи из Урус-Мартана и другие. Все они глубоко знали ислам, владели даром красноречия и не искали личных выгод, действуя во имя Бога. В любое время – ночью и днем, в снежную бурю и дождь, не зная усталости, они готовы были отправиться для примирения, предварительно совершив намаз и испросив у Бога возможность найти справедливое решение спора. Они потому и решали споры и не раз предотвращали готовое разразиться кровопролитие, что неизменно стремились к справедливости, не отдавали предпочтения ни одной из сторон, не имели материальной заинтересованности в исходе дела и действовали во имя Бога.

Примирение («бартбар») – одна из самых значимых наших традиций и форма предотвращения угрозы перерастания ссоры в конфликт с далеко идущими последствиями.

1 Глбали – особый вид дорогого праздничного платья.

2 Как уже говорилось в предыдущей главе, чеченское слово «маршалла», обозначающее традиционное приветствие, есть производное от слова «свобода».

3 В соответствии с нормами чеченского языка, здоровающийся первым «отдает» приветствие, а отвечающий на него – «принимает» приветствие.

4 В русском языке наиболее близкий аналог слову *mlеkape* – «шапочное знакомство». Вместе с тем, *mlеkape* и *чукаре* – сложные слова, состоящие из двух частей. Общий для обоих слов корень *каре* – можно перевести как «найденное». Частица *mlе* означает нечто, лежащее вне, снаружи; в то время как частица *чу* служит для обозначения того, что лежит внутри. Таким образом, *mlеkape* – есть «найденное снаружи» или «находящееся вне», в то время как *чукаре* – есть нечто внутри, то есть близкое, родное.

5 Чеченское слово *осалалла* обозначает в первую очередь не физическую, а духовную слабость, а также трусость и боязливость.

6 В русском языке этому выражению соответствует: «Не дело он делает».

7 Я. Хасбулатов (род. 1935г.) – чеченский поэт, прозаик.

8 Къамел – беседа, разговор, речь – состоит из двух частей: первая – это слово *къа* (грех), вторая – *мела* (воздаяние, вознаграждение за добрые дела).

9 Чеченское слово *пхьоьха* обозначает не только сам сход, но и место его проведения. Обычно это сельская площадь.

10 Чеченское выражение *бехке верг* – буквально «виновный» – обозначает также людей, неуважение к которым может быть поставлено в вину.

11 Зикр – коллективное восхваление Бога.

12 Оти – в современном чеченском языке имеет значение: каморка, маленькая комнатка.

13 А. Бисултанов (род. в 1953г.) – известный чеченский поэт.

14 Кезеной-Ам – одно из красивейших высокогорных озер Чечни.

15 Церемония поминовения умершего называется тезет, а ее устроители – тезетан дай – буквально «отцы тезета» или «хозяева тезета».

16 Сугаип-мулла Гайсумов – известный чеченский исламский богослов, живший во второй половине XIX – начале XX вв.

17 В буквальном переводе – «разглашение у мельницы». Очевидно, столь необычное название связано с тем, что сельские секреты обычно втихомолку обсуждали возле мельницы, в ожидании своей очереди помола. Таким образом, название «разглашение у мельницы» нужно понимать как разглашение того, о чем скрытно говорится у мельницы, под заглушающий шум жерновов.

18 А. Мамакаев (1918 – 1958 гг.) – известный чеченский поэт, лирик.

19 Шариат – исламское право.

Семья и воспитание детей

При попытке раскрыть содержание чеченского слова «**доьзал**» («**семья**») обнаруживается, что его основой служит корень «**доь**». По своему смыслу «**доь**» родственно слову «**семя**».¹ В чеченском языке оно сохранилось в следующих выражениях: «**доь доцуш вайна**», «**доьза вайна**» (оба выражения имеют значение «**пропал, не оставив семени**»). Это означает бесследное исчезновение, после которого не остается ни малейшего следа. Семья (доьзал) означает наличие «**доь**» («**семени**»), а также его продолжение.

Семья – это соединение мужчины и женщины, происходящее в соответствии с требованиями религии и народных обычаев, для совместной жизни и воспитания потомства. По чеченским адатам, семья не ограничивается родителями и их детьми. Чеченская семья включает три возрастных поколения (дети, родители, бабушка с бабушкой) вместе с братьями и сестрами главы семейства, а также других родственников, живущих под одной крышей. Еще шире понятие «**люди одной крови**». Оно включает в себя еще двоюродных и троюродных родственников, происходящих от одного предка.

Семья может быть полной (включающей всех членов) или неполной (без отца, матери или сразу обоих родителей). Но по праву семью можно назвать семьей лишь тогда, когда помимо кровнородственных связей ее членов объединяют общие культурно-нравственные ценности, а также взаимное уважение.

Создание семьи и воспитание детей есть одно из важнейших жизненных испытаний, выпадающих на долю человека, ибо Бог сказал в своем священном Коране, что Он спросит человека о трех вещах: о нем самом (что он делал, говорил...), о его семье и о его имуществе. Поэтому оставление семьи кем-либо из родителей или развод по незначительной причине, вследствие чего страдают дети, есть большой грех.

Семья – это еще и ответственность с обеих сторон: родителей перед детьми, детей перед родителями. Ответственность родителей наступает раньше, по крайней мере, с момента по-

явления у них ребенка. Воспитание ребенка должно начаться с первого же дня его жизни. И при этом, все, что связано с ребенком, не может считаться незначительным или неважным. Поэтому нельзя допускать равнодушия в этом вопросе.

Право выбрать имя ребенку принадлежит его отцу или отцу отца, если он жив. Выбор имени имеет важное значение, о чем говорится в стихотворении Магомед Дикаева. В нем рассказывается: пока друзья счастливого отца ребенка перебирают различные имена, один старик говорит:

Не ищите напрасно вы
Для мальчика великое имя,
Подождите пятнадцатилетия
Нашего нового односельчанина
И, никого не спрашивая,
Народ даст ему имя
По его делам
Во благо родины.

Действительно, имя человека (его репутация) среди людей формируется его поступками и нравственными качествами. Однако это не означает, что новорожденному можно дать любое пришедшее на ум имя. Правда, нечто подобное случалось между чеченцами и раньше, происходит и сейчас. Иначе разве появлялись бы имена, означающие буквально: Хвост, Пистолет, Рога?.. А в последнее время популярными становятся имена, заимствованные у других народов. Более того, широко распространилось и такое явление: давать детям имена руководителей иностранных государств, артистов – любое иностранное имя, безотносительно к тому, что оно означает.

Все это показывает, что многие люди забыли о том, что имя – это своего рода талисман, раскрывающий главный смысл жизни его обладателя. И хотя настоящим украшением имени являются нравственные качества самого человека, до некоторой степени его предназначение бывает связано с именем.

По-видимому, наши отдаленные предки хорошо осознавали это. В древних чеченских именах мы видим народные пред-

ставления о мире, уважение к природе, качества и нравственные категории, считавшиеся наиболее важными. Например, имена, связанные с деревьями, травами, водой – Нажа (Дуб), Колла (Куст), Хьюна (Лес), Шовда (Родник), Зезаг (Цветок), Заза (Цветение) и т. д. – показывают их почитание народом. То же самое можно сказать об именах, связанных с названиями птиц, животных и насекомых: Леча (Сокол), Хьюза (Воробей), Полла (Бабочка), Дода (Божья Коровка), Борза (Волк), Льюма (Лев) и т. д.

Среди древних чеченских имен, смысл которых трудно понять, есть следующие: мужские имена – Моьсаг, Аказ, Очча, Клуштани, Теса, Хьама, Глубач, Довт и др.; женские – Пера, Таху, Баху, Заху, Шайлаглаз, Гунеглаз и др.

С принятием и укреплением ислама в чеченский язык пришло много новых имен, распространение получили имена пророков и прославленных людей.

В последние столетия, когда Чечня попала в сферу влияния России, больше стало имен русских, а также заимствованных у других европейских народов. Популярность собственно чеченских имен упала. О времени укрепления советской власти в нашем краю поэт Ямлихан Хасбулатов² писал:

Грозное имя Волк
Все меньше даем мы,
Забывается небесного
Предводителя имя – Орел...

Нельзя давать имя ребенку среди шумного застолья, сопровождающегося употреблением спиртных напитков, как это ныне практикуется в некоторых чеченских семьях. Право дать имя Богом возложено на отца ребенка, так же как и отправление положенного жертвоприношения. Это происходит на седьмой день после рождения ребенка.

В прошлые времена после рождения ребенка устраивали не только положенное жертвоприношение, но также скачки и торжества. Родственники и знакомые следующим образом выражали пожелания добра ребенку:

– Да сделает его Бог полезным членом семьи!

- Да дарует ему Бог долголетие!
- Да станет он (она) братом (сестрой) семи братьев!
- Да живи ты, пока у Аргуна³ волос не вырастет!
- Да живи ты, пока у кошки рог не вырастет!⁴ – и так далее

в таком же духе.

В течение нескольких дней или недели после рождения ребенка его отец прятался, не показываясь на глаза родственникам и старейшинам. С этой целью он уходил из дома. Этот обычай, так же как и обычай, согласно которому мать при встрече с уважаемым человеком должна была положить ребенка на землю и повернуться к нему боком – по всей видимости, идет из очень глубокой старины. Попытка понять его смысл приводит ко времени зарождения человечества. Не стыд ли первородного греха, который испытали Адам и Ева, нарушившие запрет и отведавшие запретный плод, охватывает отца и мать только что рожденного ребенка?

Как бы то ни было, у чеченцев не принято в присутствии посторонних ласкать своих детей, брать их на руки или даже просто обращать на них внимание. В наибольшей степени это относится к отцу. Правда, если жизни или здоровью ребенка что-то угрожает, допускается не соблюдать данный обычай – любой должен поспешить на помощь ребенку (да и не только ребенку). Поэтому описанный С. Бадиевым⁵ в одном из своих рассказов случай, когда мать не пришла на помощь своему ребенку, упавшему в колодец из-за того, что рядом находился ее свекор – это не следование традициям, а жестокость (как кажется, в жизни такое вообще невозможно и этот случай полностью выдуман автором).

То, что в экстремальных ситуациях дозволялось отходить от принятых традиций, хорошо видно из чеченской народной песни «Взятие Дади-Юрта»:

В день, когда наши молодые благородные невестки
По именам вызывают к родственникам своих мужей...

Случившаяся в этот день беда (нападение врагов и гибель целого селения) заставила забыть об обычаях, но это нельзя рассматривать как отступление от народной культуры.

До тех пор, пока ребенок не вырастет, отец всегда находится «поодаль». Однако это не означает, что он не принимает участия в его воспитании. Его воздействие происходило через мать, которая непосредственно воспитывала ребенка в уважении к отцу.

Отец служил ребенку примером во всем. Поэтому ребенок знал его, скорее, по конкретным делам и видел его как бы глазами матери. В семьях, строго следующих чеченским народным обычаям, дети в присутствии отца никогда не садились и не ели с ним за одним столом. Пока ребенок не начинал самостоятельно ходить, отец почти не занимался им. Один старик рассказывал, что его прадед (он имел трех жен и детей от каждой из них) однажды настолько рассердился из-за того, что как-то в снежный день одна из его жен, мывшая полы, перенесла в его комнату колыбель с ребенком, что выбросил колыбель в снежный сугроб во дворе. Конечно, это было неправильно, но данный пример показывает, насколько щепетильны были наши предки во всем, что касалось отношений с детьми.

Однако в больших семьях отец, не довольствуясь посредничеством матери, и сам напрямую занимался воспитанием детей, в первую очередь мальчиков. Об этом пишет в одном из своих рассказов писатель Муса Бексултанов⁶:

«Да, нам тогда было по семь-восемь лет. Начиная с этого возраста, отец начал вести беседы с нами, выстраивая нас возле двери. Иногда, забывшись, повышал голос, говоря, что дельными людьми мы не вырастем и ничего путного из нас не получится. После этого рассказывал о своем дедушке. Так постепенно рассказывал обо всех, включая седьмого предка. «Разве не жаль этих людей, — говорил он, — проживших так, что о них никто не мог сказать одного плохого слова, если у них вырастет такое недостойное потомство... Конечно, жаль. Ведь каждый раз, когда говорят о ком-то из нас, называют и их имена, говоря, что это сын такого-сякого. Нужно беречь от стыда наших умерших. Человек должен знать свои корни, знать, откуда они растут. Знающие люди говорили, что кьонах пропадает, как только начинает заботиться лишь о собственном животе, о самом себе. Кьонах должен быть щедрым... Ладонь его должна быть всегда открытой, полностью открытой. В самом деле, не так уж и трудно

быть настоящими людьми, если нет на вас кровной мести и обязанности улаживать конфликт с чужими людьми. Вы добьетесь успеха, если будете щедрыми и станете придерживаться наших обычаев...»

Отец всегда с нами такой: суровый, ласковый, грозный, мягкий». (М. Бексултанов. Белые журавли облаков. — Грозный, 1985).

В этом коротком отрывке есть немало мест, на которые следует обратить внимание:

— отец дает наставления детям «суровым» тоном, словно «ругает» их, поскольку то, о чем он говорит, может ускользнуть от их сознания, если будет сказано мягким тоном;

— отец упоминает деда и всех семерых предков, чтобы дети осознали свою ответственность перед ними. Таким образом, он дает им понять, что они не свободны творить что угодно, так как обязаны беречь честь своих предков;

— отец особо выделяет те качества, которые, по его мнению, особенно необходимы для мужчины: щедрость и воспитанность. Он также называет самые большие трудности, с которыми может столкнуться мужчина (кровная месть, а затем долг, который невозможно выплатить);

— в данном случае отец своими назиданиями и упоминаниями предков ведет своеобразную работу по развитию сознания детей. Вообще, в прежние времена все, что делали или рассказывали отец, мать, дедушка, бабушка и другие старшие родственники — было направлено на умственное и нравственное развитие детей.

Этой же цели служили и колыбельные песни, которые матери пели маленьким детям:

Спи, маленький,
Сладким сном,
Вставай, маленький,
С глубоким умом.
Пусть сладкий сон придет
Маленькому птенчику.

Когда спите, спите на здоровье,
Когда встаете, вставайте на здоровье,

Спите, спите.

Да продлит Бог вашу жизнь,
Подобно листве, растущей на дереве,
Пусть Бог да преумножит вас.

Огромное значение имеет чистота отношений между матерью и ребенком. Ребенок вырастет верующим и остерегающимся зла, если с самого раннего детства каждое прикосновение матери к нему сопровождалось упоминанием Бога; если к груди его подносили после совершения матерью ритуального омовения; если слух его постоянно наполняли аяты из Корана.

В некоторых семьях существует традиция: впервые постриженные ногти ребенка класть между страницами Корана – чтобы он вырос знатоком религии; в швейную машинку (ногти девочки) – чтобы стала искусной вышивальщицей... Этот обычай показывает стремление родителей воспитать своих детей трудолюбивыми, хорошими людьми, сделать их жизнь счастливой. Но этот обычай не вписывается в рамки и дух исламской религии.

Когда ребенок немного подрастал, мать учила его всяким полезным вещам, соблюдать чистоту, почитать хлеб насущный. «Не роняй хлебные крошки и никогда не наступай на них; храбрым бывает тот, кто ест слегка подгоревшую пищу; употребление в пищу нижней части прожаренного кукурузного початка дает силу, верхней части – красоту; нельзя убивать лягушку – в хозяйстве умрет корова; нельзя бить веником – счастье пропадет...» – эти и другие наставления можно было услышать от матери.

Когда ребенок мужского пола достигает определенного возраста, в его жизни происходит важное событие – **обряд обрезания**. На каждом мусульманине лежит обязанность совершить этот обряд над своим ребенком, чтобы тот мог совершать намаз. У некоторых мусульманских народов – например, у арабов – данный обряд совершается в раннем возрасте. У чеченцев же принято обрезание проводить до исполнения мальчику семи лет. Причем, по завершении обряда принято устраивать ритуальное жертвоприношение и раздавать милостыню.

Во время жертвоприношения взрослые давали детям назидания, полезные для них.

На развитие умственных способностей были направлены и заучиваемые детьми считалки, слова из разнообразных игр, загадки. Особенно полезными для развития детского сознания были загадки типа «вопрос – ответ». Одну из них мы приводим ниже:

- Что движется там?
- Черный-черный ворон.
- Что у него в клюве?
- Грецкий, грецкий орех.
- Что делать, если он упадет?
- Растянуть палас.
- Что делать, если палас порвется?
- Зашить его иголкой.
- Что делать, если иголка сломается?
- Отдать мастеру, чтобы он починил...

Подобные вопросы-ответы могут продолжаться очень долго. Например, в народном произведении для детей под названием «Переспорить черта» содержится двадцать шесть вопросов и ответов. Содержание этой своеобразной игры состоит в том, что черт «умирает» от разрыва сердца, не выдержав, что на него самые каверзные вопросы опрашиваемый ребенок (мальчик или девочка) всегда находит нужный ответ. Этот словесный спор начинается так:

- Что есть один?
- Что слаше одной души?
- Что есть два?
- Что светлее двух глаз?
- Что есть три?
- Трехногий стул, стоящий крепко.
- Что есть четыре?
- Четырехугольная башня, стоящая крепко.
- Что есть пять?
- Одному трудно развязать то, что связали пятеро...

Очевидно, что такого рода «спорилки» и загадки способствовали умственному развитию ребенка, в то время как другие

игры развивали инициативность, силу, храбрость. Для подрастающих мальчиков особенно большим испытанием было в темное время суток оставить свою шапку на кладбище. Когда один с этой целью направлялся на кладбище, другие дети придумывали разные способы напугать его. Тот же должен был – что бы ему ни привиделось – не отступить, не растеряться и довести до конца свое намерение. Причем, забрать оставленную на кладбище шапку должен был другой мальчик.

У чеченцев существовало большое количество игр специально для мальчиков. Причем, количество игр для девочек сравнительно невелико. Для них главной считалась игра в куклы. Чаше всего куклы изготавливали сами матери, используя для этого небольшие палочки, лоскуты тканей и нитки. Когда девочка достигала определенного уровня развития, мать обучала ее ведению домашних дел и вообще готовила ее к роли будущей хозяйки дома.

Едва научившегося говорить ребенка учили читать «Бисмилла» (упоминание Бога). Так, перед едой необходимо было произнести: «Бисмиллах! иррохьманиррохьийм! Великий Боже, дозвожь свободно поесть и быть здоровыми»; после еды полагалось сказать: «Алхьямдулиллах! Слава тебе, Боже!» А по исполнении семи лет, в соответствии с хадисами Посланника – да благословит его Аллах и приветствует – ребенка учат совершать намаз.

В религиозных семьях детей учат также чтению Корана. (Правда, в советское время для этого было мало возможностей). Чтобы привлечь к исламской религии, познакомить с ее красотой и величием, детей принято водить на исполнение религиозных обрядов. Им также поручают разносить обязательную предпятничную милостыню. Особое внимание уделяется детям в день окончания месячного поста. Воспоминания об этом знаменательном дне навсегда остаются в их сознании.

Среди детских игр особое место занимает призывание дождя – древний обычай, называемый «коршкури» (кършкърри).⁷ Это, по всей видимости, очень древний обычай, возникший еще в языческие времена. С принятием ислама его содержание изменилось, но сам обычай сохранился до наших дней. Он состоит в следующем: когда долго нет дождей и наступает

засуха, дети собираются на краю села, кого-то одного обряжают травой и ветками деревьев, связанными сверху. Поместив ряженого в середину, дети всей ватагой двигаются по селу, подходя к каждой двери и напевая при этом:

Это коршуки /ряженный/
Ниспошли дождь, Боже,
Боже Аллах.
Пусть с неба быстро идет,
Пусть для земли будет теплой благодатью,
Пусть наполнит сапетку у отца,
Пусть наполнит загородку у матери.

Вышедшая навстречу детям хозяйка выливает воду на скрытого под ветками ряженого (причем, тот каждый раз, когда его обливают, подпрыгивает и трясется) и дает детям подношение – мелкие деньги, яйца, фрукты, сладости... Вечером, обойдя все село, дети делят между собой все, что им пожертвовали, причем тот, кто был ряженым, получает большую долю.

Детство заканчивается по достижении пятнадцати лет. Ребенок переходит в разряд взрослых и принимает на себя все обязанности, присущие взрослому человеку. **В этом возрасте ребенок впервые получает право опоясать талию ремнем.** Самое же главное: перешагнувший пятнадцатилетний рубеж отныне сам отвечает перед Богом за каждый свой поступок и каждое свое слово. До пятнадцати лет за него перед Богом отвечают родители. После этого срока человек сам отвечает за свою жизнь.

В некоторых чеченских семьях распространен обычай, согласно которому достижение пятнадцатилетия отмечается жертвоприношением, символизирующим для молодого человека, что на него отныне возлагаются те же обязанности и та же ноша, что и на всех взрослых. Это хороший обычай, поскольку существует немало примеров того, как некоторые до тридцатилетнего возраста, не принимая на себя в полном объеме обязанности взрослых (обязательное посещение родных и близких по поводу различных событий и т. д.).

Собравшиеся на подобное жертвоприношение знатоки ислама и пользующиеся уважением в обществе старейшины знакомят пятнадцатилетнего юношу с его новыми обязанностями, высказывают пожелания блага и счастья, вручают подарки... Заодно его втягивают в совместное служение Богу: совершение намаза, исполнение зикра, поминовение и т. д. «Винovníк» собрания, соответственно своим знаниям, участвует в общем собрании: призывает к намазу, читает суры и т. п. Такое внимание к пятнадцатилетнему позволяет ему своевременно узнать свои взрослые обязанности и быстро приспособиться к новому образу жизни.

В прежние времена достижение юношей пятнадцатилетнего возраста еще не означало автоматического зачисления его в разряд воинов. Вообще, воины, направлявшиеся за трофеями или для отражения врага, никогда не брали с собой молодого человека, не прошедшего через определенные испытания. Одно из них, например, состояло в следующем: по соседству с обществом Хилдехарой⁸ находился огромный валун, на который молодой человек должен был вбежать при полном вооружении, ни разу не коснувшись камня рукой. Тот, кто не смог сделать это, считался не готовым к исполнению обязанностей воина.

У чеченцев существовал целый ряд специальных состязаний и испытаний, призванных превратить молодого человека в воина. О двух такого рода состязаниях рассказал в своей статье писатель Сайд-Хасан Тагаев.⁹ Одно из них было таким: чтобы заслужить право носить саблю, необходимо было одним ударом разрубить связку кизиловых прутьев толщиной в собственную талию. Поэтому, чем тоньше был молодой человек в талии, тем легче ему было завоевать это право. Связку прутьев разрешалось рубить, положив на землю, поставив торчком в каком-то углублении или подвесив к чему-либо. Делать это нужно было обязательно при свидетелях. Какой острой должна была быть сабля! Какой силой, мастерством и быстротой должен был обладать молодой человек, чтобы перерубить связку прутьев!

Прошедший через это испытание должен был принять участие в другом состязании. Двое молодых людей, привязав к ногам ручные мельницы (представляющие собой довольно тяжелые камни), мчались наперегонки. Состязание могло происхо-

дить как днем, так и ночью, причем юноши не имели права останавливаться, пока не побывают подряд в трех селениях. При этом, что бы ни случилось — залаяла ли собака, раздался ли выстрел, окликнул ли кто или позвал на помощь — они не должны были оглядываться назад, поскольку это рассматривалось как проявление малодушия или страха. Прошедший данное испытание получал право носить арбалет, а в более поздние времена — ружье.

Взрослеющего юношу для обучения этикету, обращению с оружием, воспитания трудолюбия, развития ловкости, — короче говоря, для обучения жизни — отдавали на воспитание известным мужам-кьоонахам. Через известное количество лет юноша возвращался, проведя все эти годы со своими сверстниками, выполняя поручения наставника и выполняя все работы по его дому. Этот способ воспитания молодежи хорошо описан Умаром Гайсултановым¹⁰ в повести «Падение Болат-калы».

Возмужавший юноша (достигший 15 лет) имеет право **жениться**, а повзрослевшая девушка — **выйти замуж**. Взаимное знакомство молодых людей в большинстве случаев происходило в местах, где обычно собирались люди: возле родника, на совместных работах, вечеринках, свадьбах... Это многолюдные места, где нет возможности уединиться. **Чеченские традиции предписывали юноше и девушке общаться в присутствии свидетелей, встречи без свидетелей относились к категории недостойных поступков и потому запрещались.**

То, что для подобных встреч чаще всего избиралось место возле сельского родника, имело особый смысл. Во-первых, каждая девушка должна была регулярно ходить к роднику и ее не нужно было специально звать туда. Поэтому ухаживающий за ней юноша всегда мог ее там увидеть, тем более, что у него самого, обязанного поить своего коня, всегда был повод появиться там же. Во-вторых, так как у сельского родника всегда многолюдно, не было необходимости специально звать свидетелей, и встреча двух молодых людей происходила в присутствии многих. В-третьих, считалось, что возле безостановочно бегущей чистой, прозрачной воды, через которую свободно видны камни на дне, зарождаются такие же чистые, светлые взаимоотношения.

Место встреч у родника так описывается Саидом Бадиевым в повести «Бешто»:

«...На дороге, поперек с обеих сторон подходящей к воде, было тесно от молодых людей, спешивших с наступлением вечера вернуть домой своих скакунов. Некоторые молодые люди оставались у воды, поручив своих коней маленьким детям. Кроме них, еще множество молодых людей собралось у воды, поскольку в это время много девушек направлялось за водой. То тут, то там молодые люди заговаривали с девушками. Девушки не возражали, а напротив, весело и приветливо отвечая на каждое слово, с наслаждением смеялись. Повсюду слышался медный звон, который производили кувшины, которыми девушки задевали кувшины, наполняя их водой. Иногда раздавался свист ногаск, которыми молодые люди, проезжавшие через село, поравнявшись с девушками, взбадривали своих коней. Девушки никогда не возражали гостям. Если кто-то из них спрашивал: «Пойдешь ли за меня, девушка?», та, даже если видела его впервые, шуточно отвечала: «Конечно, пойду». Девушки, не прекращая своих разговоров, медленно наполняли кувшины водой, а затем торопились домой. Когда они все разошлись по домам, кто-то из оставшихся молодых людей временами произносил: «Не знаю, что решил Бог, но, по правде говоря, у меня нет желания этого маленького птенчика отдавать другим людям». После этого другой говорил: «Не сомневайтесь, парни, Бог создал нас, чтобы каждому досталась девушка по сердцу». И без того счастливые своей молодостью парни, еще больше обрадованные этими словами, с наслаждением смеялись, хлопая в ладоши».

Беседы юноши и девушки возле родника чеченцы называют «разговором сердец»¹¹.

У родника происходило знакомство с девушкой, здесь она давала слово, сначала разделить радость мира, а затем — все последствия, отдавала залог как знак своего согласия и назначала время, когда она будет готова вручить свою судьбу. В качестве залога девушка могла отдать кольцо, часы, платок. Об этом говорится в народной девичьей песне:

...Я назначаю тебе время,
Отдавая золотое кольцо.

Но если отдам золотое кольцо,
Мама узнает об этом.
Поэтому я назначаю тебе время,
Свою правую руку отдавая.

Если отдам тебе свою руку,
Пострадает моя честь.
Поэтому назначаю тебе время,
Если ты веришь моему слову.

Если ты веришь моему слову, —
Это лучшее поручительство для тебя.
Если ты не веришь моему слову, —
То нет другого поручительства для тебя.

Хоть в песне так говорится, все же материальный залог считался важнее слова. Девушка не имела права выйти за другого, если до этого вручила кому-то залог — возникавшие в подобных случаях конфликты разрешались очень трудно и вражда надолго поселялась между различными семьями. Те же случаи, когда девушка обещала кому-то выйти за него замуж, но не подкрепила свое слово материальным залогом, а затем выходила за другого — разрешались гораздо легче.

В большинстве случаев у воды юноша говорил девушке и **слова благодарности**. С этими словами юноша обращался к девушке, за которой ухаживал, если что-то в ее поведении не устраивало его (например, ему стало известно, что она готова принять предложение другого человека или нечто подобное) и это означало, что их взаимоотношения на этом прекращаются. Как бы не переживал молодой человек, его обращение к девушке должно было оставаться в рамках строгого этикета и он не имел права даже косвенно порочить ее. Это подтверждается уже тем, что при расставании он обязан был поблагодарить ее за внимание, уделенное ему. Об этом обычае Саид Гацаев¹² писал в одном стихотворении:

Темна моя дума! — Ты не увидишь ее,
Тебе открою ли тайны своего сердца?

Живи же, будь веселой всегда,
Я же буду смеяться или плакать, княгиня моего сердца...
Сколько бы не прожила, пусть счастье всегда будет
с тобой,
Знать, что ты счастлива – будет достаточно для меня.
Живи же, будь веселой всегда,
Что ты есть – уже счастье, княгиня моего сердца...

Мысль о сватовстве вполне может зародиться на **вечеринке («синкъярам»¹³)**. Чеченская вечеринка – это место, где молодежь собиралась для знакомства, и она имела ряд характерных особенностей. Причем, характер проведения вечеринок заметно отличался в разных районах Чечни. Мы расскажем только об одной из них.

Вечеринку устраивают по поводу совместной работы, свадьбы, в честь приехавшего гостя, но, прежде всего, для того, чтобы молодежь могла знакомиться друг с другом и совместно веселиться. Вечеринка, устроенная по последнему поводу, имеет следующие особенности. Молодежь собирается в доме, где состоится вечеринка. Юноши садятся по одну сторону, девушки – по другую. И те, и другие избирают своего тамаду. Тамаде или же женщине, выступающей в роли посредника, каждый из молодых людей сообщает, с кем из девушек он хочет веселиться. Делается это открыто, так, чтобы слышали все присутствующие. Бывает так, что сразу несколько молодых людей обращают внимание на одну девушку. Та поначалу изъясляется «согласие» каждому из ухажеров. Затем начинается веселое времяпровождение, когда девушки поют, парни обмениваются шутками и все это время от времени прерывается танцами.

Так проходит первая часть вечеринки. Завершая ее, тамада со стороны юношей спрашивает каждую из девушек, дала ли она слово ухаживавшему за ней юноше только на этот вечер или же ее слово дано на более продолжительное время. Девушка должна выбрать того, с кем она продолжит вечеринку и объявляет, что именно ему она дала слово на продолжительное время. После этого молодые люди, на которых не пал выбор девушек, покидают вечеринку, а оставшиеся продолжают свое веселье.

Существует еще одно правило, которое необходимо соблюдать: гость не достается гостю! Это означает, что гость не может веселиться с гостьей и обязательно должен выбрать себе в партнерши по вечеринке кого-то из данного села.

Необходимо оговориться, что данный тип вечеринок был распространен не по всей Чечне. Например, в селениях, расположенных по Аргуну, выбор парня и его слова, обращенные к понравившейся девушке, могут знать только три человека: сам юноша, женщина, выступающая на вечеринке в роли посредницы, и сама девушка. Никто из присутствующих не знает, кому отдано предпочтение, поэтому сама вечеринка не делится на две части и на ней нет «лишних», которым надлежит покинуть ее.

Если девушка, пообещав принять чье-то ухаживание, на деле отдает предпочтение другому (обменивается с ним «весточками сердца» – взглядами, иногда еле заметными знаками и т. п.) – обиженный юноша вправе поставить ей это в вину («бехк баккхар»), предварительно получив согласие тамады. Однако и в этом случае он обязан оставаться в рамках приличий, а его слова не должны как-либо порочить достоинство девушки. Со своей стороны девушка, если она не согласна с обвинениями в свой адрес, имеет право высказать свои возражения. Правда, в большинстве случаев с подобного рода претензиями к девушке обращается либо влюбленный в нее юноша, либо кто-то из ее родственников.

В большинстве случаев разговоры, ведущиеся на вечеринках, носят не прямой, а иносказательный смысл, а для передачи скрытого смысла используются, как правило, образы, хорошо известные в природе (цветов, деревьев, зверей, птиц). Примером может служить песня, которую поют друг другу юноша и девушка. Мы приводим здесь народную песню, в которой парень рассказывает о своих «снах», а девушка их разгадывает:

Юноша: Когда я вставал – поднимались со мной,
Когда я шел – двигались со мной,

Сколько ни пытался прогнать, – не улетали
Некие бабочки, привидевшиеся мне.

Девушка: Привидевшиеся тебе бабочки,
Которых ты пытался прогнать от себя, —
Это наша с тобой любовь,
Которая выделилась среди всех чувств.

Юноша: Когда я вечером вернулся домой
И погасил дающую свет лампу,
Озарявшее все четыре стены
Сияние привиделось мне.

Девушка: Озарявшее стены вашего дома
Сияние, привидевшееся тебе, —
Это свет моих глаз,
Когда я думаю о тебе.

Юноша: Когда наступила глубокая ночь,
Когда пришло время глубокого сна,
В синее небо вспорхнувший
Некий белый голубь привиделся мне.

Девушка: В синее небо вспорхнувший
Белый голубь, привидевшийся тебе, —
Благословенная при сотворении мира,
Я, полюбившая тебя.

В некоторых народных песнях подобные диалоги могли быть исполнены двояко и девушка, отвечая на слова парня, могла выбрать тот вариант, который раскрывал ее отношение к нему. Вот пример такой песни:

Юноша: Послушай меня,
Моя любимая,
Свой утренний сон
Хочу тебе поведать.
У вашего дома
Я старцев увидел.

На это текст песни допускает два ответа. Если девушка расположена к парню, она отвечает:

Добро предвещает –
Руки моей попросят.

Если, наоборот, девушка не желает поддерживать отношения с этим юношей, ее ответ прозвучит так:

Горе предвещает –
Мою смерть предрекает...

И далее:

Юноша: У вашего дома
Увидел я юношей.

Девушка: Добро предвещает –
Свадьбу сыграют.

Вариант: Горе предвещает –
Мою смерть предрекает.

Юноша: У вашего дома
Варились котлы.

Девушка: Добро предвещает –
Торжества состоятся.

Вариант: Горе предвещает –
Меня поминают.

Юноша: В кунацкой кромсали
Белые ткани.

Девушка: Добро предвещает –
Мне сошьют свадебный наряд.

Вариант: Горе предвещает –
Мне саван готовят.

На некоторых вечеринках (например, на вечеринках, которые устраиваются во время свадьбы, когда сидящие друг против друга юноши и девушки оказываются на значительном уда-

лении друг от друга) молодые люди «беседуют» друг с другом, обмениваясь взглядами и жестами. Чеченцы называют это «разговор сердца» («дог дахар»).

Вечеринка, происходящая во время свадьбы, имеет свои особенности. В первую очередь это связано с присутствием большого числа участников, которые пришли на свадьбу. Соответственно увеличивалось количество лиц, обеспечивающих порядок на такой вечеринке: тамада, два его порученца, помощники, распорядитель... Тамада и его помощники располагаются напротив стола для почетных гостей. Перед ними на подносе стоят разнообразные праздничные блюда и неопьяняющие напитки. Тамада надзирает за порядком на свадьбе. Выполняя его распоряжения, носятся порученцы (они могут выступать одновременно в роли ряженных). К примеру, они подводят к тамаде гостей, которых тот вызвал. Смотри по допущенной «провинности», тамада назначает штраф в виде денег или обязанности выполнить какое-либо поручение.

На свадьбе большую роль играет распорядитель («говс»), который следит, чтобы танцующие юноши соблюдали очередь, вызывает для танца понравившуюся юноше девушку и вообще поддерживает порядок среди танцующих. От его ума, энергичности и мастерства во многом зависит, как пройдет свадьба. В стихотворении, написанном Шарипом Цуруевым,¹⁴ как раз и говорится о свадьбе с нерасторопным распорядителем:

Великолепен тамада, великолепен,
Под звуки песен взлетает нога за ногу.
С ролью тамады ты хорошо справился,
В разговоре оказался искуснее разбитной вдовушки,
Но все же есть у меня к тебе одна просьба,
Исполнить которую ты обязан:
Распорядитель плох у тебя сегодня –
Передай другому право распоряжаться.
Он не дает танцевать вволю,
Не может добиться согласия от девушки,
Он позорит тебя перед гостями
И все это прямо касается тебя.
Великолепен тамада, великолепен,

Под звуки песен взлетает нога за ногу.
С ролью тамады ты хорошо справился,
Языком искуснее разбитной вдовушки,
Ты-то всех превзошел мастерством,
Но распорядитель плох сегодня –
Передай другому право распоряжаться.

Как видим, далеко не все бывают довольны действиями распорядителя на свадьбе. Однако без него положение оказывается еще хуже, потому что каждый норовит поступать по-своему.

Установление очереди и поддержание общего порядка имеет своей целью предоставить возможность станцевать каждому желающему. Это не просто, если вспомнить, что у чеченцев нет совместных групповых танцев. Танцуют всегда парами – юноша и девушка – и все присутствующие на свадьбе должны быть внимательными по отношению к ним – это еще одно свидетельство особого почитания отдельной личности, характерной для чеченцев.

Что касается самого танца, то через него раскрывались особенности натуры, образ мыслей, характер отношений между юношей и девушкой. Поэтому для всех (особенно юношей) характерна индивидуальная манера танца, несмотря на единый рисунок танца и общие для всех элементы: танцевальный шаг, движение по кругу и т. д. Однако каждый танцующий юноша должен достичь одной цели – весь его танец, каждое движение должны быть исполнены достоинства и высокой культуры; он не должен допустить чего-либо недостойного. Особенно следует остерегаться прикосновения к девушке, пусть даже и случайного. В прежние времена подобные случаи обычно заканчивались обменом ударами кинжалов.

Когда девушка, закончив танцевать, вернется на свое место, в обязанности распорядителя входит вместо нее отвечать на все расспросы: «Чья это дочь? Кто опекает ее?» После этого ухаживающий за ней юноша, родственник или друг ее брата жертвует деньги.

Жертвуемые на свадьбе деньги собираются для вновь возникшей семьи. Причем у чеченцев существуют различные способы их сбора. Например, в перерыве между танцами, когда

обычно звучат песни, тамада посылает кому-либо из девушек чашу. Та передает ее ухаживающему за ней юноше, который и «выкупает» чашу. Если он не сделает это, присутствующие на свадьбе ряженные («жухургаш») прямо посреди места, отведенного для танцев, выроют символическую «могилу» и «похоронят» его, объясняя всем присутствующим свой поступок тем, что парень внезапно внешне «подурнел» и стал настолько жадным, что не захотел сделать подарок понравившейся девушке...

Ряженные, скрывающие свои лица под масками, не только веселили собравшихся, нелепо подражая танцующим, танцуя «под девушек», распевая песни и сыпля шутками по поводу и без повода, но выполняли еще и охранительную функцию – берегли новую семью «от дурного глаза».

Хотя молодые люди познакомились обычно на вечеринках, совместных работах или свадьбах, все же решение создать семью (когда девушка давала слово выйти замуж и подтверждала свое решение материальным залогом) принималось, как правило, во время встречи у родника или на **смотринах**¹⁵. Свидание почеченски – это когда молодой человек встречается с любимой девушкой у кого-то из ее соседей или родственников. При подобных встречах молодые люди не должны оставаться наедине. Девушку обязательно должны сопровождать кто-либо из женщин или же девочек-подростков, но парень может прийти с товарищем или же один. Как уже подчеркивалось выше – при встрече двух влюбленных всегда присутствовал свидетель, что является обязательным требованием чеченских традиций.

Смотрины следующим образом описаны Саидом Бадиевым: «На хуторе Орцы, в маленьком низком домике, у Бешто были смотрины с Хадижат, и он сидел, закинув ногу на ногу, потягивал сигарку, усиленно поддерживая с девушкой разговор и создавая впечатление, что ему очень весело. Они сидели на разных концах деревянных нар, а между ними поместилась маленькая девочка, лет примерно десяти. Ее совсем не интересовал разговор двух взрослых, время от времени она засыпала и тогда сидевшая рядом Хадижат будила ее, дотронувшись до нее своей пухлой, мягкой рукой».

Хотя в чеченских семьях юноши пользовались известной свободой и могли искать удовольствий во всем, что касалось

женитьбы, родители и остальные родственники принимали самое живое участие. Прежде всего «изучали» **родителей девушки и весь их корень**. Чеченская пословица гласит: «Для дочери ищи толокно («цу»), для сына – семя («хIу»)). Это означает, что для дочери выбирали жениха с достатком (имеющего много «толокна»), а для сына невесту искали в пользующихся уважением семьях (имеющих хорошее «семя»). В большинстве случаев при сватовстве особое внимание обращалось на мать возможной невестки. Об этом существует народное предание.

За некой девушкой ухаживал один юноша. Однако его домашние не соглашались на брак с ней, указывая, что мать девушки – плохой человек и дочь обязательно будет похожей на нее. Поскольку сын никак не соглашался с ними, родители дали ему один совет. На очередном свидании у родника юноша, как его и научили, начал погонять свою лошадь, понукая ее взобраться на дерево. «Что это ты делаешь?» – удивленно спросила девушка. «Да вот пытаюсь заставить лошадь взобраться на дерево», – ответил юноша. «Ой, о чем ты говоришь, разве может лошадь взобраться на дерево?» – еще больше удивилась девушка. «Ее мать это делала», – сказал парень. «Если мать умела лезть по деревьям, то и она сможет», – заключила девушка. Тогда юноша понял, что его родители были правы.

«Сватовство и днем должно проходить при включенной лампе», – гласит чеченская пословица.

Поэтому родственницы собирающегося жениться парня посещали соседей и близких девушки, чтобы получше узнать ее.

Существует народное предание: однажды женщины, отправившиеся поближе узнать свою возможную невестку, послали к ней соседскую девушку с просьбой прислать немного теста – якобы им не хватило для приготовления угощения. Та передала в ответ: «Когда я готовлю, то замешиваю ровно столько муки, сколько необходимо. Но если вам нужно, я сейчас же приготовлю новое тесто». Из этого родственницы жениха заключили, что девушка будет хорошей хозяйкой.

У чеченцев существует два способа забирать невесту: либо по предварительному согласию родственники жениха забирают ее из родительского дома, причем сразу же обговаривается и уплачивается размер выкупа; либо девушка,

ничего не говоря домашним, выходит к приехавшим за ней родственникам жениха (в этом случае считается, что девушка «сбежала»). Второе обычно происходит, если среди родственников девушки кто-то возражает против наметившегося родства. Юноша и девушка по взаимному согласию прибегают к этому способу, если сватовство уже состоялось и необходимо быстро довести его до конца. Такой способ забирать невесту вызывал ряд затруднений, которые, как правило, все же улаживались. Тем не менее бывали и бывают случаи, что отношения между невестой и ее семьей после этого портятся, иногда настолько, что родители отказывают дочери в праве навещать их.

Вероятно, описанный выше способ заключения брака возник у чеченцев в силу определенных исторических условий. В условиях почти непрерывных войн многие чеченские семьи впадали в бедность и далеко не все могли позволить себе расходы, связанные с официальным сватовством. Поэтому чрезвычайно важное событие в жизни любого человека – создание семьи – было значительно упрощено.

Необходимо особо подчеркнуть: указанный способ заключения брака бывал успешным только в тех случаях, когда к нему прибегали с согласия девушки. При сватовстве главным считалось согласие девушки, из уважения к ее выбору, по крайней мере, родители могли не настаивать на своем. «Девушка сама определяет себе цену», – утверждает народная пословица. Согласие с выбором дочери – есть согласие с тем, что она сама первая несет ответственность за возможные последствия.

Бывает и так, что девушку увозят насильно, без ее согласия. Однако это не является народной традицией или обычаем, как на этом настаивают некоторые. Это преступление. И если посредникам не удавалось быстро привести стороны к примирению, подобное «сватовство» часто завершалось кровопролитием. Говорят, у одного авлия спросили, для чего он носит оружие. Тот ответил, что оружие носит только для одной цели: помешать тем, кто насильно увозит девушку, если он случайно станет свидетелем такой попытки. Таким образом, похищение девушки есть очень тяжкое преступление. Вероятно, эта дикость сохраняется среди отдельной части наших соотечественников еще с давних, языческих времен.

Сватовство по взаимному согласию одобряется мусульманской религией, да и чеченские адаты отдают ему предпочтение. При этом способе сватовства девушку увозят из родительского дома с уплатой обговоренного выкупа и приношением положенных в таких случаях подарков родственникам невесты. В некоторых местностях принято привозить невесту в дом родственника или друга жениха. Там она проводит неделю. Писатель Абузар Айдамиров считал, что это делается для того, чтобы невеста могла лучше подготовиться к роли невестки в новой семье и получше узнать местные обычаи, которые ей придется соблюдать. Поэтому невесту привозили в дом, хозяйка которого считалась хорошей невесткой для родственников своего мужа, чтобы молодая невеста могла учиться у нее.

В день, когда невесту привозят в дом жениха, устраивают свадьбу с танцами и обильным пиршеством, для чего готовят много вкусной еды. Свадьба продолжается трое суток.

...Округляясь, округляясь и округляясь, стоит
Этой свадьбы огромный обруч.
Ударив в ладоши, сотрясая воздух,
Все закричали «Х!орс!»¹⁶

Черную бурку, наполняя ветром,
Подобно орлиному крылу,
Еще один всадник спешивается,
Возле этой свадьбы останавливая скакуна.

Горной вершины касаясь, висит
На востоке солнца обруч...
Ударив в ладоши, чтобы небо лопнуло,
Свадьбу подняв на ноги, крикнули «Х!орс!»

Белых платьев рукавами, как крыльями,
Девушек взмах.
Как волчок, вращается бешмет –
Юноша восхищается своей девушкой.

Быстрее волчка кружится
Этот парень с криком «Х!орс!»

Расправляя крылья платьев,
Встают девушки из уважения к молодцу.

Над туманом серебряную звезду
Обжигая, смотрит солнца обруч,
С криком «Х!орс!» «Х!орс!» – сжимается
Этой свадьбы огромный обруч.

По случаю рождения сына или свадьбы, –
Какими мужами были наши отцы! –
Устраивали празднество, говоря:
– Мы же чеченцы, молодцы!..

Такой увидел чеченскую свадьбу поэт Мусбек Кибиев.

С того момента, как невеста вошла во двор своего нового дома, начинаются действия, направленные как на ее изучение, так и на обеспечение счастливой жизни для новой семьи. Одна из родственниц мужа кладет в рот невестке кусочек сахара или конфету – чтобы «язык был сладким». Перед ней также кладут коврик и бросают веник – невестка должна поднять коврик, а веник поставить за дверью дома, давая тем самым понять, что она знает круг своих обязанностей по дому. Затем невесте дают на руки ребенка (мальчика), чтобы она была плодовитой и имела много детей.

Во время свадебного празднества невеста находится за **свадебной занавеской («кирха»)**, представляющей собой белую прозрачную материю, закрывающую угол одной из комнат. Собравшиеся родственники мужа осыпают невесту шутками, на которые она не должна отвечать, поскольку обычай предписывает ей соблюдать **молчание** в присутствии родственников мужа до тех пор, пока ей «не развяжут язык». ¹⁷ Каждый близкий родственник мужа обязан «развязать язык» невестке, причем молодые люди могут сделать это как во время свадьбы, так и после нее. Обычно невестку просят принести воды, а затем – дозволения попить. Невестка, без излишней спешки, вслух дает такое разрешение, за что ее благодарят, преподнося в качестве подарка определенную сумму денег, а также пожелания благополучия в семейной жизни.

То, что невестке «развязывают язык» посредством воды, как и тот факт, что первое свидание и предложение замужества также происходило у воды (возле сельского родника), имеет определенный смысл. Поскольку питьевая вода должна содержаться в особой чистоте, то данный обычай символизирует, что отношения снохи с ее новыми родственниками также должны быть чистыми и «прозрачными».

Смысл же соблюдения обычая молчания, по словам лингвиста Зарины Алиевой, состоит в следующем: входя в новую семью, невестка как бы «отказывается» от обычаев, норм поведения и даже оборотов речи, принятых в доме ее отца – и демонстрирует готовность принять обычаи, нормы поведения и обороты речи, принятые в доме ее мужа.

То, что это так, подтверждается и пожеланиями старейшин:

Та, что уже пожила,
Прими пришедшую, чтобы жить.
Пришедшая жить,
Прими тех, что уже пожил.
Будь благословенна!
Будьте благословенны!
Для пришедшей пусть жизнь,
Как мука, будет белой!
Для пришедшей пусть жизнь,
Как сахар, будет сладкой!

Это пожелание наряду с невесткой адресовано и свекрови («той, что уже пожила»). А в другом пожелании к одной только невестке говорится о недостатках, которые не потерпят ее новые родственники: «Пусть приход твой принесет достаток и тысячу доброго; не будь выносящей из дома и не будь вносящей в дом (имеется в виду «сор из избы» – авт.); не будь из тех, что вечно смотрят на солнце других людей; не будь из тех, что вечно ищет иголку среди сора под ногами; не будь из тех, что доят корову, у которой нет молока; будь плодоносящей, как ветка, на которой распускается листва».

На второй день после завершения свадьбы невесту **выводят по воду**. Вместе с золовками и другими сельскими девушками

ми она направляется к сельскому роднику. Там в воду бросают кусок хлеба, в который воткнута иголка с ниткой, а затем производят выстрел в хлеб. По-видимому, скрытый смысл этого действия заключается в следующем: обязанности жены связаны в первую очередь с приготовлением еды и домашними делами (что символизируют вода, хлеб и швейные принадлежности), а выстрелом же из ружья отгоняется нечистая сила. С той же целью (отогнать нечистую силу) в воздух стреляют все время, пока везут невесту из родительского дома в дом жениха.

Молодую сноху выводят по воду еще и с целью сразу же показать ее всем сельчанам, поскольку с этого дня она должна жить рядом с ними.

Лишь после этого наступает очередь старших родственников мужа, в том числе свекра, «развязать язык» молодой снохе. В день, когда сноха впервые заговорит со свекром, тот делает свой подарок молодой семье: это может быть корова, дом, машина и т. д.

Однако и после этого сноха не имеет права вслух произносить имена свекра, свекрови и других близких родственников мужа.¹⁸ Сноха, обращаясь к свекру, называет его «отец», а свекровь – «мама»; всем другим родственникам мужа она дает имена, подчеркивающие их главные положительные качества («Красивый парень», «Хороший парень» и т. п.). Видимо, это также связано с желанием уберечь семью от плохого влияния со стороны, а также избежать козней нечистой силы.

В некоторых семьях муж и жена не называют друг друга по именам, тем более так, чтобы это слышали посторонние. Вместо имени жены муж может сказать: «эта», «женщина», «эй», «слышишь меня»; жена в свою очередь говорит: «тот, кто из этого дома», «этот», «этот мужчина». Бывает так, что муж дает жене шуточное имя. Об этом в одном из своих рассказов пишет писатель Муса Бексултанов:

«Иногда, когда мне скучно, я велю жене (люди называют ее Макка, а я – Байсари, Ціахьпату или Пурстоп¹⁹ – в зависимости от собственного настроения) приготовить еды – кашу из белой муки с молоком, или творог с маслом, или галушки (учитывая отсутствие у нас обоих зубов), приглашаю Гайтака и мы проводим время, рассевшись на широком паднаре, пристроив под спи-

ну по две-три подушки, подолгу хохоча, разговаривая и вспоминая былое».

Обычно через пару месяцев после женитьбы (или через полгода или год) сына отделяют от семьи отца. **Отделение («бo-вваккхар»)** означает, что отныне новая семья будет вести собственное хозяйство, отдельно питаться, иметь свой скот, собственные деньги и, если живет в селе, отдельный участок земли для обработки. Отделение новой семьи происходит так быстро, как это возможно, чтобы избежать взаимного недовольства и обид между членами старой и новой семей.

Отделение сына не означает однако, что он освободился от обязанностей перед своими родителями. Наоборот, теперь он должен оказывать им особое внимание, поскольку многие мелкие упущения, на которые раньше (при совместном проживании) родители не обращали внимания, отныне будут восприниматься весьма болезненно. Вообще, очень непросто прожить так, чтобы родители всегда оставались довольны, поэтому добившиеся этого пользуются особым уважением и про них обычно говорят, что «такой-то очень хорош со своими родителями».

Говорят, одного такого человека спросили, как ему удалось во всем угождать своему отцу. Он ответил: «Я ел сам только после того, как поел отец; ложился спать лишь после того, как он уснул, и никогда не говорил с женой в его присутствии».

Вероятно, в очень глубокой древности у чеченцев было распространено совсем другое отношение к родителям. Об этом сохранилось весьма необычное народное предание.

Некогда существовал обычай, по которому состарившихся родителей (тела которых к старости высыхали и становились маленькими, как у детей) в плетеной корзине относили на вершину одной горы и оставляли там. (Этот обычай чем-то напоминает получающее ныне распространение стремление сдать состарившихся родителей в Дом для престарелых).

Как-то сын нес своего отца в корзине на вершину горы. Когда они поднялись на нее, отец сказал: «Не выкидывай эту корзину – она еще понадобится твоему сыну, чтобы принести тебя сюда же». Говорят, сын тогда задумался над тем, что и его самого ждет такая же судьба. После этого он вернулся домой вместе с отцом и начал втайне от окружающих содержать его в полном достат-

ке. Через какое-то время предводитель данного общества задал своим соплеменникам очень сложную загадку, которую никто из них не мог разгадать. Однако на следующий день неожиданно для всех правильный ответ смог дать юноша, не захотевший бросить своего отца на голодную погибель. Когда вождь спросил, каким образом ему удалось понять смысл загадки, тот честно признался, что ответ подсказал ему отец, которого он не смог оставить на вершине горы. Вождь понял тогда, насколько полезным могут быть опыт и мудрость, накапливаемые с годами, и обычай умерщвления стариков был отменен.

Как для невесты серьезнейшим испытанием становится день, когда она впервые знакомится с родственниками мужа, так и для жениха таким же испытанием является первое **посещение родителей невесты**. Это посещение имеет целью познакомить новых родственников друг с другом. Зять посещает дом своего тестя в сопровождении одного-двух друзей и с приличествующими случаю подарками: сахаром, чаем, бараном...

Зять во время первого посещения обязан стоять в углу возле входной двери, молча и «мужественно» переносить шутки родственников своей жены, при этом не забывая давать деньги (по возможности) оказавшимся рядом с ним детям. В это время друг зятя сидит за столом с родственниками невесты, изо всех сил стараясь защитить его от забавных розыгрышей и шуточных обвинений. Через какое-то время зятя отводят в соседнюю комнату, где он садится за стол с сестрой своей жены. Поев, зять кладет на поднос деньги, причем сумма определяется исходя из его собственных финансовых возможностей (однако, чем больше он даст, тем больше это понравится присутствующим здесь же «сестрам» его жены). В свою очередь, свояченицы одаривают зятя (золотые часы, костюм и т. п.). Подарки вручают и его друзья, хотя и не такие дорогие.

Зять и его друзья той же ночью возвращаются домой, а невеста остается в доме своего отца (через несколько дней или через неделю она вернется к мужу со своим личным имуществом и подарками от своих родных). Это чрезвычайно ответственная ночь, от которой во многом зависит характер будущих отношений между зятем и родственниками его жены. Поэтому

грубые шутки в адрес зятя прямо противоречат чеченской народной культуре.

Известно множество примеров, когда неудачные шутки с зятем приводили к плохим последствиям. Был случай, когда «сестры» невесты, сажая зятя за стол, подложили ему куриные яйца. Возмущенный этой шуткой зять тут же, в присутствии собравшихся людей, дал развод своей жене, заявив, что девушка из семьи, где не следуют элементарным приличиям, не может быть хорошей женой.

Вряд ли такое возможно в наши дни. Однако в советское время появился другой и не менее плохой обычай: зять привозит с собой алкогольные напитки (обычно ящик водки и ящик коньяка), которые распивают собравшиеся, причем зять и его друг разливают водку по бокалам. С точки зрения исламской религии, это грех, прямо запрещенный Кораном. Также Божий Посланник (да благословит его Аллах и приветствует) сказал, что проклят будет не только тот, кто употребляет спиртное, но и тот, кто его принес, и тот, кто торгует им. Понятно, что верующие в Бога не должны придерживаться греховного обычая.

Чеченская народная философия проникнута почитанием мира, причем в этом мире небо – есть Отец, а земля – Мать.

Отец, отец – ты наше небо!

Ты – милосердный дождь.

Центр мира! Хребет семьи!

Мы не можем жить там, где нет тебя!

По мере необходимости проливаешься ты дождем,

По мере необходимости светишь ты солнцем.

С тобой можно перенести любые трудности,

Где нет тебя – большие беды.

Здесь поэт Ахмад Сулейманов показывает, что посылаемые отцом «дождь» и «солнце» есть не что иное, как назидание и наказание, которыми он направляет свою семью на истинный путь. Автор дает понять, что благодаря советам отца появляется возможность пережить любые трудности и избежать многих бед.

В чеченском народном сознании семья ассоциируется с домом. Его кровля – это отец, а пол – есть мать. Даже чеченское слово, означающее пол («цӀенкъа») составлено из двух слов «цӀийнан» + «къа» (буквально – «этого дома» + «грех»). В прежние времена полы в чеченских домах делались из глины, покрытой сверху жидким раствором глины с песком. Поэтому люди верили, что грехи, беды и несчастья всех домашних пол впитывает в себя, как земля впитывает воду. А сравнение матери с полом в доме означало, что все беды, касающиеся членов семьи, проходили через ее сердце.

Чеченцы говорят: со смертью отца обрушивается кровля, а со смертью матери с сердец ее детей осыпаются цветы. Это означает, что отныне ее дети никогда не смогут быть абсолютно веселы. А радость и счастье матери – это ее дети, как об этом пишет Ахмад Сулейманов:

Почитаемая мать! Из-за грехов детей,
Ставших слезами, растаяла ты!
Мы, дети, старим тебя до срока,
И молодость твою сохраняем – мы же!

Исламская религия прямо предписывает оказывать почет и уважение родителям. В Коране сказано: исполняй Мои повеления, исполняй повеления Пророка (да благословит его Аллах и приветствует) и исполняй повеления своих родителей. Это означает, что почитание родителей не может зависеть от собственного желания, оно есть обязанность, возложенная на каждого Богом. Поэтому это не может обсуждаться, но подлежит исполнению. Правда, здесь следует сделать одну оговорку: если требования родителей противоречат нормам религии, детям дозволяется не исполнять их.

Божий Посланник (да благословит его Аллах и приветствует) в одном из своих поучений дважды упомянул мать, подчеркивая, что дети должны быть добры с ней, и в третий раз сказал, что дети должны быть добрыми как с отцом, так и с матерью. Он сказал также: **«Рай лежит у ног матери»**. Приведенные хадисы показывают, насколько сильным должно быть уважение к матери в семье.

То же самое говорят и чеченские адаты. Самыми страшными для сына были слова матери: «Пусть мое молоко станет греховным для тебя, если покажешь себя недостойным».

Человек обязан почитать не только свою мать, но и ее родственников. «Не мужчина тот, кто не уважает родственников своей матери и родственников своей жены», – говорит чеченская пословица. Те, кто поддерживал хорошие отношения с этими категориями родственников, всегда пользовались уважением в народе. О таком муже Муса Бексултанов рассказывает в одном из своих рассказов:

«Как-то проезжая мимо кладбища, Муртаз соскочил с коня еще на подходе к нему. Когда, отойдя на значительное расстояние, он вновь вскочил на коня, я попросил его объяснить этот поступок. «Видишь ли, около года моей тещей была похороненная на этом кладбище Хадижат, и из уважения к ней я слез с лошади, – сказал Муртаз, и так находившийся в глубоком раздумье. – После нескольких месяцев, проведенных с нами вместе, от удара молнии скончалась и дочь Хадижат, да будете вы свободны».

Размолвка между родителями как бы покрывает сумерками светлый мир их детей. О семье, в которой царит разлад, в чеченской песне говорится:

Да не ляжем мы, молодцы,
В несчастливую могилу.
Несчастливая могила –
Хозяйка, у которой грязно в доме.
Да не окажемся мы, молодцы,
На войне без удачи.
Война без удачи – это
Семья без согласия.

Эта песня сравнивает семью без согласия не только с войной, но и называет ее «войной без удачи», то есть войной, в которой не может быть победы. Поэтому в народе говорится: «Самая тяжелая война – это та, что ведется дома».

И хотя это так, чеченские адаты не разрешали разводиться с женой из-за несущественных причин. В случае, если развод

состоялся без серьезных оснований, родственники жены могли предъявить серьезные претензии к ее бывшему мужу на том основании, что он отнесся к ним без должного уважения. В таких случаях семья мужа могла подвергнуться штрафу.

Исламская религия также запрещает развод без серьезных на то оснований (причем, основания для развода строго определены). В одном из хадисов говорится, что **развод относится к вещам, особенно нелюбимым Богом из того, что дозволено**. Ислам разрешает развод в тех случаях, когда взаимное уважение между мужем и женой утрачено окончательно. Самое большое зло от разводов – это тяжкий удар, которым они оборачиваются для детей, поскольку их сердца оказываются разорванными надвое: одна часть остается с матерью, другая – с отцом. Чаще всего такие дети не получают должной любви и заботы ни от отца, ни от матери.

Если продолжить приводившееся выше сравнение семьи с домом, то **старшего члена семьи** можно сравнить с опорой, поддерживающей кровлю. Если это сын, то после смерти отца именно на него ложится обязанность заботиться о младших членах семьи. Во всех случаях не в традициях нашего народа, когда дети по мере взросления уходят из семьи и прерывают после этого с ней связи, не заботясь о судьбе младших братьев и сестер. Обязанность заботиться друг о друге на протяжении всей жизни (в первую очередь старших о младших) лежит на каждом чеченце.

1 Слово «хIу» имеет еще ряд значений: «зародыш», «поколение», «порода».

2 Я. Хасбулатов (род. 1935 г.) – известный чеченский поэт.

3 Аргун – река в Чечне.

4 Понятно, что на реке волос вырасти не может, так же как у кошки никогда не вырастет рог. Оба пожелания соответствуют русскому: «Пока на горе рак не свистнет!»

5 С. Бадиев (1904 – 1937 гг.) – основоположник новой чеченской литературы.

6 М. Бексултанов (род. 1954 г.) – известный чеченский писатель.

7 Къоршкъури или къоршкъали – имеет значение «ряженный». Для вызывания дождя ряженого водят по селу и в каждом дворе обливают водой.

8 Хилдехарой относится к одному из высокогорных обществ Чечни, расположенных недалеко от границы с Грузией.

9 С.-Х. Тагаев (род. 1966 г.) – чеченский писатель.

10 У. Гайсултанов (1920 – 1980 гг.) – известный чеченский писатель.

11 Дагардийцар – буквально и означает «разговор сердца», имеются в виду слова, сказанные от всей души.

12 С. Гацаев (род. 1939 г.) – известный чеченский поэт-лирик.

13 Буквальный перевод чеченского слова «синкъярам» – «праздник души», «веселье души».

14 Ш. Цуруев (род. 1966 г.) – чеченский поэт.

15 Чеченское слово «ирахъяер» – буквально: «проводить время стоя» – означает не только смотрины, но и свидание. Столь необычное название объясняется тем, что свои короткие свидания молодые люди проводили, в основном, на ногах.

16 Традиционный возглас, которым сопровождаются танцы.

17 Этот, несомненно, древний обычай называется по-чеченски «мотт кхабар» – буквально: «содержать язык». Даже после того, как пройдет церемония «развязывания языка», сноха должна соблюдать определенные ограничения. Например, лишь в исключительных случаях ей дозволяется первой обратиться к свекру.

18 По-чеченски этот обычай называется «цӀераш кхабар» – «содержание имен».

19 Эти имена соответственно можно перевести как Сирота Сари, Домашняя Пату и Пристав.

Взаимосвязь чеченской народной культуры с природой и трудовой деятельностью

В чеченской народной культуре важное место занимает проблема отношения человека к природе. Человеку вменяется в обязанность относиться к природе так же бережно, уважительно и милосердно, как и к людям. Поэтому в народной этике выработаны определенные нормы отношения к диким и домашним животным, птицам, земле, лесам, водам, сенокосным угодьям и т. д.

Прежде всего необходимо должным образом заботиться о домашней живности: не оставлять ее голодной, беречь от диких зверей, обеспечить хорошее содержание, лечить в случае необходимости. Потому что, во-первых, Бог спросит с человека о его домашней живности так же, как о нем самом и о его семье; во-вторых, в отношении человека к его домашним животным проявляется полная картина его внутренней культуры.

Об этом говорит одно народное предание.

«Однажды несколько князей направлялись к одному очень известному князю. Они были много наслышаны о разных его подвигах, но никогда не видели его самого.

Прибыв во владения князя, они встретили одного пастуха. Тот был занят только что окотившейся овцой, пытаясь подпустить к ней ягнёнка. Поздоровавшись, гости поинтересовались, дома ли князь. «Да, он здесь. Заходите в дом, он сейчас подойдет», — с этими словами пастух направил гостей в дом.

Затем, закончив возиться с овцой, он также вошел в дом. Тот, кого гости приняли за пастуха, оказался князем. Поняв это, гости не проявили к нему должного уважения, посчитав не достойным для князя ни его занятие, ни его одежду. Не задерживаясь, гости, недовольные хозяином, направились в обратный путь.

По дороге на них напали воры, отняв коней и оружие. Только среди ночи, уставшие и голодные, гости сумели вернуться в дом.

из которого вышли накануне. Там они рассказали о случившемся с ними. Расположив гостей для отдыха, князь сам направился в погоню, настиг тех воров и отбил у них имущество своих гостей. Узнав об этом, гости рассыпались в благодарностях. Хозяин ответил им:

– Для своей живности я слуга, а для людей вроде вас – князь».

Мы можем выделить сразу несколько смыслов в этом рассказе. В первую очередь, он показывает, что человек должен проявлять милосердие по отношению к животным. «Как можно бить бессловесное животное?» – обычно упрекают того, кто ударами прогоняет со своего двора случайно забредшую животину. Из приведенного рассказа следует также, что должный уход за домашним животным важнее даже, чем проявление внимания к гостям. Потому, что **животное зависит от человека, а слабость и физическая немощь, согласно чеченской народной культуре, требуют особого внимания, и выше всего остального ценится готовность прийти на помощь слабому.** (Исламская религия, например, разрешает отложить обязательный намаз, чтобы накормить голодное животное).

Во-вторых, в чеченском сознании любой человек (даже князь или царь) не должен стыдиться ухаживать за принадлежащей ему скотиной. Наоборот, это считается почетным.

В-третьих, княжеская честь заключается не в том, чтобы гордиться и чураться черной работы, а в готовности прийти на помощь нуждающемуся в поддержке. Именно этот смысл содержится в последних словах, сказанных хозяином своим гостям.

Из всех домашних животных чеченский кьонах наибольшее внимание уделял скакуну. К нему относились как к равному товарищу, поскольку в трудную минуту преданный конь всегда был готов помочь хозяину. Таких примеров множество в чеченском устном творчестве. Так, в «Илли о Вдовьем сыне и князе Манце» скакун Вдовьего сына понимает обращенные к нему слова, и, когда его хозяин вероломством был ввергнут в опасность, он помчался к его другу Хаси и привел его на помощь. О коне, подчеркивая его достоинства, в народных песнях говорится – «душой чистый», «поджарый».

Обычно чеченец глубоко переживал гибель своего коня, словно речь шла о человеке (как грустят об умершем друге). Состояние человека, которого постигла такая беда, хорошо выражено в народном илли «Песня юноши, у которого погиб конь». Эта песня способна взять за душу каждого и у каждого вызвать слезу.

Герой одной повести Саида Бадиева, которого одновременно постигли три беды – умерли мать, любимая и конь – тронулся умом, когда к двум первым бедам добавилась третья.

Большая роль, которую лошадь играла в жизни чеченцев, видна и в том, что в нашем языке это животное имеет, помимо общего, немало отдельных названий: для жеребенка, для необъезженной, верховой, рабочей, старой...

За лошадью, особенно верховой, ухаживали с особой тщательностью: давали особый корм (например, жареную кукурузу, вареное пшено, овес), поили теплой водой, вовремя купали.

Хотя лошадь пользовалась особым вниманием, в народном сознании сложилась и такая поговорка: «Лошади и женщине не доверяй». Это означает, что любовь к ним не должна ослеплять, чрезмерная любовь (как и доверие) притупляет слух и зрение, поэтому и доверие к лошади должно иметь определенную меру.

Если к лошади относились с уважением, то осла – домашнюю скотину, столь же необходимую в хозяйстве (особенно в горах) – чеченцы воспринимали с известной долей юмора. Об этом говорят различные пословицы: «Когда осел сказал «осел», осел свалился в пропасть», «Корова, долго стоявшая рядом с ослом, кричит по-ослиному», «Ослу хорошо только среди колючек»... Последнюю пословицу поэт Ахмад Сулейманов так привел в своем стихотворении «Горные ключи»:

Если выедешь верхом на коне,
Очутишься на войне или на пиру.
Если выедешь верхом на осле,
Очутишься среди колючек.

Вместе с тем, очевидно, в глубокой древности осел относился к числу табуированных животных. Поэтому чеченцы до сих пор не упоминают его вслух, отправляясь в путь.

Отношение чеченцев к домашним животным отличалось своеобразием. Так, корова служила мерой имущества или платежа при различных жизненных обстоятельствах. Например, цена человеческой жизни определялась в 63 или 70 коров; если женщина, не посчитавшись с мужем, бросив его, возвращалась домой, ее родственники выплачивали плату «за неуважение» — 8 коров и т. д. В честь одного гостя забивали барана; если гостей было много — бычка.

В чеченском доме уважительно относились также к кошке и собаке. Особенно — к кошке. И сегодня в массовом чеченском сознании считается, что нельзя будить спящую кошку, это греховный поступок. Так, в нашем устном творчестве есть один рассказ с глубоким содержанием.

В одной семье жила кошка. Глава этого семейства понимал кошачий язык. Однажды он услышал, как кошка говорила своим котяткам: «Вскоре у нашего хозяина падет овца и мы вдоволь поедим мяса». Чтобы не допустить ущерба своему хозяйству, глава семьи продал овцу. Через некоторое время он вновь услышал, как кошка говорила котяткам: «Вскоре в нашем доме корова падет и мы вдоволь поедим мяса». Хозяин сразу же отвел на базар и корову. И в третий раз он подслушал слова своей кошки: «Скоро у хозяина лошадь падет...». Тогда он продал и коня.

Но после этого он услышал, как кошка говорила: «Вскоре наш хозяин умрет, и на его поминках мы вдоволь поедим мяса». Бессильный предпринять что-либо против Божьего суда, хозяин умер, и душа его перешла в загробный мир.

Мы легко можем определить главные мысли этого рассказа: во-первых, что смерть и другое несчастье может быть отсрочено жертвоприношением. Принесение в жертву домашнего животного может продлить жизнь кому-то из членов семьи. Во-вторых, если кошку, как и других животных, не содержать хорошо, то страдания домашней живности могут привлечь в дом беду: в-третьих, жадность и неумеренное желание из всего извлечь пользу не доводят до добра.

Хотя, как мы и указали, с одной стороны, для чеченцев характерно положительное отношение к кошке, с другой стороны, ведьму (в которую якобы способны превращаться некоторые женщины), народные поверья представляют в виде кошки. Мы видим здесь двойственный, прямо противоположный взгляд на это животное. В чеченской народной философии немало примеров подобного расхождения внутреннего содержания воззрений на один и тот же предмет.

Самые разные приметы и поверья связывают чеченцы с поведением животных и птиц. Причем они истолковывают их как признак надвигающейся беды или, напротив, удачи. Так, если в селении раздается крик совы или вой собаки – это означает чью-то смерть.

Животные, живущие рядом с людьми и помогающие им в работе, в чеченском фольклоре показаны как друзья людей. В большинстве случаев, именно они первыми поднимают тревогу, предупреждая своих хозяев о надвигающейся беде. Например, в «Илли Цухуша, сына Бокки» говорится о хозяйских собаках, вернувшихся с гор и начавших выть во дворе. Их пытались покормить, однако четвероногие работники:

Молоко не пьют –
Воют на горы.
Курдюк не едят –
Воют на горы...

Своим воем они сообщали людям о беде, которая настигла их хозяина.

Скрытый смысл видят чеченцы и в поведении домашней птицы: например, если петух кричит, повернувшись к дому, – жди гостей; но если курица вдруг заголосила по-петушьиному – быть несчастью. Поэтому такую курицу полагалось резать и трижды перебросить тушку через крышу дома, чтобы отвести надвигающуюся беду. Одновременно это было наказанием и самой курице за то, что она восстала против своего естества.

Особую связь ощущают чеченцы с дикими животными. В этой связи, прежде всего, упомянем волка. Когда-то, вероят-

но, еще в языческие времена этот зверь пользовался у чеченцев особым почитанием. Поэтому в чеченском языке существуют следующие сравнения, показывающие положительные черты человеческой личности: «храбрый, как волк», «проворный, как волк», «разъяренной волка» и т. д. Когда мужчину хотят похвалить, обычно говорят: «Этот молодец настоящий волк», «Ай да волк!».

С волком у чеченцев связано множество поверий. Например, хвост, отрубленный у умирающего от раны, но еще живого волка, обладает необычайной приворотной силой – стоит им коснуться любимой женщины, как та ответит взаимностью; волчий альчик, тайно пронесенный между двумя людьми, рассорит их между собой; а если сжечь волчью жилу, обокравший тебя человек сморщится, подобно ей...

Более того, волка чеченцы называют «Божьим глашатаем». Это нужно понимать в том смысле, что, губя домашних и диких животных, волк уравнивает весы Высшей Справедливости.

Насколько важное место занимал волк в народном сознании в языческие времена, видно из того, что даже последний день для всего живого на земле – Судный день – связывался с ним.

«Перед концом света сорок дней и сорок ночей будет непрерывно лить дождь. После того, как вся земля, горы и холмы окажутся основательно им размыты, сорок дней и сорок ночей непрерывно будет дуть ураганный ветер, разравнивая земную поверхность до тех пор, пока она не станет гладкой, как ладонь.

Когда ураган будет крушить и разравнивать горы, леса и холмы, в живых останется только матерый волк. Единственный из зверей, он устоит против ветра. И хотя волк устоит под напором урагана, шкура его спереди лопнет – от морды до груди. А потом ветер сдерет ее до самого хвоста. Но и тогда волк не упадет и не смутится, но обратится к Богу со словами: «Великий Боже, если бы только знал я, что Ты сотворил меня с душой столь стойкой и героической, – могу поклясться, что не оставил бы я в этом мире ничего живого».

После этого, как говорят, Бог заберет его душу» (журнал «Прометей», 1991, № 1).

То, что волк — главный символ мужества и стойкости у нашего народа — связано с его следующими качествами: постоянная и безоглядная готовность сражаться с врагами; не смиряться, даже если сил не хватает для немедленной победы; самому удовлетворять свои потребности, не ожидая поддержки от окружающих; и, самое главное — любовь к свободе.

Еще один зверь, пользующийся своеобразным почетом у чеченцев — олень. Хотя в последнее время это животное не встречается в наших лесах, но когда-то олень был весьма многочислен. Во всяком случае, в нашем устном народном творчестве он занимает очень заметное место. Известна удивительно образная лирическая народная песня, сравнивающая оленя с одиноким молодцем, и отличающаяся высокой художественностью:

Из горных родников, что льда холоднее,
Свое иссохшее жаждой нутро, вдоволь не утоляя,
Побегами синей травы, что растет на краю чащи,
Свой желудок досыта не наполняя,
По лесным полянам, проносясь волчьей рысью,
Спускаясь глубоко в пропасти, чутко прислушиваясь,
Опасаясь быть настигнутым ружьем охотника,
О гранитные скалы затачивая ветви рогов,
О корни бука ударяя пестрой передней ногой,
Уши вперед направив, рога навзничь нагибая,
Призывно взывая, к самкам стремясь,
Резвый олень ходит, не имеющий самки...
Разве только наши желания не сбываются, молодцы?!

Хотя в этой песне говорится об олене, имеется в виду все же одинокий кьонах, еще не обзаведшийся семьей: его благородная умеренность в еде и питье, его тоска, его беспокойные и светлые мысли.

Чеченцы и к птицам относились с той же внимательностью и милосердием, что и к животным. Это видно уже из того, что названия птиц часто становились именами для детей: Леча (Сокол), Арзу (Орел), Куйра (Ястреб), Кока (Голубь), Маккал (Коршун), Олхазар (Птица), Таус (Павлин)... Особым почи-

таишем среди птиц у чеченцев пользуется ласточка. В народных преданиях сохранился глубоко содержательный рассказ, объясняющий, почему ласточки выют гнезда рядом с жилищами людей.

«Во время всемирного потопа пророк Ной спасал семя людей, зверей, птиц и насекомых на большом корабле (ковчеге). Прошло значительное время, и ковчег, в котором образовалась течь, начал наполняться водой. В растерянности металась по нему люди и звери. Тогда змея сказала, что она может закрыть дыру в корпусе ковчега своим телом, если только ей дадут выпить крови того существа, чья кровь окажется самой сладкой. Все согласились, змея закрыла течь своим телом, и ковчег благополучно добрался до земли. Тогда змея послала шершня выяснить, у кого из животных самая сладкая кровь. Исполнив это поручение, шершень возвращался к змее, когда его встретила ласточка. «Чью кровь ты нашел самой сладкой?» – спросила она. «Человеческую», – ответил шершень. «Покажи-ка свой язык» – попросила ласточка. Шершень показал. Ласточка, клонув, проглотила его язык. С тех пор шершень только жужжит крыльями и не может рассказать змее, что с ним случилось.

А ласточка сказала змее, что шершень самой сладкой почитал кровь лягушки. Змея попробовала кровь лягушки, но она не понравилась ей. Разозлившись, она попыталась ужалить ласточку, но та успела взлететь, и змея только схватила ее за хвост. С тех пор у ласточки раздвоенный хвост. «С этого времени я буду есть твоих птенцов и не позволю им вырасти», – так, говорят, пообещала змея. «Чтобы ты не смогла этого сделать, я буду выть свое гнездо возле людей», – ответила ласточка».

Этот рассказ показывает, что в народном сознании некоторые животные и птицы воспринимаются как друзья и товарищи людей.

А поэт Абдулаев Леча так сказал об этом:

В каждой сказке

Есть герой.

Почему же убивать дракона герою

Всегда помогали

Живые существа и животные?

Люди,
Где же вы были?

И хотя животные зачастую воспринимались едва ли не как друзья людей, **чеченцы издревле охотились на диких животных. Но и в охоте существовали свои правила и ограничения.** Например, запрещалось охотиться на животных, готовящихся воспроизвести на свет потомство, или когда их детеныши были совсем маленькими. Чеченская народная культура запрещала охотнику убивать пасущееся животное. Это означало, что, с одной стороны, даже животному нельзя препятствовать взять из жизни то, что предназначено ему Богом; а с другой — пасущееся животное ослабляет внимание и недостойно нападать на него в это время.

На охотнике лежала еще одна обязанность, от которой он не мог отказаться. **Нельзя было допустить, чтобы пресекался вид какого-либо животного; нельзя было убивать животных больше необходимого для пропитания и категорически запрещалось делать это ради удовольствия.** «Если появится человек, напрасно убивающий животных, то Хозяин Животных отомстит ему», — утверждает легенда, бытующая в сознании чеченцев. Вероятно, это поверье возникло еще в языческую эпоху. И хотя это так, его культурная значимость очевидна: зло, причиненное бессловесным животным, не останется без мщения.

В чеченских адатах существовал еще один обычай, направленный на то, чтобы не допустить истребление животных. Охотник, убивший три сотни диких зверей, обязан был сжечь приклад своего ружья. Это означало, что больше он не является охотником. Народные предания утверждают, что охотник, не сделавший этого, погибал в результате мщения со стороны Хозяина Животных.

Нельзя было также убивать животных, обладающих какими-то особенностями — например, необычными метками на шкуре. Чеченцы верили, что отличное от других животное имеет свое особое предназначение в животном мире.

Милосердие, проявляемое чеченцами в отношении домашних и диких животных, распространялось и на насеко-

мых. В чеченском фольклоре особенно много содержательных преданий и рассказов, посвященных пчелам и муравьям. Например, о трудолюбивом человеке говорят, что он «трудится как пчелка». А о ленивом человеке скажут: «это не та пчела, что добывает мед, это та пчела, что ест мед» или назовут его «трутнем».

Рассказы, посвященные муравьям, показывают, что это насекомое не только отменно трудолюбиво, но обладает также мужеством, терпением и острым умом. Приписывая этому насекомому качества, присущие только человеку, чеченцы тем самым показывали глубокое уважение, которое они испытывали к этому насекомому. «Если бы моя талия выдержала, то я потащил бы за собой весь мир», – говорят, что именно так сказал муравей. Этим высказыванием народ подчеркнул как поразительную трудоспособность муравья, так и силу, которой обладает это маленькое насекомое.

Другой рассказ показывает, насколько муравей экономен и воздержан в еде.

Один состоятельный человек спросил муравья: «Сколько зерна тебе нужно в течение года?». «Мне хватит и одного зернышка», – ответил муравей. Не поверив его словам, этот человек поместил муравья в закрытое помещение, бросив ему одно зернышко. Через год он освободил муравья и очень удивился, увидев, что тот съел только половину зернышка. «Я не верил, – пояснил муравей, – что спустя год ты вспомнишь обо мне, и поэтому был воздержан в еде».

Из этого рассказа видно, что столь маленькому живому существу чеченцы не только придавали большое значение, но и приписывали ему качества, необходимые людям. Здесь нужно также упомянуть, что в народе считалось недозволённым разрушать муравейник. С этим связано, кстати, одно интересное поверье – разрушение муравейника вызывает дождь. Чаще всего муравейники повреждали при косьбе. Данное поверье (что ненастье, вызванное разрушением муравейника, может привести к тому, что под дождем пропадет сено) направлено на защиту муравьев и их среды обитания.

Во многих народных рассказах как животное, обладающее особенным умом, упоминается еж; почиталась также ласка, чье

название было табуировано (ее называли «истребительницей мышей») – считалось, что вместе с ней во двор приходит благополучие и достаток; почитается также насекомое – божья коровка... С последней связано и такое поверье: если божью коровку посадить на руку и дать ей взлететь, то из того села, в направлении которого она улетела, придет невеста. Поэт Шаид Рашидов¹ написал об этом в стихотворной форме:

Из травы божьих коровок на пальцы сажая,
Гадая, откуда приведу я невесту,
Томимый любовью, когда они улетали в вашу сторону,
Неужели я был создан для безответной тоски?..

Очевидно, отношение чеченцев к домашним и диким животным, а также насекомым базируется на народной философии, считающей, что все живое, созданное Богом – и малое, и большое – имеет свое место, свой путь, свой сокровенный смысл... Кроме Бога никто не в состоянии постичь всего, что связано с ними, поэтому культурный и верующий человек не может безразлично взирать на сотворенные Богом живые существа.

Точно такое же отношение должно быть и к неживой природе. Это хорошо понимали наши далекие предки. Так, они не позволяли безжалостно и расточительно истреблять лес. «У леса есть свой хозяин, – говорили они. – Если нанести вред лесу, он отомстит за него». Человек, направлявшийся в лес за дровами, оборачивал топор тряпкой, чтобы деревья не могли его видеть. Перед тем, как срубить дерево, полагалось произнести молитву «Бисмилла» («Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного») и добавить: «Великий Боже, не посчитай это за грех» – точно так же, как это говорится перед тем, как зарезать корову или другое домашнее животное.

Особым почитанием чеченцы окружали фруктовые деревья: яблоню, грушу, кизил, айву и др. Их нельзя было рубить для использования в качестве топлива и других целей. Если кто делал это, нехорошая слава о нем широко распространялась: «Такой-то пустил на топку грушевое дерево». Это была постыдная

известность. Случалось и так, что, в знак проклятия, срубившему лесную грушу сооружали карлаг.

Очень большим почитанием пользовался кизил. В чеченском народном сознании живет поверье, согласно которому человек, умерший с двумя косточками кизила внутри, получит благословение. По кусту кизила нельзя было даже ударить прутом. Правда, из его прутьев чеченцы вязали метлы. Почитались также боярышник, рябина, мушмула, груша и другие дикие деревья, дающие плоды.

Вместе с тем, почитались и некоторые неплодоносящие деревья. Например, таволга (или городовина – кустарник с очень плотной древесиной); считалось, что его наличие в доме приносит добро. Поэтому дорожные посохи делали именно из таволги. А при погребении покойника использовались дубовые доски.²

Почитались также и некоторые виды трав. К примеру, обладающие приятным запахом мята, душица, подорожник, володушка (по чеченски – буквально «рана-трав», ее использовали для лечения ран)... В народе говорят, что наличие на теле последней травы позволяло человеку преодолевать любые препятствия.

Своеобразные культурные нормы существуют в отношении родников (вообще текущей воды) и озер. В каждом селе были люди, безвозмездно следившие за родниками, соорудившие ограды вокруг каждого вновь образовавшегося источника, прокладывавшие желоба или водосточные трубы для свободного тока воды. В большинстве случаев родник получал имя человека, следившего за ним: родник Эдала, родник Гамы и др...

Необходимо содержать в чистоте берега родников, рек и озер, нельзя стирать в них грязные вещи. Об этом в чеченском фольклоре существует множество древних преданий. Вот одно из них:

«Возле хутора, называвшегося Озерный, имелось озеро. Вода из него считалась очень чистой и целебной. Однажды женщина, жившая на хуторе, постирала в озере испачканные детские вещи. После этого озеро превратилось в быка, который направился в Галанчож, пробив проход в горном хребте, пролегаю-

щем между Галанчожем и Ялхароем.³ Его называют Тамбедача – «место, где пробежало озеро».

Продвигаясь вперед, бык достиг края поля, на котором люди распахивали свои наделы. Одна семья видела, как бык поднялся на это поле. Родители решили, что его следует запрячь в плуг, вместо выбившегося из сил их собственного быка. И хотя двое детей возражали, говоря, что этот бык не их, а принадлежит кому-то другому, отец все же запряг его. Начали пахать, но на том месте, где ступал бык, из земли проступала вода. А когда начали проводить третью борозду, бык превратился в воду. Отец и мать, запрягшие быка, и плуг с упряжью ушли под воду, а детей отбросило в сторону.

Образовавшееся тогда озеро существует до сих пор. Это Галанчожское озеро.

В этом маленьком рассказе содержится большой смысл. Во-первых, воду нельзя загрязнять и это действие никогда не остается без негативных последствий; во-вторых, нельзя пользоваться тем, что не принадлежит тебе самому, и за подобные действия Бог всегда наказывает.

Схожий рассказ имеется и о камне, находящемся рядом с Нихалоем.⁴ Горная река, протекавшая там, после того как в ней постирали грязные вещи, изменив русло, ушла за расположенную рядом гору, а совершившая этот проступок женщина превратилась в камень, который и поныне стоит на том месте.

В чеченском устном творчестве имеется множество содержательных рассказов, связанных с озерами. Так, рассказывают об озере, находящемся в горах, выше сселения Хачарой.⁵ Увидеть его может только хороший человек, а при появлении рядом плохого, обремененного грехами человека, озеро исчезает в земле.

Это предание, по всей видимости, сохранилось еще с языческих времен, когда у чеченцев почитанием пользовались отдельные горы, озера и лесные поляны, которыми клялись и давали обещания... Более того, сама земля являлась объектом почитания, требующим внимания. Например, не дозволялось понапрасну ковырять землю, забивать в нее колья или гвозди, рыть ямы. Даже походка воспитанного человека должна была быть

легкой, словно земля испытывала боль, когда на нее наступали – земле мысленно говорили: «Рано или поздно я тоже должен вернуться в твоё лоно».

Но самое высокое почитание земли – это добросовестный, честный труд на ней. Говорят, что когда-то земля начинала взывать к людям каждый раз, когда приходило время сева. Однако голос её был настолько сильным, что люди пугались его и приходили в ужас. Поэтому Бог лишил землю голоса.

Большим стыдом было оставить землю незасеянной или не пропалывать засеянное поле; более того, это считалось греховным деянием. На наделе, оставшемся необработанным и незасеянным, сооружали так называемый лоллар – чучело, представляющее собой вбитый в землю кол, на который вешали сорняки. В прежние времена чеченцы считали, что человек, не засеявший участок, на котором помещалось хотя бы три зернышка, не имел права совершать хадж к святыням ислама. Как рассказывает учёный Сайд-Магомед Хасиев,⁶ его прадеда по материнской линии, собравшегося совершить хадж, семь раз не отпускали односельчане, указывавшие, что у него остались невыполненные обязательства, одним из которых были оставшиеся незасеянными несколько метров земли. Лишь на восьмой год, выполнив все, что вменялось ему в обязанность, он сумел отправиться на поклонение к святым местам.

У чеченцев существовали разнообразные празднества, направленные на то, чтобы привлечь людей к праведному труду на земле и показать его высокую ценность. Одним из них был день первой борозды. Он имел место через две недели после наступления весны (окончанием зимы считался день 23 марта). К этому дню тщательно готовились, в полной уверенности, что от этого зависит не только будущий урожай, но и как пройдет наступающий год. Заблаговременно готовили и быков, которые должны были провести первую борозду – кормили до отвала, чистили, смазывали рога салом, мыли теплой водой. Также тщательно готовили и плуг.

Этот день определяли, несмотря на погоду – ненастье или нет, растаял ли полностью снег, холодно ли, солнечно ли, сухо ли, тепло ли.

Человека, идущего за упряжью, выбирали по согласию всех сельчан из числа тех, кто отличался высокой культурой, чистой жизнью, воспитанностью, содержал свою семью в соответствии с требованиями исламской религии. Это считалось большим почетом. Выбранный для этой роли человек обязан был зарезать быка в качестве жертвоприношения за будущий урожай и благополучие своей семьи.

Перед тем как вспахать борозду, специально выбранный для этой роли мужчина бросал на землю семена. Семена же передавала ему женщина, которую выбирали за религиозность, воспитанность, трудолюбие и полезность окружающим. Это должна была быть мать большого семейства, супруга настоящего кьонаха, в подлинном смысле хозяйка семейного очага и дома — не слишком молодая и еще не старая, но достигшая зрелости. Эта женщина брала семена горстями, передавая зерну тепло своих рук и изобилие. Затем, упомянув имя Божье («Бисмилла») и испросив у Бога в будущем тучных хлебов, она передавала семена мужчине, который сеял их.

Тот, тоже предварительно упомянув имя Божье, с Его именем на устах начинал разбрасывать семена. После этого трогалась с места упряжка быков. На мужчину, державшего ручки плуга, надевали вывернутый наизнанку овчинный тулуп. Считалось, что посеянное зерно взойдет так же густо, как ворс на тулупе, и урожай будет тучным, а, кроме того, таким образом предохранялись от «дурного глаза».

Когда плуг дважды пересекал поле, в оставленные им борозды трижды лили молоко, для чего прямо на месте доили корову. Для этого выбирали корову из сельского стада, отличавшуюся хорошими удоями и плодовитостью. Доить ее поручали той же самой женщине-хозяйке, что передавала мужчинам зерно, приготовленное для посева. Поливание вспаханной земли молоком символизировало придание ей большего плодородия, чтобы грядущий урожай был еще обильнее.

День первой борозды или день, когда переворачивают первый пласт земли, — сопровождался различными состязаниями — скачками, бегом. Участвовавшие в беге юноши выходили на старт босиком. Одно из таких состязаний состояло в

следующем: специально ко дню первой борозды из подпорченной муки пекли большой (размером с приличный поднос) круглый калач, который вешали на рог одного из быков, запряженных в плуг. Участвующий в состязании молодой человек должен был на бегу отщипнуть от калача маленький кусочек. Однако ему препятствовал другой молодой человек, специально для этого поставленный, который двигал калач вверх-вниз вдоль рога (снимать его полностью запрещалось). Кусочки от калача хранились затем в течение целого года: считалось, что они приносят в дом благополучие и достаток, а вода, в которую их бросили, приобретает целебные свойства. Поэтому их делили на части и дарили в качестве подарка.

В глубокой древности среди чеченцев бытовал еще один обычай, который сегодня может вызвать только удивление. В день первой борозды девушка, известная в селении своей воспитанностью и красотой, называла имя молодого человека, с которым она хотела бы создать семью. Если молодой человек был согласен, в тот же день возникала новая семья. Смысл этого обычая состоит в том, что создать семью и вырастить хлеб, заложить основу будущей семьи и подготовить почву для будущего урожая – считалось одинаково почетным и одинаково ответственным делом. Если же молодой человек отвечал отказом, он должен был еще до возвращения людей с праздника первой борозды, привязать быка у калитки дома, где жил отец выбравшей его девушки. Это считалось платой за неуважение, проявленное к девушке.

Чтобы воспитать у подрастающего поколения любовь к труду, а также помочь своим односельчанам в выполнении трудной работы, устраивали белхи.⁷ Собравшиеся на белхи выполняли самые разнообразные работы: обдирали кукурузные початки, чистили шерсть, обмазывали глиной стены нового дома, косили траву и т. д.

Белхи, помимо самой взаимопомощи, позволяли молодым людям встречаться и совместно проводить время. В некоторых случаях белхи вообще устраивались для того, чтобы дать молодежи возможность повеселиться и общая работа в данном случае служила только предлогом; другие белхи (в первую очередь

организованные для обмазки нового дома) имели главной задачей именно оказание помощи нуждающимся в ней, а танцы и песни во время коротких перерывов дополнительно стимулировали молодежь к тому, чтобы выполнить работу быстрее и лучше.

К организации белхи готовятся загодя, за несколько дней. Например, если нужно обмазать новый дом, предварительно готовят не только глиняный раствор, но и еду, а также приглашают гармониста и барабанщика. Во время белхи за девушками наблюдает одна из взрослых женщин, а за молодыми людьми, соответственно, кто-то из мужчин постарше. Присутствие этих двух необходимо, чтобы соблюсти общий порядок, чтобы вся намеченная работа была выполнена, а белхи сразу же не превратились в веселую вечеринку.

На такого рода белхи всю тяжелую работу (собирать глину в специальные емкости и переносить ее) выполняют мужчины. Женщины же, передавая комки глины из рук в руки, обмазывали ими стены. Во время белхи каждый из молодых людей старался держаться возле понравившейся ему девушки, демонстрируя свою ловкость в работе и одновременно оказывая ей помощь, а при случае перекидываясь с ней словами и шутками. Если девушки останавливали работу, наблюдающая за ними женщина имела право подгонять их легкими ударами прута или крапивы. Между прочим, одной из причин, по которой девушки не спешили начинать работу по обмазке стен, заключалась в поверье, согласно которому той, кто первой начнет обмазку стен, достанется сварливая свекровь.

Время от времени работа прерывалась музыкой и танцами. Впрочем, такие перерывы в работе не бывали продолжительными.

Поэт Шайхи Арсанукаев так увидел белхи:

Во дворе у соседей не гулянье,
У них белхи, белхи – по обмазке стен.
Все село дружно собралось в этом дворе,
С шутками вместе работают и танцуют.

Гремит барабан, заливается гармонь,
И тяжелая работа сегодня кажется легкой.
Девушки, поливая водой, готовят глину,
Юноши, соревнуясь, копают землю.

Сегодня же этот дом будет обмазан.
Ни работа, ни трудности никому не в тягость...
В горах люди всегда так жили,
Каждый имел право открыть любую дверь.

С утра не гулянье в этом дворе,
А белхи, белхи – по обмазке стен.
И односельчанин не останется в наступившей осени
Без крыши – сельчане собрались на белхи!

Белхи, в случае необходимости, продолжались до самых сумерек – пока не будет закончена вся работа. По их завершении хозяин обращался ко всем собравшимся со словами благодарности: «Благослови вас Бог, вы сделали сегодня большое дело. Пусть ваш труд Бог зачтет как благодеяние!» Участвовавшие в белхи отвечали: «Пусть этому дому Бог даст изобилие и счастье! Да благословит Бог всех!» Таким образом завершаются все белхи.

Все, о чем мы говорили в данной главе – почитание домашних и диких животных, деревьев, трав, вод, озер и нравственное отношение к ним – вбирает в себя понятие «любовь к Родине». Чеченцам присуще исключительно сильное желание (где бы они ни жили) быть похороненными в родной земле. Поэтому у нашего народа существует обычай – любого чеченца (будь он товарищем или совсем незнакомым) – по возможности, привезти в родные края. Это свидетельствует о высоком уровне почитания земли, на которой жили предки.

«Земля отцов. Ее узнаешь в тот день, когда выглянет первое весеннее солнце. С солнечными лучами, цветущими садами, тщательно подметенными двориками, переключкой петухов... С ласками матери и поучениями отца.

День ото дня она все прекрасней, омываемая солнечными дождями и зеленеющая от весенних трав. Она кажется юной и

прекрасной. Песни звучат над лесными опушками. И ты вторишь им.

Ты мчишься, не чуя ног, поднимаясь на холмы и опускаясь в овраги. Но твоя радость, как сверкающий мыльный пузырь, лопается в один из вечеров, когда солнце опускается за лесами. Горечь вызывает только разлука с любимыми. Все кажется не таким, как раньше, — хочется бежать. Оказаться на краю света. Однако, если осуществить это желание, можно с ума сойти в чуждом краю. И ты возвращаешься домой. Ты понимаешь: несмотря ни на какие огромные беды и скорби, нельзя расстаться с этой землей, где даже несчастья кажутся благом. С этой землей смешались кости всех живших до тебя, их мысли, печали, пот, кровь...» («На заре, когда звезды гаснут». — Грозный, 1986).

Родина — это не только горы, воды, пространства. Родина — это, прежде всего, люди, живущие на этой земле, сладость благородного отношения друг к другу, древние традиции, мудрость старших, благодатный свет подвижников на пути веры, мужество молодых, воспитанность девушек, справедливость между людьми... Это все — угодные Богу нормы поведения — и люди, пытающиеся сохранить и преумножить их, — делают эту землю такой притягательной для чеченцев.

Но если все это не беречь, то любовь к родине и родной земле ослабевает, оставляя только чувство горечи. И такие времена бывали на нашей земле. Например, время, когда по завершении Кавказской войны страна чеченцев попала под власть русского царя. В это время много людей переселилось в другие страны. Но, вне зависимости от того — плохо ли, хорошо ли сложилась дальнейшая жизнь мухаджиров — никогда не ослабевала в их сердцах любовь к родине и тоска по ней.

Такое же положение сложилось и во время выселения чеченцев в Казахстан и Киргизию. Очень многие, умирая, больше всего мечтали сделать хотя бы глоток воды из родников, что остались на родине. Бросить один лишь взгляд на вершины Снегового хребта или лежать на своем сельском кладбище... Позднее, когда появилась возможность свободно вернуться домой, очень многие, исполняя последнее желание отца или матери, привезли с собой их кости, чтобы предать родной земле.

Вот как чеченские поэты воспевали любовь к родине:
Магомет Мамакаев:

Кто говорит, что ты, моя родина, в прошедшие времена
Не имея своей письменности, жила во мраке?
Следами борьбы, высеченными на твоих каменных
плечах,
Записано все, выпавшее на долю моих предков...

Арби Мамакаев:

Серебряными кронами чащ посеребренные,
Нитями светлых родников украшенные,
Моему сердцу любимые просторы родины,
Что может быть слаще вас для имеющего гордость
сердца?

Абузар Айдамиров:

Какой в детстве с тобой
Я расстался,
Какой я ребенком
Тебя оставил, —
Такой и нашел тебя, — как в сердце
Сохраненный образ,
Какой часто-часто
Видел тебя во сне.

Ахмад Сулейманов:

Показать любовь к родине,
Друзья, вы лишь дайте возможность,
Как жить ради нее
И умереть за нее — я покажу вам.

Магомед Дикаев:

Земля моих отцов,
Моя счастливая родина,
Расставшись с тобой, утратив надежду,
Жить оказалось невозможным.

Наверное, не осталось чеченского писателя, который не писал бы о родине и своей готовности отдать за нее жизнь.

Здесь нужно отметить, что **любовь к родине и само понятие «родина» некоторыми писателями ставится выше всего в этом мире.** Это, видимо, одно из последствий длительного господства государственной идеологии атеизма. Это большая философская ошибка и поэтому верующий человек осознанно не может иметь такое понимание вещей. Для сотворенного Богом человека не может быть ничего более важного, чем служение Богу – в этом смысл его жизни и его самая почетная обязанность. Лишь после этого должна стоять родина, народ, любовь к ним и внимание к их нуждам.

В чеченском устном творчестве имеется много рассказов и пословиц о любви к родине. Так, один такой рассказ повествует:

Некий человек криком оповещал всех диких зверей и все живые существа, что он собирается поджечь определенный участок и им нужно уйти отсюда. Позднее, когда огонь погас, этот человек увидел обгоревшую змею, которая в мучениях билась об землю. «Разве ты не слышала моего предупреждения?» – спросил он змею. «Слышала, – ответила та. – Но жизни на чужбине я предпочла смерть на своей земле».

Что удивительного в том, что люди, наделенные сознанием, любят свою землю, если даже змея готова умереть на земле, где она родилась и росла?

Как раз об этом говорит пословица: «Лучше быть рабом у себя дома, чем князем на чужбине».

1 Рашидов Шаид (род. 1938 г.) – известный чеченский поэт-песенник.

2 Чеченцы, как мусульмане, не пользуются гробами. Покойника, облаченного в саван, помещают в специальную нишу, созданную с одной стороны могилы. Ниша закрывается досками (в местах, где

недостаточно леса, для этого используются другие материалы, например, необожженные глиняные кирпичи), затем могилу засыпают землей.

3Галанчож и Ялхарой – исторические области в горной Чечне.

4Нихалой – селение и одноименное общество в горной Чечне.

5Хачарой – селение и одноименное общество в горной Чечне.

6Хасиев С.-М. (род. в 1942 г.) – известный чеченский историк, этнолог.

7Белхи – это чеченское слово имеет корень «болх», что означает буквально «работа» и служит названием древнего обычая взаимопомощи.

Ислам и чеченская традиционная культура

Ислам, будучи религией, ниспосланной самим Всевышним, вобрал в себя все лучшее, что есть в традициях всех народов, он объял все полезное для человеческой души и тела, и потому может рассматриваться как высшее проявление культуры.

Любой мыслящий человек – из какой бы нации он ни происходил и где бы ни жил – понимает, что хорошо, а что плохо. Это понимание заложено Богом в человеческое сознание.

Несмотря на это, в человеческом сообществе существует широкое разнообразие во взглядах и мнениях о культуре и этике. Это связано с тем, как те или иные люди отвечали на основные вопросы, которые ставила перед ними жизнь. Среди них главные: в чем смысл существования Вселенной? Какое место в этом мире занимает культура? В чем смысл человеческого существования?

Различные философские учения (а в их число входят и видоизмененные людьми религиозные системы) дают самые разные ответы на эти вопросы. В соответствии с этим, каждое учение определяет место культуры и этики в ряду важнейших понятий.

Ислам дает свой ответ на важнейшие и сложнейшие вопросы, встающие перед человеком. Этот мир и все сущее в нем сотворено Аллахом, Он Един и у Него нет сотоварищей. У Него власть над всем, что сотворено Им, Его желание исполняет все сущее – и на земле, и на небе. Он всезнающ, всевидящ и властен над любой вещью.

Человек, созданный Аллахом, есть раб Аллаха. В этом мире у человека есть только одна обязанность – служить Аллаху, исполнять то, что велено Им, и избегать того, что запрещено. У человека нет права самому определять обязанности для себя в этом мире – они определены Аллахом. Бог посылал своих пророков – да приветствует их Аллах – чтобы направить людей по истинному пути и с той же целью ниспослал через них священные книги. Последняя среди этих книг – Коран, ниспосланный

Богом через своего последнего Посланника – да благословит его Аллах и приветствует.

Человек должен ответить перед Богом за все хорошее и за все плохое, сделанное им в этом мире. Обо всем этом его спросят в загробном мире, и там же будет вынесен приговор. Эта жизнь дана человеку только как испытание. Поэтому человек должен делать все возможное, чтобы достойно пройти через это испытание, не имея других целей, кроме как угодить Всевышнему и подчинить все свои дела Богу.

А жизнь человека, стремящегося угодить Богу и заслужить место в раю, наполняется высшей культурой, она не знает глубокого расстройств и полна спокойствия. Если человек живет в соответствии с Божьими заповедями и ему хватает сил, чтобы трудиться на этом пути, в грядущей вечной жизни его ожидает Божья милость, беспечальное, свободное существование и блаженство. Такая надежда присуща человеку, искренне верящему в Бога и в День Страшного суда. Вместе с этой надеждой в душе правоверного мусульманина живет страх перед адом и вечными муками, которые ожидают сбившихся с истинного пути. Эти два чувства (предчувствия) – надежда и страх – заставляют человека творить добро, держаться справедливости и служить правде (даже если в этой жизни такое служение оказывается невыгодным для него).

Нравственная система в исламе отдельно не выделена и охватывает все стороны жизни человека: семью, быт, труд, государственное устройство, межнациональные отношения и т. д. Поэтому мусульмане не могут разделять утверждения, типа «государство должно быть отделено от религии» или «политика не может быть нравственной».

При этом мусульманские нормы нравственности опираются непосредственно на **Коран**, представляющий собой Слово Божье, и **Сунну Пророка** (да благословит его Аллах и приветствует), чье совместное содержание поистине безгранично.

Исламская религия, ясно представляющая желания человеческой натуры и ее физические возможности, исходя из этого, накладывает на человека нравственные нормы и обязательства.

В то же время некоторым религиозно-философским системам свойственно противопоставление человеческой души и

тела. Тело рассматривается как оболочка, стесняющая человеческую душу, а поэтому и высшей степени очищения души можно достичь, только преодолевая собственную плоть. Согласно этим верованиям, перед человеком открываются два пути: либо следовать мирским соблазнам, либо встать на путь аскетизма, ведущего якобы к полному очищению души. Идущие по первому пути действительно могут достичь успеха в мирских делах, но при этом оказываются лишенными душевной чистоты; идущие по второму пути живут в соответствии с принципом непротивления злу насилием и ради достижения наивысшей чистоты духа воздвигают стену между собой и мирской жизнью, что называется, всячески «умерщвляют плоть». Это запрещено исламом, поскольку таким путем человек не может достичь духовно-нравственного совершенства.

Ислам не противопоставляет душу и тело. Напротив, душе легче, когда человек исполняет возложенное на него Богом с пользой для тела. Ему не дано право стоять в стороне от жизни, напротив, человек должен стремиться к духовно-нравственным высотам в каждой жизненной сфере: семье, учебе, работе, общественной деятельности – в соответствии с отпущенным ему умением и способностями. Человек достигает нравственной чистоты, лишь преодолевая выпавшие на его долю испытания, в соответствии с тем, как это предписано Богом в Коране и хадисами Пророка – да благословит его Аллах и приветствует.

На пути к этим высотам немало ступеней. **Самая трудная из них – достичь иймана, то есть истинно уверовать в Бога.** Это означает, что вера в Единого Бога и в то, что Мухаммад – да благословит его Аллах и приветствует – является его Пророком, должна наполнить разум, душу и стать основой мировоззрения. После этого человек должен всю свою жизнь следовать заповедям Божьим, пользуясь дозволенным и воздерживаясь от запретного.

Духовность достигает высшей степени лишь по мере укрепления иймана, веры. **А ийман имеет шесть столпов:**

1. Вера в Аллаха. Это есть вера в то, что Он существует, что Он един, управляет Вселенной, Ему должно служить и к Нему можно взывать.

2. **Вера в Божьих ангелов** (созданным из света, для служения Ему).

3. **Вера в Божьи книги** (Товрат, Инджил, Забур, Коран – самое ценное из всех посланий).

4. **Вера в Божьих посланников** (последний из них – Мухаммад – да благословит его Аллах и приветствует – печать пророков).

5. **Вера в Судный день** (День Подсчета, подведения итогов. В этот день каждому воздастся по заслугам, каждый по своим делам получит заслуженную награду или наказание).

6. **Вера в то, что все – и плохое, и хорошее – происходит по Божьему произволению.** Прославляя Бога нужно принимать все, предопределенное им: все – и зло, и добро, и угодное тебе, и не угодное – предписано Аллахом.

Вместе с тем, Божий раб обязан различать добро и зло, знать дозволенное и запретное, чтобы пользоваться первым и избегать второго. Нельзя ссылкой на волю Божью оправдывать невыполнение тех или иных обязанностей, вытекающих из веры.

Аллах посылал своих пророков к людям, снабдив их Писанием, чтобы указать им прямой путь, ведущий к счастью, и несправедный путь, ведущий к печали. Аллах дал человечеству разум и силу мысли. С Божьей помощью у человека есть возможность отделить правду от лжи, справедливое – от несправедливого.

Аллах великий сказал: «Мы показали ему путь; благодарен ли он за это?» («Аль-Инсан», 3)¹.

Вторая ступень на пути к очищению души – **покорность.** **Человек превыше всех своих дел должен ставить покорность Аллаху.** Подобная покорность Богу и называется ислам.

Божий Посланник – да благословит его Аллах и приветствует – сказал: **ислам стоит на пяти столпах:**

1. **Свидетельство веры:** «Я свидетельствую, что нет другого Бога, кроме Аллаха, и что Мухаммад является пророком Аллаха».

2. **Совершение намаза.** Перед совершением намаза должны быть совершены все необходимые приготовления, во время его совершения человек должен быть спокоен духом, а его мысли обращены к Богу.

3. Исполнение закята. Мусульманин обязан один раз в год выделять долю для нуждающихся со всего своего достояния. Ее размер: 2,5 процента от 85 граммов золота или другого имущества той же стоимости.

4. Соблюдение поста в месяц рамадан. От восхода солнца до его заката необходимо воздерживаться от еды и питья.

5. Совершение паломничества в Мекку, если для этого имеется возможность.

Третья ступень на пути, ведущем к очищению души, – **страх перед Богом. Это есть искренняя вера в то, что Бог обязательно спросит с каждого,** как выполнялись им Божьи заповеди, за каждый поступок и каждое слово. На протяжении всей жизни человек должен различать дозволенное от недозволенного, опасаясь Божьего гнева более, нежели земных властей.

Высшая степень очищения души – **ихІсан.** Это означает выполнение человеком всех дел в твердой уверенности, что Бог видит каждый его шаг. Его смысл состоит в том, что **каждое человеческое желание должно следовать воле Божьей.** Человек должен любить то, что любит Аллах, и не любить то, что не любит Аллах. Человек не должен довольствоваться тем, что он не совершает грехов. Из всех сил он должен стремиться искоренять на земле все греховное и запрещенное Богом, преумножая и распространяя добро и дозволенное Богом. ИхІсан – это высшая степень стремления человека к Богу.

Один из хадисов следующим образом раскрывает значение понятий ислам, ийман и ихІсан.

Умар – да будет доволен им Аллах – рассказывал: «Однажды мы собрались у пророка. В это время туда вошел человек с черными волосами, одетый в белые одежды. Он не походил на путника и не был знаком никому из нас. Присев перед Пророком и положив свои руки на его колени, он спросил: «Мухаммад! Расскажешь ли ты мне об исламе?» Пророк ответил: «Ты принадлежишь к религии ислама, если засвидетельствуешь, что нет другого Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – Его Посланник. Помимо этого ты должен совершать намаз, давать милостыню, соблюдать пост в месяц рамадан, совершить хадж в Мекку, если найдешь туда дорогу».

«Истинно так», – сказал вошедший. Мы все удивились его вопросам и тому, что Пророк с удовольствием отвечал на них.

Затем этот человек спросил: «Расскажи мне об иймане». Пророк ответил: «Ты должен верить в Аллаха, его ангелов, его книгу, его пророков, Судный день, а также что Добро и Зло – от Бога». «И это правда», – сказал вошедший.

Затем он попросил: «Расскажи мне об ихсане». Пророк сказал: «Ты должен служить Аллаху так, словно видишь Его. Хотя ты не видишь Его, Он видит тебя».

«Тогда расскажи мне о последнем часе», – вновь попросил вошедший. Пророк ответил: «Об этом отвечающий знает не больше спрашивающего».

Этот человек ушел, а Пророк долгое время сидел задумавшись. Затем он спросил: «Умар, ты понял, кто был человек, задававший мне вопросы?»

Я ответил: «Это знает только Аллах и его Посланник».

Пророк сказал: «Архангел Джабраил приходил к вам, научить вас своей религии».

Как и отдельный человек, так и целые народы, могут становиться на путь, ведущий к очищению духа. Не только у отдельного человека, но и у любого народа есть возможность стремиться к высшей степени ихсана, укрепляя веру в Бога, покорность Ему и страх перед Ним. Нравственная система ислама охватывает не только одного человека, но и все стороны жизни.

Главные «инструменты» просветительско-воспитательной работы по очищению людских душ и укреплению нравственности – обязанности человека перед Богом и сунна Пророка – да благословит его Аллах и приветствует.

Среди обязанностей мусульманина (после принятия символа веры) на первом месте стоит совершение намаза. Совершающий намаз каждый раз предстает перед Богом и каждый раз он вспоминает, что Аллах един, а за уклонение от обязанностей перед Ним человека ожидает страдание в будущей жизни. Поэтому человек стремится облегчить свою будущую участь молитвами, способствующими очищению мыслей и души.

Великий Аллах сказал: **“Воистину, достигнут успеха верующие, если очистят свои мысли во время намаза”** («Аль-Муьминун», 1).

Когда пророк Мухаммад – да благословит его Аллах и приветствует – предстал перед ним, Бог возложил на каждого верующего человека совершение пяти намазов в сутки.

Архангел Джабраил научил Посланника – да благословит его Аллах и приветствует – как нужно совершать намаз. Намаз – это прямое общение между Аллахом и его рабом. Совершением намаза человек подтверждает, что он ценит милосердие Аллаха к нему, верит в то, что все приходящее – от Него, с готовностью принимает свое положение и благодарит Бога за это.

Аллах Великий сказал: **«Совершайте намаз. Воистину, намаз оберегает от всяческого зла и греха»** («Аль-Анкабут», 45).

Божий Посланник – да благословит его Аллах и приветствует – сказал: «В день Суда прежде всего спрошено будет о намазе. Если его совершали, как положено, то все остальное служение Богу будет признано исполненным. Если его совершали не так, как положено, то и все остальное служение Богу не будет признано хорошим (хорошо исполненным)».

Третья по значимости обязанность мусульманина, ведущая к очищению души и укреплению нравственности, – соблюдение поста в месяц Рамадан. Пост, как и намаз, очищает человеческие мысли. Ежедневно в месяц Рамадан мусульманин воздерживается от пищи и питья, остерегается произнести плохое слово, совершить плохой поступок, бережет взгляд и слух от греховного и таким образом пост укрепляет в нем страх Божий, верность Богу, терпение, милосердие к бедным, любовь к порядку...

Божий Посланник – да благословит его Аллах и приветствует – сказал: «Тот, кто сознательно и от всего сердца постился в месяц Рамадан, очистится от грехов».

И он также сказал: «Пост – это спасение от адского пламени».

Четвертый «инструмент» воспитания истинного мусульманина – закят. Это обязанность, возложенная Богом на мусульманина наряду с намазом и постом.

Аллах Великий сказал: **«Совершайте намаз и отдавайте закят»** («Аль-БакIара», 110).

При помощи закята мусульманин очищает свою душу от грехов и жадности... Одновременно он помогает бедным, очищает

от греха свою жизнь и свое достояние, оберегает себя от зла. Неслучайно в арабском языке слово «закят» имеет несколько значений: «рост», «развитие», «преумножение», «цветение», «очищение».

Состоятельный человек, помогающий своему брату-мусульманину, не только выполняет обязанность, возложенную на него Богом. Он также совершает одно из самых богоугодных дел, одновременно очищая свою душу и свое достояние.

Укрепить в вере и достичь высшей степени духовного совершенства человеку помогает совершение хаджа, что является пятой обязанностью мусульманина. Паломничество, сопряженное с посещением Каабы, построенной пророком Ибрагимом (Авраамом) (да приветствует его Аллах), а также мест, связанных с пророком Мухаммадом (включая место его захоронения) (да благословит его Аллах и приветствует), встречи с другими мусульманскими паломниками, прибывшими из самых разных концов мира и тем не менее одинаково служащих Богу – производит необычайно благоприятное впечатление на сознание верующего человека. Там он может воочию убедиться, насколько велика община пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует), завязать знакомства со своими братьями-мусульманами других национальностей и совместно с ними совершать коллективное служение Богу...

Божий Посланник – да благословит его Аллах и приветствует – сказал: **«Тот, кто по совершении хаджа живет, не наговаривая на ближних и не совершая новых грехов, будет чист от грехов, как только что родившийся младенец».**

Жившие в Чечне авлия очень много сделали по распространению и укреплению ислама. Они наставляли людей правильно и исчерпывающе выполнять все Божьи заповеди и предписания сунны Пророка – да благословит его Аллах и приветствует, прививали любовь к исламу и учили постигать всю его глубину. То, что авлия действительно жили среди людей, подтверждается следующими словами из Корана: «...Воистину нет страха над близкими к Богу людьми (авлия), и они не будут в смятении. Они из числа истинно уверовавших и богобоязненных» («Юнус», 62).

Деятельность авлия по распространению ислама и укреплению веры в сердцах людей полностью соответствовала Божьим словам: «Пусть образуется среди вас группа, провозглашающая добро, призывающая к добру и запрещающая совершать зло. Эти люди из числа получивших благословение». («Ала-Имран», 204).

Между тем авлия требовали от своих мюридов восхвалять имя Божье и помимо тех обязанностей, что возложены на каждого мусульманина. Так возникал вирд². Это путь, следуя которому мусульманин усиленным служением приближался к постижению Бога и становился ближе к Нему. Например, шейх Кунта-хаджи на своих мюридов возлагал две дополнительные обязанности. Первая состояла в следующем: после совершения положенного намаза мюрид должен трижды прочитать символ веры, пятнадцать раз провозгласить «Астаг¹фируллах¹» («Прошу прощения у Аллаха»), сто раз «Лаилаха иль Аллах» («Нет Бога, кроме Аллаха»), пять раз «Салават» во славу пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует). Вторая заключалась в том, что мюрид прославлял имя Божье сто раз.

Юсуп-хаджи Кошкельдинский на своих мюридов дополнительно возлагал также две обязанности. Во-первых, после каждого намаза пятнадцать раз прочитать «Астаг¹фируллах¹» («Прошу прощения у Аллаха»), трижды прочитать суру из Корана «Очищение», один раз «Фатиха» (первая сура Корана), сто раз «Лаилаха иль Аллах» («Нет Бога, кроме Аллаха»), пять раз «Салават» во славу пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует). И сверх того – после каждого утреннего намаза совершение зикра, состоявшего в тысячекратном произнесении имени Аллаха.

Подобное упоминание имени Божьего соответствует Его словам: «О, уверовавшие! Поминайте Бога, поминая, как можно чаще» («Аль-Джамаат», 9).

Как мы видим, обязанности, возлагаемые устазами, были направлены на то, чтобы увеличивать служение Богу, чтобы человек помнил о Нем все периоды своей жизни, Его именем отгонял приближающегося сатану и очищал свое сознание от скверны.

Жившие в Чечне авлия распространяли два тариката – накшбандийский и кадырийский.

Основателем **Накшбандийского тариката** («путь») считается Хаваж-Баудди Накшбанди (родился в 1314г., умер в 1389г.). Однако, хотя этот тарикат и назван его именем, исламские ученые его появление связывают с Абубакаром Сиддиком – да благословит его Аллах – одним из ближайших сподвижников (асхабов) Пророка Мухаммада – да благословит его Аллах и приветствует.

Именно от него идет непрерывная цепь авлия, распространявших Накшбандийский тарикат, как об этом сообщают в своих работах некоторые исламские теологи (например, так пишет дагестанский устаз Джамал-эддин в своей книге «Адибуль-Марзия»).

Первым известным распространителем Накшбандийского тариката в Чечне, искоренявшим еще бытовавшие среди чеченцев языческие обычаи и исправлявшим народные нравы, был Ушурма из Алдов. Правда, у него не было возможности ни оставить после себя своих представителей, которые продолжили бы его дело, ни передать кому бы то ни было имевшуюся у него долю святости тариката, ни возложить на своих последователей определенные вирдовые обязательства.

Возрождение Накшбандийского тариката на Северном Кавказе в начале XIX века и его дальнейшее распространение связано с деятельностью двух дагестанских исламских ученых – Мухаммеда аль-Яраги и Джамал-эдина аль-Казикумухи.

С благословления Мухаммеда аль-Яраги **распространением Накшбандийского тариката в Чечне занимался Ташухаджи Саясановский**. Свой собственный вирд и преданных ему мюридов имел также Г'еза-хаджи Зандакский, который возрастом несколько уступал Ташухаджи. Он также был одним из муталимов Мухаммеда аль-Яраги, которому поручил распространение Накшбандийского тариката.

От великого устаза Мухаммеда аль-Яраги «цепь» дошла и до Абу-шейха из Ташки-Чу, а уже из числа его последователей и с его дозволения собственные вирды создали впоследствии Усман-хаджи из Надтеречного и Элах-мулла из Чанти-Юрта. Они, в свою очередь, дальнейшее распространение мусульманской

религии и нравственности среди чеченцев и ингушей возложили на Докку-шейха, Дени-шейха, Солса-хаджи и других устазов. Узум-хаджи, до которого дошла «цепь», идущая от Мухаммада аль-Яраги, также создал в Чечне собственный вирд.

Авлия Жамалуйла, имам Мекки, в свое время дал разрешение Байбетару-хаджи из Кошкельды стать устазом, образовать собственный вирд и распространять Накшбандийский тарикат. С Байбетыром-хаджи связано еще одно событие, имевшее самые благоприятные последствия: он обратился к Жамалуйле, одному из потомков Пророка Мухаммада – да благословит его Аллах и приветствует – с просьбой прислать в Чечню на постоянное жительство трех своих сыновей. По его просьбе, в начале XX века в Чечню приехали Сайд-Салах, Сайд-Альви, Сайд-Ахмад. Это привело к тому, что в нашей стране ислам укрепился и вера преумножилась. Потомки Пророка – да благословит его Аллах и приветствует – совершали в Чечне великие и богоугодные дела, улаживая конфликты, примиряя кровников, удаляя взаимную неприязнь, укрепляя исламский образ жизни и уважение мусульман друг к другу. Потомки тех трех братьев до сих пор живут среди нас. Как и их предки, они и сегодня ведут благородную деятельность по укреплению веры и примирению враждующих.

Дальнейшее укрепление созданного им вирда Байбетар-хаджи поручил своему сыну Юсупу-хаджи. Он занимался этим до самого установления советской власти, после чего эмигрировал в Турцию, где и умер.

Кадырийский тарикат отличается от Накшбандийского тариката тем, что прославление Бога и служение Богу происходит в нем громко, во всеуслышание, а также быстрым (круговым) зикром. Название этого тариката происходит от имени великого исламского теолога Абдул-Кадыра ал-Гилани, жившего в Багдаде (родился в 1077г., умер в 1166г.). Однако, по словам исламских теологов, появление Кадырийского тариката связано с еще одним сподвижником Пророка Мухаммада – да благословит его Аллах и приветствует – вторым праведным халифом Умаром – да благословит его Аллах; по мнению других теологов, основателем этого тариката был четвертый праведный халиф Али – да благословит его Аллах.

Первым распространителем Кадырийского тариката в Чечне, да и на всем Северном Кавказе, был Куинта-хаджи из Иласхан-Юрта, сын Киши. Он занимался укреплением веры среди чеченцев и распространением ислама среди ингушей с конца сороковых годов XIX века (когда Кавказская война уже близилась к завершению) и до своего ареста российскими властями (3 января 1864г.). Впоследствии распространением созданного им вирда занимались Баматгири-хаджи, Мани-шейх, Батал-хаджи, Чиммирза, а в 50-х годах XX века среди чеченцев, высланных в Казахстан, возник самостоятельный вирд Висхаджи.

В первую очередь следует указать, что жизнь чеченских устазов уже сама по себе служила примером для других людей. Они жили, не прельщаясь мирскими соблазнами и каждый свой шаг сопоставляя с Божьими заповедями... Именно поэтому у них появлялись последователи-мюриды, дававшие им клятву верности и избиравшие устазов своими стражами нравственности.

Чтобы укрепить свою связь с Богом и уменьшить силу телесных желаний, устазы совершали обряд, называемый чеченцами **халбат** (на арабском языке он называется «халват»), состоявший в том, что посвящаемый опускался в подвал или глубокую землянку, где непрерывно совершал богослужение, читал Коран и другие религиозные книги при свете тусклой лампы, обходясь минимальным количеством еды и воды, необходимым лишь для поддержания жизни. Таким способом некоторые авлия подавляли желания тела и изгоняли из мыслей сатану. Однако и после этого их испытание не завершалось. Оно всегда было с ними: они не стремились к излишнему достатку и излишним материальным благам, никогда не говорили лишнего слова, не бросали нескромного взгляда, берегли свой слух и зрение от скверны – испытание души продолжалось у них непрерывно.

Уделяя главное внимание духовной пище, они зачастую слишком мало внимания обращали на пищу для тела. Так, по преданию, Дока-шейх из Девкар-аула вследствие постоянного недоедания настолько ослаб, что не мог самостоятельно держать голову и поэтому носил на шее специальный корсаж.

Один из устазов, прежде чем затянуть на талии пояс, подкладывал под одежду к животу маленькую подушку.

Похоже, это были люди, начисто лишенные гордыни и заносчивости. Так, Доке-шейху некий человек прислал письмо, в котором оскорбительно называл его «зайцем и курицей». Дока-шейх на это письмо ответил следующим образом: «Заяц и курица дают человеку мясо, а, кроме того, курица приносит еще и яйца. Они оба приносят пользу людям. От меня же нет им никакой пользы, а потому не возвеличивай меня, сравнивая с этими двумя полезнейшими животными». Получив такой ответ, этот человек раскаялся и со слезами сам пришел к шейху за прощением.

Устазы очень строго различали дозволенное от недозволенного. Так, о Кунта-хаджи рассказывают, что однажды он пропалывал кукурузу на своем поле, когда его мюриды пришли помочь ему в работе. Кунта-хаджи отметил прополотый ими участок и весь урожай с него раздал в виде милостыни. Сам он питался только тем, что добывал собственным трудом. В одном из назмов так говорится о том, насколько строго Кунта-хаджи запрещал пользоваться недозволенным:

Быку, пасущемуся в чужой кукурузе,
Перерезая горло до того, как пища попадет в нутро,
Избегать недозволенного
Учил нас Кунта-хаджи...

Устазы никогда не стремились к искусственной популярности, не пытались казаться лучше, чем они есть, и не позволяли этого своим мюридам. Так, некий мюрид из Цацан-Юрта как-то сказал своему устазу, что хотел бы повязать голову чалмой. Кунта-хаджи посоветовал ему: «Вначале повяжи чалмой свое сердце, избавься от грехов и недостатков и лишь после этого можешь повязать голову чалмой. Если ты хочешь надеть чалму не ради Бога, а чтобы возвеличить себя в глазах людей, то это обернется против тебя самого».

Устазы учили своих последователей – мюридов не только обрядам богослужения, но и жить честным трудом. Так, Солса-хаджи из Урус-Мартана выделялся тем, что постоянно заставлял своих мюридов трудиться. По этому поводу в работах некоторых «исследователей» советского времени содержатся утверждения, что Солса-хаджи «эксплуатировал своих мюридов,

преумножая свое богатство». Однако это не соответствует действительности. На самом деле коллективный труд мюридов (а они работали не только на земле устаза или каждого мюрида, но и бедняков) являлся одной из форм воспитательной работы, способствовавшей развитию нравственных начал личности.

Устазы – наставники нашего народа, без сомнения, были людьми богато одаренными талантами и способностями. Они умели постигать сказанное в тайне, могли оказать помощь больным, читать мысли других...

Житель Урус-Мартана Бала Бахаев, состоящий в вирде Солса-хаджи, весной 1998 года со слов своего отца рассказал нам следующее: «В один жаркий день мы, мюриды Солса-хаджи, жали хлеб. Это был месяц поста. Уставшие и разогретые солнцем, томимые жаждой мы пошли к берегу речки, чтобы в воде немного остудиться. Мы находились в воде, когда к нам верхом подъехал Солса-хаджи. «Чора! – позвал он по имени одного из нас – Вода осталась еще, осталась?» «Осталась», – ответил Чора с улыбкой. «Жажда всех мучает, Чора, надо потерпеть», – упрекнул его Солса-хаджи. После того, как он уехал, Чора признался, что каждый раз, окунаясь с головой в воду, незаметно делал несколько глотков. Об этом и узнал Солса-хаджи, хотя его не было с нами».

Такие и даже еще более удивительные вещи все мюриды рассказывают о своих устазах. Вероятно, все эти истории имеют какую-то почву под собой.

Помимо указания народу верного пути, устазы также берегли его от бедствий, что было еще одной обязанностью, добровольно возложенной ими на себя. Для достижения этой цели они готовы были претерпевать любые трудности. Так, когда в 30-х годах войска НКВД окружили село Урус-Мартан с требованием выдать Солса-хаджи и Билу-хаджи, угрожая в противном случае его полным разрушением, оба эти авлия добровольно сдались властям, чтобы избежать разрушений и жертв среди людей...

Устазы оставили после себя немало свидетельств своей подлинной святости. Например, только истинному авлия под силу привести народ к мусульманской вере – так с Божьей помощью Кунта-хаджи хватило сил распространить ислам среди ингушей;

только истинный авлия мог обладать таким терпением, каким был наделен Геза-хаджи Зандакский; если бы они не были истинными авлия, то вряд ли чеченские устазы смогли бы оставить после себя множество людей, сведущих в исламе, а также целые мусульманские общины, религиозно-философские школы. Поэтому ни один мусульманин не вправе подвергать сомнению их великий труд во славу Божью.

Поскольку авлия были людьми, обладающими глубокими познаниями, то все данные ими наставления и все их дела находятся в полном соответствии с сурами Корана и Сунной Пророка – да благословит его Аллах и приветствует. Если через много времени после того, как они покинули мир, о них рассказывают что-то, находящееся в противоречии с нормами шариата, то это, без сомнения, что-то сочиненное людьми, что является большим грехом. Об этом же свидетельствует правда истории.

В начале двадцатого столетия (приблизительно в 1913 году) из Турции в Ингушетию, а затем и в Чечню приехала Эсет, дочь Кунта-хаджи. Она посетила много селений, рассказывая людям о том, что отец поручил ей через ее сны.

В 1997 году последователь вирда Кунта-хаджи и знаток ислама Абдул-Кахир, сын Исрапила (ему тогда было около 90 лет), рассказал автору подробности встречи Эсет с мюридами своего отца в селении Нижние Варанды. По его словам, он эту историю слышал в юности от старого мюрида (последователя этого вирда), своего односельчанина Амхада, сына Мази.

«Я приехала в Чечню по той причине, что мой отец Кунта-хаджи трижды во сне приказал мне: «Поезжай в Чечню и передай моим мюридам: «Я говорю вам только то, что сказано в шариате; то же, что не соответствует шариату, – не от меня. Некоторые из моих мюридов совершают поступки, недозволенные шариатом, оправдываясь некоторыми моими словами... Если они не остановятся, я отниму у них свой вирд и я не их устаз... Но у меня нет права забирать у них четки, за которые они заплатили», – так говорила Эсет.

Взявший после нее слово кадий села Абдул-Керим-хаджи сказал: «Варандинцы, слышите ли вы, что говорит дочь вашего устаза? (сам Абдул-Керим-хаджи входил в вирд Солса-хаджи)

из Урус-Мартана)... Вы много раз огорчали меня, отказываясь исполнять установления шариата, ссылаясь при этом на своего устаза... За все, что вы сделали до настоящего времени, я искренне простил вас, остерегайтесь же впредь поступать таким образом».

По всей видимости, и в других селениях Эсет говорила людям примерно то же самое. Если мы попытаемся понять смысл ее слов, то можно прийти к следующим выводам:

- поучения Кунта-хаджи оставались в границах, очерченных шариатом; будучи истинным устазом, он завещал своим мюридам придерживаться их;

- некоторые мюриды же переступали границы дозволенного шариатом, иначе дочери устаза, Эсет, не пришлось бы делать им соответствующее напоминание;

- любое нововведение, противоречащее шариату, не может исходить от устазов; некоторые мюриды сами вводили эти новшества; неверно на этом основании рассматривать все, сделанное чеченскими устазами, как недозволенные нововведения.

Деятельность авлия была направлена на укрепление веры среди чеченского народа. Этой цели они достигали не путем насилия над людьми, а добрым словом и мудрыми поучениями, раскрывающими красоту и свет веры. Тому, что было навязано силой, «обращенный» никогда не будет следовать от чистого сердца. Двуличие, проявляющееся во внешнем следовании обрядности, при внутреннем отрицании сути – один из величайших грехов.

Зная это, устазы находили самые разные формы (вирды) добровольного привлечения чеченцев к служению Богу. Вместе с тем, они укрепляли общины верующих и побуждали их принимать на себя религиозные обеты. Практически во всех чеченских селениях открылись мечети и школы при них. В крупнейших селениях – Урус-Мартан, Шали и других – открылись учебные учреждения, в которых обучение исламу велось с гораздо большей глубиной. Более того, каждый устаз подготовил немало исламских ученых-теологов.

Чеченские устазы выпустили немало религиозно-философских книг (жайнаш) как на арабском, так и на чеченском языках.

Особенно большое значение имели книги, написанные чеченским алфавитом на основе арабской графики. По большей части это сочинения, знакомящие с основными столпами ислама и написанные в доступной форме прекрасным чеченским языком. Очевидно, что благодаря письменным работам устازов расширялись горизонты применения чеченского языка, создавалась религиозная терминология.... Они также успешно развивали дело распространения грамотности среди народа.

Среди тех, кто занимался этой благородной деятельностью, – известный устаз Сугаип-мулла из Шали. Так, он издал арабско-чеченский словарь, в котором не только дал переводы отдельных слов, но и часто встречающихся выражений. Кроме того, он, как и другие чеченские авлия, сочинял назмы.³

Назмы, в зависимости от содержания, можно разделить на группы:

1. Знакомящие с содержанием сур Корана;

2. Повествующие о жизни Пророка – да благословит его Аллах и приветствует.

3. Призывающие не обманываться соблазнами этого мира, а через служение Богу готовить себя к жизни будущей;

4. Рассказывающие о жизни авлия и устазов.

Создание назмов и их исполнение в местах скопления людей (на похоронах, поминках, во время отправления религиозных обрядов) имеет своей целью привлечение слушателей к исламской религии, оторвать их от мирской суеты и направить мысли к Богу.

Здесь мы приведем один из назмов именно такой направленности:

В печальном мире этом ты радуешься,
Хотя не знаешь, что случится с тобой завтра.
Нашим Богом посылаемая смерть сокрыта от тебя,
Приняв обет, готовься вернуться к Богу.

Тело твое получает вести,
Черные волосы на твоей голове белеют,

Прежде, чем смерть уложит тебя,
Приняв обет, готовься вернуться к Богу.

Ты встал на этот путь, влекомый миром,
Не насытившись, не довольствуясь, не чувствуя себя
свободным,

Сколько молодых ушло при тебе,
Приняв обет, готовься вернуться к Богу.

На расстоянии вытянутой руки смерть от тебя,
На расстоянии шага могила от тебя,
Собрав мысли, разбежавшиеся по миру,
Приняв обет, готовься вернуться к Богу.

Когда придет время суда Великого Бога,
Когда светлый твой взор покроет белая туча,
Сожаление тебе не поможет,
Приняв обет, готовься вернуться к Богу.

Заставь свое сердце плакать о неисполненном
богослужении,
Останови свои руки, тянущиеся к запретному,
Прославляя Бога, заставь плакать свои глаза,
Приняв обет, готовься вернуться к Богу.

Разлученный с братьями, остался ты с печальным
сердцем,
Разлученный с молодостью, остался ты с разбитым
сердцем,
Какой успех ты ищешь в мире, не имеющем последствий?
Приняв обет, готовься вернуться к Богу.

Немного времени осталось тебе провести здесь,
Большую печаль взвалил ты на свою шею,
Прежде чем остановится язык во рту,
Приняв обет, готовься вернуться к Богу.

Совершая служение, взывай к Великому Богу,
Благодати проси у нашего Божьего пророка,

Прислушавшись к устазу, которого ты принял,
Приняв обет, готовься вернуться к Богу.

Услышав назм, подобный этому, имеющий высокие художественные достоинства и глубокое содержание, исполняемый от всего сердца красивыми голосами, очень многие испытывали глубокое волнение и сильное влечение сердца, после чего возобновляли, забытое было, служение Богу. Назмы помогали наполнять сочувствием сердца, преисполненные гнева. Именно с этой целью авлия создавали и сами исполняли их.

Упомянутые назмы показывают, что чеченские авлия полностью овладели достижениями религиозной поэзии восточных народов, строго соблюдается размер стиха, ритм, рифма... Как мы уже отметили, через произведения религиозной поэзии (назмаш) и религиозной философии (жайнаш) **чеченские устазы создавали единый для всего народа литературный язык.** Его основой послужил плоскостной диалект чеченского языка, поскольку он был одинаково понятен и доступен для горцев, жителей Ичкерии и ингушей.

Отмечено, что устазы, жившие в горных районах, в своих письмах, назмах и другой деятельности широко пользовались языком жителей равнины.

Таким образом, великие авлия, сплачивая чеченские тейпы вокруг единой религии и понятного для всех языка – формировали единую чеченскую нацию.

В период активной деятельности устазов и авлия (его протяженность составляет приблизительно сто лет: с 40-х годов XIX века до конца 40-х годов XX века) в Чечне сформировалась новая форма общественных отношений – община, основанная на мусульманском отношении к человеку, религиозных обетах. В это время стали традиционными совместные ночные богослужения, происходившие в определенные дни (для последователей Накшбандийского тариката – в ночь на пятницу, для последователей Кадырийского тариката – в ночь на понедельник и четверг) и состоявшие в совершении коллективного намаза, прославлении Пророка – да благословит его Аллах и приветствует – исполнении зикра, чтении сур из Корана... Эта традиция сохранялась чеченцами даже тогда, когда в Чечне были закрыты

все мечети, а сам народ, лишенный всех прав, депортирован с родины. Поэтому не исчезла любовь к религии и формам богослужения, введенным устазами – вирдам, и связь с сопутствующими им знаниями. Неизменными со времени устазов остаются обряды похорон и организации поминок.

В эпоху устазов в Чечне имелись не только авлия, создавшие собственные вирды (их всего около пятнадцати человек), но и в каждом селе имелись пользующиеся почетом знатоки религии, наставлявшие людей на правильный путь. Так среди чеченцев создавалась прослойка **уважаемых людей**, благодаря которым преступления не имели слишком больших последствий, а добрососедские отношения между людьми укреплялись день ото дня.

Все знатоки ислама относились друг к другу с подчеркнутым уважением. Они открыто никогда не противоречили друг другу, всякому, обратившемуся к ним по делу, рекомендовали друг друга, не соперничали в любом деле, а, наоборот, сотрудничали, говорили друг о друге только хорошее. Они во всем брали пример с известных всем устазов, подражая принятым у них нормам общения.

Например, как пишет исследователь Джанаралиев Имран, мюридами Геза-хаджи Зандакского были жители селения Гуни. Говорят, посетив это село, он сказал им: «Сейчас в вашем селе живет устаз Кунта-хаджи, принесите обет ему». Тот же Кунта-хаджи сказал Байбетару-Хаджи, который в молодые годы обратился к нему с просьбой принять от него обет: «Ты сам будешь устазом, принимающим обеты, вернись домой и жди этого времени». Как известно, Байбетар-хаджи действительно стал великим устазом, имеющим собственный вирд и мюридов.

Мутуш, сын Сулаймы – старик из Алхазурово (состоящий в вирде Кунта-хаджи), рассказывал, как Кунта-хаджи одному из своих мюридов, прибывшему из Девкар-аула, сказал следующие слова: «Иди домой, в вашем селе появится устаз, которому ты должен будешь принести обет и признать его своим устазом». «Кто это и как я его узнаю?» – спросил мюрид. «Когда вернешься, внимательно осмотри каждый двор. В одном из них ты увидишь цветущее дерево», – ответил Кунта-хаджи (очевидно, разговор происходил в преддверии весны). Вернувшись, этот мю-

рид обошел село и во дворе Доки действительно увидел цветущее дерево. Тогда, как и поручил ему Кунта-хаджи, этот человек признал Доку своим устазом.

Кунта-хаджи в своей книге (издана в 1914 году типографией Темир-Хан-Шуры под названием «Таржамат ва макалати Кунта шейх») одной из главных обязанностей своих мюридов называет «почитание любого устаза наравне со своим устазом».

Как мы видим, взаимно уважительное отношение устазов способствовало тому, что весь народ постепенно начинал относиться друг к другу по-мусульмански. Такое положение полностью соответствует тому, что сказано в одном из хадисов Пророка – да благословит его Аллах и приветствует: **«Ни один из вас не увидит рая, если вы не примите религию, как положено. И вы не примите религию, как положено, до тех пор, пока не станете относиться друг к другу с любовью».**

Чеченский народ укреплялся в вере и приближался к высоким нормам нравственности благодаря благотворной деятельности устазов, которые обращали людей к исламу, наполняли наши благородные обычаи исламским содержанием, находили соответствие между народными адатами и шариатом, а там, где совпадения не было, – убеждали отвергнуть адат и принять шариат, методом убеждения и примером собственной жизни побуждая отвергнуть дикость и жестокость.

Однако полному объединению чеченского народа и достижению им высокой духовной чистоты всячески препятствовала иноземная власть.

Несмотря на это, труд просветителей и учителей нравственности не пропал даром и навсегда остался в сознании чеченского народа. Тот, кто испытывает враждебность к ним и подвергает сомнению их деятельность, осуществленную во имя Бога – вольно или невольно наносит большой вред духовной культуре нашего народа и находится на неверном пути. **Ни одна нация не может существовать, если в ней не будет людей, пользующихся всеобщим признанием.** В них сосредоточена духовная чистота нации, ее ум и сознание. Если подвергнуть сомнению все, сделанное ими (не важно, жили ли они в прошлом или являются нашими современниками), нация утрачи-

вает свое лицо, национальное сознание и уподобляется стаду, не имеющему пастыря и которое может подпасть под влияние любой черной силы и погибнуть. Об этом никогда нельзя забывать.

Если принять все это во внимание, время жизни и деятельности устазов можно определить как «золотой век чеченской духовной культуры».

В этом столетии произошло множество несчастий, войн, депортаций (включая переселение части чеченцев в Турцию), чеченцы испытали гнет чуждой им власти. Но, несмотря на все это, наш народ в эти годы безостановочно двигался вперед по дороге, ведущей к нравственным высотам, что позволяет нам именно так назвать это столетие...

Воистину, жизнь наших устазов, их дела и учение служат великим примером служения народу и родине во имя Бога для любого человека, стремящегося к высотам духовной чистоты.

Время и трансформация народных представлений об оьздангалла (этап перед установлением советской власти)

Представления любого народа о культуре, нравственности с течением времени видоизменяются в соответствии с требованиями времени, условиями быта, религиозными требованиями и степенью искренней религиозности, уровнем жизни, характером существующей власти. Поэтому и чеченская народная культура изменялась с течением времени.

В основном, из-за отсутствия фундаментальных трудов, написанных самими чеченцами, сегодня очень трудно восстановить полную картину общества, существовавшего в Чечне до ее насильственного присоединения к Российской империи. Однако достаточно много можно понять, если исторические события сопоставлять с письменными свидетельствами представителей других народов, а также с содержанием произведений устного народного творчества самих чеченцев. Не углубляясь в исторические дали, мы начнем с XVIII столетия.

В рассматриваемое время основу чеченского образа жизни и чеченского общества составляли ценности традиционной народной культуры и этики. На этой же основе базировалось и наше своеобразное государственное устройство. Причем, чеченскую государственность уверенно можно отнести к типу **демократических**, хотя оно, конечно же, не могло в то время иметь всех тех черт, что свойственны современным демократиям.

Главной особенностью чеченской формы государственности являлось отсутствие в ней специализированных органов власти, работники которых получали бы содержание за счет разнообразных повинностей, возложенных на население. В Чечне не было чиновников, получавших содержание (плату) за выполнение обязанностей по управлению внутренними делами. Однако имелись специально выделенные люди, выполнявшие эти обязанности.

В основе своеобразной государственности, сложившейся в Чечне, лежал **институт тейпов**. Тейп брал на себя заботу о сво-

ем одиноким или увечным родиче, защищал его от посягательств со стороны и, одновременно, не позволял ему самому выходить за рамки принятых норм поведения. Деление нации на тейпы держало общественные отношения в определенных рамках, не позволяя людям поступать по собственному произволу.

Нельзя, следуя учению Маркса, рассматривать чеченский институт тейпов как признак неразвитости общества. **То, что тейпы сохранились до наших дней – вовсе не является признаком того, что наше общество отстало или, наоборот, ушло вперед в своем развитии. Это есть особенность образа жизни нашего народа. И деление на тейпы сохраняется только потому, что таково было желание общества.** Потому что чеченцы видели, как соседние народы, отказавшись от кровнородственных связей (тейпов), разделились на группы (классы) в соответствии с имущественной дифференциацией. В таком обществе не только социальный статус, но и уважение к конкретному человеку определяется его материальным достатком, независимо от уровня культуры его самого и семи его предков. Чеченцы не приняли общественное устройство, согласно которому скопивший материальное богатство становился князем, а не имеющий его – подвергался эксплуатации. Правда, в те или иные исторические периоды возникали движения, пытавшиеся навязать чеченцам подобное устройство. Как считает ученый Сайд-Магомед Хасиев, **люди, пытавшиеся стать князьями над чеченцами, были буквально истреблены в XV столетии и тогда же все чеченцы были провозглашены князьями.**

Начиная с этого времени, собирание богатства не почиталось в нашем народе. Чеченцы считали вполне достаточным располагать только тем, что необходимо человеку для поддержания жизни. Жизнь строится в расчете на минимальную достаточность материальных благ. Умение довольствоваться малым (можно даже сказать – аскетизм) отчетливо был виден во всех сторонах жизни чеченца: в пище, одежде, жилище и в лаконичности речи. Все это ограничивалось самым необходимым и не содержало в себе ничего, способного привлечь завистливое внимание. Например, жилище. Башни, некогда построенные нашими предками в горах, очень скупо украшены и рассчи-

таны на удовлетворение лишь жизненно важных потребностей. Они построены на недоступных для врагов местах, позволяют выдерживать длительную осаду, укрывать скот, хранить запас продуктов и размещать гостей.

Что касается обычной пищи чеченцев, то русский ученый А. П. Берже¹ так писал о ней в XIX веке: «Чеченец не признает излишеств в еде и поэтому способен обходиться без них. Лепешка, суп из пшена, жареное мясо, кукурузная каша – вот и вся его пища».

То, что чеченцы не стремились к материальному богатству и больше думали об удовлетворении потребностей души, возможно, объясняется одной главной причиной: вынужденные постоянно силой отстаивать свою главную ценность – свободу, они не могли сосредоточиться на накопительстве, ибо для этого элементарно не оставалось времени. Конечно, если бы чеченский народ своей главной целью имел преодоление бедности, он нашел бы пути ее реализации. Но поскольку это было не так, **наши предки считали развитие сознания более важным, чем накопление материальных богатств и строили свою жизнь, ориентируясь на высшие устремления народной культуры.**

В чеченской среде существовал обычай, препятствовавший чрезмерной концентрации богатства и не позволявший кому бы то ни было возвыситься над своими родичами или односельчанами – **изъятие материальных излишков.** У человека, чье состояние превышало определенный уровень, определенная часть имущества отчуждалась в пользу бедных, а сам он выселялся из села. Иногда случалось так, что такой человек, при поддержке семьи или своей дружины, отказывался подчиниться решению совета села или страны. В таких случаях против него поднимался целый тейп или селение, что обычно завершалось его гибелью.

Разрешением вопросов, касающихся отношений между тейпами и селениями, а также затрагивающих интересы всего народа, занимался своеобразный государственный институт – **Совет страны («Мехкан кхиэл»).** Он состоял из **выборных представителей от каждого тейпа.** По словам различных ученых (А. Сулейманова, И. Саидова), в его состав входило 99 -

100 или 108 человек. В каждом селе или городе имелся свой совет, состоящий из девяти членов.

Человек, избираемый в Совет страны, проходил тщательный отбор. Он должен был отвечать всем народным представлениям о кьонахе и иметь чистое происхождение; не только он сам, но и семь его предков не должны были иметь ни одного недостатка. Однажды избранный в состав Совета страны должен был выполнять эти обязанности до самой смерти.

Как происходили эти выборы, хорошо показывает приводимое ниже народное предание.

«Однажды старейшины вознамерились подыскать нового человека на место выбывшего члена совета. Они направились к человеку, о котором в народе шла хорошая молва. Однако дома его не оказалось, так как он ушел на пастбище за своей лошадью. Выйдя на окраину села, старейшины увидели, как он подзывал лошадь, приподняв подол своего бешмета, словно в нем что-то лежало. Конь, решив, что хозяин хочет дать ему зерна, подошел, но старик, отпустив пустой подол бешмета, схватил его за гриву. Увидев это, старейшины вернулись обратно, так и не открыв тому человеку причину своего прихода. Они посчитали недостатком то, что он обманул животное. Поэтому его и не пригласили в Совет страны».

Решение, принимаемое Советом страны, должно было получить одобрение у всех старейшин, входящих в его состав. Убеждая несогласных, подтверждая примерами свою правоту, они могли **совещаться** день, два и даже больше, если это было необходимо.

Совет страны принимал постановления о внутреннем положении и войне, о сооружении холма проклятий – карлага – или изгнании виновного, разрешал споры между тейпами или селениями, вводил новые обычаи, приглашал иноземных князей или, наоборот, изгонял их и т. п. В случае совершения непреднамеренного убийства, Совет страны назначал посредников, которые должны были добиться примирения сторон. Если не удавалось добиться примирения, то пострадавшая сторона могла преследовать виновного по праву кровной мести.

Никогда в прежние времена, несмотря ни на какие конфликты и частые случаи кровопролития, чеченцы не вступали в

междоусобицу по причине идейных разногласий или политических противоречий между отдельными группами. Поскольку подобное явление для чеченского сознания представлялось чем-то диким. В основе чеченского воспитания лежало убеждение в том, что каждый человек должен жить в соответствии со своими мыслями, со своими взглядами на жизнь; человек **сам** должен прожить свою жизнь и **сам** предстать перед Богом. Поэтому человека растили не как строительный материал для величественного сооружения, а говоря иными словами – не как члена отдельной группы, а как человека, ответственного перед Богом и перед другими людьми на этом свете.

Члены Совета страны избирали своего руководителя – **Отца страны («Мехкада»)**, а также предводителя народного ополчения – **Отца войны («Тіемада»)**. Иногда обе эти должности возлагали на одного человека. Так, по словам ученого Ибрагима Саидова, обе эти должности в свое время были возложены на Бейбулата Таймиева.

Воины народного ополчения не освобождались от других обязанностей. Причем, служить в качестве ополченцев должны были все взрослые мужчины. Зная это, каждый заблаговременно готовил все необходимое для противостояния с врагами.

Связь между Советом страны и отдельными селениями осуществляли **глашатаи («туркх»)**, выбранные от каждого села.

По мнению некоторых ученых, каждый тейп имел своего представителя в Совете страны (по нашим исследованиям, в Чечне насчитывается 84 тейпа, причем 68 из них имеют в горах свой родовой очаг (поселение, из которого они произошли). Другие исследователи полагают, что от каждого селения избирались два представителя (сельский старшина и мулла). Первая точка зрения нам кажется более убедительной, поскольку в Чечне насчитывается около четырехсот селений; даже если в то время (XVIII – XIX веках) их было не более двухсот, все равно в составе Совета страны должно было быть не менее четырехсот членов, если, конечно, от каждого села выбиралось по два представителя.

Совет страны поддерживал равновесие в чеченском обществе на основе ценностей традиционной народной культуры и этики, и, несмотря на кажущуюся слабость специализирован-

ных государственных институтов, само общество было прочным. Это было многократно доказано чеченской историей и нападениями врагов, пытавшихся отнять у наших предков землю. Достаточно вспомнить войны чеченцев с Хромым Тимуром или крымским ханом Тохтамышем.

Власть, существовавшая тогда в Чечне, не управляла, она не была «орудием подавления» в руках одной группы. Она, в первую очередь, занималась согласованием, разрешением противоречий между отдельными людьми, тейпами и селениями, соблюдая баланс их интересов.

Особый круг управленческих обязанностей лежал на приглашаемых чеченцами князьях из соседних народов – кабардинцев, кумыков. Они выступали в роли посредников между чеченцами и русскими, а также другими народами, кроме того, выполняли отдельные поручения, возложенные на них Советом страны. За это каждый материально обеспеченный житель Чечни выплачивал князьям определенную меру зерна или других натуральных податей. Им также выделялась часть земли. В случае недовольства князем, его изгоняли, а при попытке оказать сопротивление – и убивали.

А. Берже так описывает изгнание кумыкского князя: «Однажды один из чеченцев, который должен был уплатить оговоренную меру зерна, обнаружил, что указанная мера подменена другой, несколько большей по размеру. Увидев обман, разгневанный чеченец тут же в своем дворе разбил эту меру. Князь, испугавшись подвергнуться еще большим оскорблениям со стороны восставшего против него народа, бежал вместе со своими приближенными».

Как показывает этот случай, приглашенные чеченцами князья не обладали над ними властью и они не принимали на себя обязательство хранить им преданность – князя приглашали для исполнения определенных обязанностей, его брали на работу и если были не довольны тем, как он работает, изгоняли.

Однако, иногда среди князей встречались и такие, что благодаря многочисленности своей дружины или богатству, всячески стремились установить свое господство над чеченцами.

Об этом говорится в «Илли о князе Мусосте, жившем вдоль по Тереку, и Сурхо, сыне Ады».

Чеченцы часто восставали против иноземных князей, которые пытались распространить свою власть, опираясь первоначально на свои силы, а затем и на поддержку русского царя. Большинство этих восстаний завершалось изгнанием князей. Иногда, правда, случалось, что побеждали чужеземные князья. В таких случаях, не желая уступать и подпасть под их власть, чеченцы на время оставляли равнины и возвращались в горы, чтобы при первой же возможности вернуться и вновь завладеть своей землей.

Совокупность традиционной культуры и этики чеченского народа в рассматриваемое время, в первую очередь, показывают представления чеченцев о религии.

Как считают некоторые наши ученые (например, историк Муса Багаев²), чеченцы приняли ислам примерно четыреста лет назад. Это время они устанавливают по датам на надгробных памятниках, установленных по мусульманским традициям (и имеющим надписи на основе арабской письменности). Однако, необходимо отметить, что чеченские тейпы принимали исламскую религию не все сразу, а разновременно, и первое время новая религия уживалась с языческими или христианскими традициями. Если тейпы, жившие в восточной части Чечни и на дагестанской границе, познакомились с исламом достаточно давно, то среди тейпов, живущих по Аргуну, эта религия укрепилась лишь во времена Шамиля; а в областях Майста и Маьлхиста обычаи, связанные с языческой религией, похоже, дожили до времени выселения чеченцев. Это подтверждается следующим рассказом:

«...Поселения Коратах, Комалха и Цайн-пхеда находятся поблизости друг от друга. Поднимаясь от Комалхи в местность Коратах, можно было увидеть склеп (солнечную могилу) сына и матери. Этот склеп стоял и после возвращения из Сибири (после 1957 года – М. А.). Он называется могила Зайты.

До нашего выселения сельчане временами выносили труп Зайты из склепа и ставили его возле стены, выпрашивая у Бога дождь. К удивлению людей, труп хорошо сохранялся, не подвергаясь гниению. Им казалось, что это является неким знаком,

Божьим знамением. Поэтому сам склеп и его окрестности пользовались особым почитанием.

Больные приходили в склеп, там же происходило и их лечение. Возле склепа возносили молитвы, каждый о своем» (журнал «Пхьармат», 1991, № 1).

Этот рассказ показывает, как долго сохранялись среди чеченцев традиции язычества. И даже после того, как чеченцы отказались от этих обычаев, среди них сохраняются привычки и взгляды, идущие из языческих времен. Это особенно заметно в произведениях устного народного творчества. Например, существует много илли, рассказывающих о том, как герой отправляется в чужую страну с намерением пригнать стада овец или табуны лошадей и раздать их сиротам, вдовам и беднякам. Иногда рассказывается о том, как после стычки, произошедшей в пути, герой получает смертельное ранение; тогда он обращается к птице, пролетающей над ним: «Эй, летящая птица, если будешь пролетать над нашим селом, передай, что здесь, получив незаживающие раны, пал я».

И создателю этого илли, и его слушателям поведение героя кажется совершенно правильным. Но, с точки зрения исламской религиозной философии, он ни в коем случае не может быть правым, поскольку любой, посягнувший на чужое достояние, совершает один из самых тяжких грехов.

В оправдание могут сказать, что он (герой илли), похищает скот богатеев, которые угнетали простых людей, пасли этот скот на землях, отнятых у чеченцев и т. п. Однако все эти причины не могут очистить от греха, от **недозволенного**. Лишь языческая философия позволяет присваивать чужое. Один из ее главных принципов – **всеми доступными способами добиваться победы над чужаками. А справедливость необходимо соблюдать в пределах своего села или своего тейпа, самое большее – в пределах своего народа; в чужом краю и по отношению к чужим людям необязательно придерживаться справедливости, главное – добиться успеха.**

Гибель героя, да и любого мужчины в такой борьбе рассматривалась как достойное завершение его жизни. Об этом говорит следующее народное предание:

«Как-то один из жителей равнины по своим делам пришел в горы. С наступлением ночи он остановился на ночлег в доме

одного горца. Когда он отдыхал после еды, хозяин задал вопрос: «Жив ли у тебя отец?» – «Нет (да будешь ты всегда свободен) мой отец умер», – ответил гость. «А как умер твой отец?» – вновь задал вопрос хозяин. – «Он заболел и умер на своей постели», – ответил тот. – «А как умер твой дед?» – продолжил расспросы хозяин. – «И он умер после болезни на своей постели», – вновь сказал гость. Когда хозяин спросил то же самое относительно прадеда, гость дал такой же точно ответ. Тогда хозяин, желая в шутку уколоть своего гостя, сказал: «Не вздумай лечь в постель – еще умрешь, чего доброго».

Вероятно, современному человеку нелегко понять смысл расспросов хозяина и его шутки по в адрес своего гостя. Поэтому мы объясним это. Языческая философия как наивысшее достоинство рассматривала смерть мужчины на войне или в поединке с врагом. Поэтому хозяин, гордившийся своими предками даже несмотря на то, что они ушли из жизни молодыми, задавал вопросы гостю, пытаясь узнать, какое уважение и почет снискали его предки. Поэтому, узнав, что ни один из трех его предков не умер «так, как положено», он (хотя и в шутливой форме) показал свое «неуважение» к ним («Не вздумай лечь...»). Это показывает, что хозяин находится вне рамок исламской философии, он остается в плену у взглядов, оставшихся с языческих времен.

Очевидно, что около XVIII века картина культуры чеченского народа была довольно «пестрой». Это связано с тем, что не все чеченцы одинаково глубоко и полно восприняли ислам. Похоже, что мусульманская религия проникала в горы с востока и с равнины, вытесняя в одних случаях язычество, в других – христианство.

То, что принятие чеченцами ислама не было единовременным актом, дает возможность зримо /ярко/ представить картину народной культуры. Глядя на ту часть чеченцев, что не приняла мусульманскую веру, мы можем судить о том, каковы были обычаи нашего народа в древности.

Так, последними ислам приняли чеченцы, живущие в Грузии. Даже в 50-е годы прошедшего столетия у них не было полной ясности в вопросах веры: одни считали себя христианами,

другие – мусульманами, в то же время и те, и другие продолжали придерживаться языческих традиций.

Например, сегодня нам кажется диким и греховным употребление спиртных напитков. Однако распитие опьяняющих напитков и произнесение тостов не только на свадьбах, но и на похоронах буквально до последнего времени было в обычае живущих в Грузии чеченцев. В их языке даже существует отдельное слово, означающее «тост» – «ханеха». Здесь мы приводим один из тостов, которые произносились на похоронах в записи Сулеймана Гумашвили³:

«Это есть Божий суд. Его нужно принять, с этим ничего не поделать. Пребывание в скорби ничего не даст. Это вино, а правильное говоря, прощение, я хочу выпить за людей, лежащих на кладбище нашего села. Они древние предки, но сегодня они приняли прибывшего к ним, сделали его членом своей семьи. Они дали ему пристанище. Поэтому пусть долгим будет время, отпущенное их душам; да смилостивится над ними Бог; пусть Бог возродит их в раю; пусть тамадой там станет этот молодец, которого мы с почетом проводили сегодня! Аминь!» (журнал «Орга», 1993, № 1).

Приведенные нами выше примеры показывают, что народная культура изменялась в зависимости от времени и конкретных исторических условий.

Было бы неверно утверждать, что благодаря постоянной опеке Совета страны, состоящего из представителей тейпов, отношения внутри чеченского общества всегда оставались в рамках законов и этических норм. По разным причинам, время от времени эти отношения оказывались очень напряженными и наступали кризисные ситуации. Одним из таких сложных периодов была вторая половина XVIII века, время, когда со своими проповедями к чеченцам обратился Ушурма из Алдов (родился, вероятно, около 1760 г., умер в 1797 г.).

После очередного чеченского восстания были изгнаны приглашенные и самовольно явившиеся иноземные князья, пытавшиеся укрепить свое господство над народом, но наступившей свободой поспешили воспользоваться умножившиеся разбойничьи шайки и секты заблудших. Некоторые из них, вступив на путь неправды и став слугами тьмы, подвергали разбоям и во-

ровству всех без разбора – как состоятельных, так и бедных. Чтобы лишить себя возможности свернуть с этого пути, они давали друг другу ложные клятвы, например, такие: «Я клянусь, что во всей Сунже нет камушка, чтобы отогнать птицу, а в ущелье Аргуна не найти прута, чтобы погонять быка». (Как известно, дно мелководной Сунжи почти везде покрыто мелкой галькой, а Аргунское ущелье сплошь заросло густым лесом). Принеся подобную клятву, вступившие в подобные шайки становились на путь служения дьяволу, променяв культуру и этику на разбой, воровство и человеческие недостатки. Они не признавали никаких обязательств и творили любые безобразия, не воспринимая никакие доводы убеждения – остановить их можно было только угрозой смерти.

День ото дня увеличивавшиеся шайки угрожали нашему народу новой формой рабства – рабства перед злодеями, ни в чем не знавшими ни меры, ни предела. В это время и появилось устойчивое словосочетание, оставшееся в произведениях нашего устного творчества: «На помощь! Шайка идет!» Так кричали, обнаружив шайку, которая собиралась напасть на село. Эти банды проносились подобно смерчу, разрушая, калеча и убивая все, что оказывалось на их пути. Они не только посягали на имущество, но и похищали людей, чтобы затем продать их как рабов подобным себе или же состоятельным лицам в чужих странах.

Главная причина распространения этого бедствия среди чеченцев состояла в том, что во время господства чужеземных князей ослабили власть Совета страны и основы народной культуры и этики, а также их влияние на народ. **Против этого зла восстал Ушурма из Алдов, который обновил в народе во всей чистоте Божью религию – ислам.**

Он был одним из первых авлия, живших в Чечне. Перед тем как выступать перед людьми, он много трудился, изучая Божье слово – Коран и хадисы Божьего Посланника (да благословит его Аллах и приветствует). По всей видимости, он прошел и через обряд посвящения, называемый халбат.

Ушурма говорил, что обязанность распространять среди людей чистую веру возложил на него сам Пророк (да благословит его Аллах и приветствует), явившийся ему во сне. Речь, с кото-

рой он впервые выступил перед собранием своих односельчан, имела примерно следующее содержание:

«Во имя Бога милостивого, милосердного!

С именем Великого Бога я начинаю.

Люди, чтобы видеть, нам дано зрение, чтобы слышать, нам дан слух, чтобы говорить – язык, дотянуться – руки, ступить – ноги, нам дана эта черная земля, чтобы, засевая хлеб, добывали мы себе пропитание, нам дано поднебесье, откуда нисходит Божья благодать в виде дождя и снега; нам дан день, солнце, которое светит днем и все возрождает к жизни своим теплом; нам дана ночь, а чтобы мрак не душил нас – зажжены звезды и луна, что сияет чистым светом благородных людских душ. Все это дано нам Аллахом, у нас есть ниспосланный Богом Коран, дающий нам возможность познать обычаи, возлюбленные Богом.

И вот, мы живем, забыв все это, променяв справедливость на несправедливость, а дозволенное – на недозволенное, угнетая слабого и бедного, не различая чистого и нечистого, не боясь справедливого Божьего суда, который ожидает нас в Судный день. Что ты скажешь, составивший свое состояние из скотины, украденной у бедняков, когда потомство Адама будет призвано к суду и будут выставлены Весы, чтобы измерить грехи каждого? Что хорошего сможешь ты положить на чашу этих Весов?

Ты, избравший для себя недостойный путь, искавший удовольствия для своего тела, вернувший к жизни сатану, забывший чистую Божью религию и ее обязанности – как собираешься ты загасить пламя, от которого закипают мозги? Где ты возьмешь воду, чтобы залить жажду в тот день, когда солнце будет приближено?

Эй, бросивший своих престарелых родителей и не уважавший старость – знаешь ли ты, что в Судный день тот, кто не ублажил своих родителей, не может попасть в рай, что там, в загробном мире, превыше всего ценится высокая культура и этика?

Эй, ни разу не подавший милостыни, ни разу не познавший величия ночи, вслед за которой наступает пятница – как ты собираешься пройти по мосту Сират, который острее лезвия меча? С чьей помощью? Не будет помощи ни тебе и никому дру-

гому, если каждый из вас, сегодня же приняв обет, не встанет на праведный путь.

Сегодня здесь, на этой площади мы все должны запретить для себя злодейства, несправедливость, греховные поступки. Клятвой необходимо отказаться от воровства, недостойных поступков, похищения людей. Также, простив друг друга, мы должны отказаться от кровной мести, существующей между нами, а все споры необходимо завершать примирением...

Если мы не сделаем это, на нас сойдут неслыханные бедствия. Зачем говорить о нас, когда за несправедливости, преступления и недостойные вещи, совершаемые нами сегодня, завтра бедствия обрушатся на последующие за нами поколения...».

В своей речи Ушурма обращает внимание собравшихся на то, что преступления, совершаемые в его время, в будущем приведут к тяжелым последствиям. Это утверждение полностью согласуется со взглядами чеченской народной философии, согласно которой любое добро или зло, совершенное человеком, коснется семи поколений его потомков.

Письма, которые Ушурма рассылал к соседним народам, содержали проповеди, с которыми он выступал перед своими односельчанами и соотечественниками. Ни в одном из них Ушурма не называет себя военным предводителем и не призывает к войне, но зовет людей очиститься и строить свою жизнь в соответствии с исламской религией. Надо сказать, что Ушурма был прекрасным оратором, умевшим не только найти слово, способное достичь людских сердец, но и произнести его так, чтобы оно возымело действие. Более того, очень похоже, что Бог дал ему силы предвидеть будущее. Так, народные предания утверждают, что он знал о приближающемся землетрясении. Говорят также, что Ушурма предсказал появление водоема, который сейчас существует возле Алдов.

Таковы предания. Правду же знает только Бог.

Как бы то ни было, благодаря проповедям Ушурмы, жители Чечни на какое-то время очистились от преступлений, воровства и пьянства и, посещая Ушурму, давали обеты послушания ему. Ушурма вновь восстановил ряд обычаев, уже забытых чеченцами: установление карлагов для преступников, публич-

ное проклятие в их адрес и изгнание. Люди, обнаружив потерянную вещь, объявляли об этом, а если хозяин не объявлялся – оставляли ее на виду у дороги и никто не присваивал ее. настолько оздоровилось сознание людей после проповедей Ушурмы.

И среди окружающих народов распространилось уважение к новому авлия. Чтобы только увидеть и послушать его, в Чечню прибыло множество людей, живших на пространстве между двумя морями. Встревоженные этим царские власти 5 июля 1785 года направили в Алды войска под командованием полковника Пъери. Почти все они были уничтожены чеченцами. Рассказывают, что в тот день вся поверхность Сунжи была покрыта солдатскими фуражками.

После этого сражения авторитет Ушурмы еще больше возрос, а вера в него людей заметно укрепилась. Среди народа распространялись слухи о том, что его шашка удлинялась при взмахе, один его удар валил сразу десятерых, а там, где его шашка коснулась земли, появлялся овраг. Они призывали Ушурму продолжить войну.

Так, под воздействием, с одной стороны – нападения царских войск и воодушевления, охватившего сердца людей после победы под Алдами – с другой стороны, Ушурме пришлось оставить свой главный путь – приведение людей к исламской религии и очищение нравов – и встать на путь войны. Однако его достижения на войне оказались существенно меньше благодатных итогов деятельности по развитию народного сознания. Именно эта оценка никогда не должна пропасть из истории чеченского народа. **Проводимая шейхом Мансуром** (так называли Ушурму после победы над полковником Пъери: Мансур в пер. с арабск. - победитель) **среди чеченцев воспитательная работа показала, что наш народ обладает достаточной силой, чтобы не только выслушать и воспринять слова, знакомящие с мусульманской религией и призывающие к нравственности, но и измениться в лучшую сторону.**

После того, как завершилась эпоха Мансура, чеченская народная культура претерпела заметные изменения во времена имамата Шамиля. Это было связано с укреплением Шамилем своей военно-политической власти. Устремления этой власти

не были похожи на тип управления, издавна существовавший в Чечне – руководство Совета страны. Если чеченская государственность основывалась на причастности всего народа к власти, то **система власти, созданная Шамилем, предусматривала верховенство воли одного человека (имама) и необходимости для всех остальных подчиняться ему.**

Чеченцы, не признававшие подчинения кому бы то ни было, любившие веселье, песни и танцы, превыше всего ценившие свободу духа и свободомыслие – с большим трудом принимали власть Шамиля и новые обычаи, вводимые этой властью. Например, чеченцы придают чрезвычайно большое значение обычаю гостеприимства. На человека, побывавшего в гостях, ложились некоторые обязательства, которые необходимо было соблюдать. В частности, гость не имел права свататься к девушке из того дома, где он пользовался гостеприимством. Однако, согласно шариату, в этом нет ничего предосудительного. Поэтому Шамиль, оказавшись в чеченском доме – в семье Шаабана, легко нарушил требование чеченских адатов.

Он непринужденно сообщает хозяину о своем желании породниться и предлагает ему выдать свою дочь за него. В своей повести «Похождения Шамиля» Абузар Айдамиров так описывает состояние хозяина после этого сватовства.

«В голове Шаабана загудело. Необычно большое терпение дало ему силы не схватиться сразу же за кинжал. «Наверное, он говорит это, полагая, что у нас дозволено такое же свободное обращение с женщинами, как и у них».

– Разве можно говорить такое отцу девушки? – спросил Шаабан, испытывая его.

– Почему нет?

– По нашим обычаям, это ставится в вину.

– Шаабан, шариат учит нас обычаям, дозволенным для всех мусульман. Шариат не делит людей на чеченцев, аварцев, кумыков. [...]

– Шамиль, ты имам и шейх, – сказал он гордо. – Но я благородный чеченец. У себя ты можешь следовать своим обычаям. Это не мое дело. Но в моем доме тебе придется уважать чеченские обычаи. Если я во второй раз услышу столь вольное слово... Кем бы ты ни был, я не позволю тебе это.

В глазах Шамиля мелькнул огонь гнева».

Этот текст, как в капле воды, отражает главное направление деятельности Шамиля по отношению к внутренней культуре чеченского народа: стремление заменить чеченские адаты шариатом. Этой цели он добивался силой, войной и огнем. Он ввел обычай, по которому достигшего пятнадцатилетия молодого человека обязательно должны были женить, а также позволял мужчине жениться много раз. Эти два обычая оправдывались ссылкой на шариат, но, в первую очередь, их введение было связано со стремлением воспроизводить все новых воинов в стране, население которой уничтожалось войной.

Непохоже, чтобы в давние времена у чеченцев существовало многоженство. Его появление относится к эпохе Шамиля. Как рассказывает Абузар Айдамиров, во времена Шамиля вдовам дозволялось самим определять женатых мужчин, за которых они хотели бы выйти замуж. Если мужчина отказывался взять вторую жену, его держали в яме до тех пор, пока он не менял своего решения.

Чеченцы, всегда с трудом воспринимавшие все, что навязывалось им силой, как могли, сопротивлялись подобным нововведениям. Иногда это сопротивление принимало сатирическую форму. Об этом рассказывает одно народное предание.

«На равнине, неподалеку от селения Майртуп, по обоим берегам речки Мичик собрались для сражения войска русского царя и Шамиля.

Шамиль стоял в окружении своих наибов, военачальников и мюридов, разглядывая врага в длинную подзорную трубу. Имам увидел, как из рядов русской армии выделился всадник-офицер, сидевший на белом коне, одетый в белую черкеску и с белоснежной папашой на голове. Подобно стреле, пущенной луком, он верхом преодолел Мичик и начал джигитовать на лугу. Поднимая коня на дыбы и поигрывая пистолетом, этот офицер громко кричал, вызывая кого-либо на бой с собой.

Воинам Шамиля этот русский кавалерист был хорошо известен — он уже успел убить на поединках одного-двух противников. В офицера выстрелили несколько раз, но ни одна из пуль не попала в него. Тогда, не желая зря тратить порох, воины перестали стрелять.

Оторвав от глаз подозрную трубу, Шамиль по-аварски обратился к окружающим его военачальникам:

– Эх! Какую награду я дал бы тому, кто без вреда для себя убил бы этого офицера!

Неподалеку на коне сидел достигший совершеннолетия воин-чеченец, одетый в старый овчинный тулуп, стянутый в талии, с кинжалом длиной с лодочное весло и большой, словно копна, мохнатой папахой на голове.

– Что говорит имам? – спросил он.

Ему перевели.

– Тогда скажите имаму – если он даст мне ту награду, которую я хочу, то я сейчас же положу перед ним правую руку этого офицера.

Шамилю передали эти слова. Имам взглянул на чеченца, который стоял, вперив в него острый, как шило, взгляд синих глаз. Внимательно рассмотрев этого оборванца, Шамиль спросил:

– Ты действительно сможешь убить его?

– Ты сам это увидишь.

– Хорошо, – сказал Шамиль. – По внешнему виду ты не тот воин, гибель которого придется долго переживать. Но если ты убьешь его, мы станем друзьями. Какой награды ты ждешь от меня?

– Слово имама равнозначно слову пророка, – сказал чеченец. – Если, убив офицера, принесу в качестве трофея часть его тела, дай мне право курить перед тобой.

Вокруг поднялся шум. Имам поразился.

Пойманных за курением имам жестоко наказывал: им через нос продевали трубку, после чего сажали на осла задом наперед и возили через все село. Тому же, кто выращивал табак, отрубали голову. Тем не менее имам сказал:

– Я даю тебе такое право.

Чеченец, бросив взгляд на джигитующего офицера, достал спрятанную под шапкой трубку, набил ее табаком, быстро раскурил при помощи зажженного трута и, выпустив перед Шамилем большое облако дыма, снял висевшее за спиной кремневое ружье.

Открыл затвор, проверил, есть ли там порох, и, выпрямившись в седле, с длинной трубкой во рту, чеченец погнал коня

прямо на офицера. Тот рысью направил своего коня навстречу, держа в поднятой руке пистолет. Между ними оставалось расстояние пистолетного выстрела. В этот момент чеченец резко остановил своего коня. Остановился и офицер. Чеченец прицелился и одновременно выпустил очередное облако дыма из своей трубки.

«Теперь-то я тебя убью», – подумал, видимо, офицер, решив, что его ружье дало осечку, и пустил скакуна вперед.

Чеченец схватился за пороховницу, словно торопился подсыпать пороху в свое ружье, усиленно изображая растерянность. Подпустив офицера вплотную, он выстрелом в грудь свалил его с лошади.

Увидев, что их всадник падает с лошади, казаки, стоявшие на том берегу Мичика, с криками помчались вперед, желая не упустить чеченца.

Тот, спрыгнув с коня, ударом кинжала отрубил руку еще живому офицеру, засунул себе за пояс его пистолет, положил обнаженную шашку офицера ему на грудь и, вскочив на его белоснежного скакуна, направился к имаму, ведя за узду своего коня. Казаки не успели за ним. Остановив коня перед имамом, чеченец сказал:

– Вот так, имам! Этот офицер больше уже не будет раздражать тебя!

С этими словами он бросил перед имамом руку офицера, взятую в качестве трофея, а затем, обернувшись, сказал своему наибу:

– Наиб! Отдай моего коня одному из пеших воинов!

– Разве у этого неверного не было шашки? Почему ты не взял ее? – крикнул кто-то из воинов.

– Я вынул ее из ножен и оставил на его груди. Мусульманин ли, христианин ли, но храбрец всегда остается храбрецом. Храброму всегда нужно оказывать уважение, кем бы он ни был!

Сказав это, он не спеша достал трубку, мгновенно раскурил ее и, пуская из нее дым, встал рядом с имамом.

Немного знавший чеченский язык, Шамиль понял, что сказал чеченец. Он заговорил:

– Я благословил твое курение трубки. С сегодняшнего дня каждого, кто проявит самую большую храбрость, ждет награда:

«Право курить». Но кроме этого мужа, я никому другому не позволяю курить в моем присутствии.

С тех самых пор право курить считалось большой наградой» (Х. Ошаев. Дороги времени, 1975).

Такова была ситуация с курением во время Шамиля. А в том, чтобы заставить чеченцев забыть гармонь, барабан, песни, танцы, шутки – достижения Шамиля были еще меньше. Потому что все это всегда было неразрывной частью чеченского характера и сознания. Для чеченцев это не просто веселое времяпрепровождение. Это верное средство восстановить душевное равновесие в трудных ситуациях. Вспомним танец Айбики, дочери Дади, во время штурма Дади-Юрта, которым она укрепляла дух своих односельчан, сражавшихся с врагом.

Известно, что игрой на народных инструментах врачевали некоторые болезни, например, фурункулы.

Кроме того, у чеченцев существовало правило исполнять узам,⁴ оказавшись в безвыходном положении в кольце врагов. Его содержание: прощание с земной жизнью, воспоминание о тех, кто дорог сердцу и о сердечных связях, а также обращение к Богу с просьбой о прощении. Это хорошо изобразил Л. Н. Толстой в своей повести «Хаджи-Мурат».

Когда наш народ был обессилен и обескровлен Кавказской войной, поставившей его на грань полного уничтожения, со своими проповедями выступил Кунта-Хаджи, сын Киши.

Его учение призывало людей вернуться к служению Богу, избегать крайностей, бороться с надвигающимся злом или врагом не силой оружия, а укреплением исламской религии, повышением уровня своего сознания, очищением сердца. Помимо выполнения обязательных требований ислама и сунны Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!), Кунта-Хаджи возложил на своих мюридов обязанность прославления Бога – путем исполнения зикра. Он, в первую очередь, стремился установить среди людей мир и согласие, а главным средством достижения своей цели считал чистое слово и просветительскую работу.

Шамилю, который не видел другого пути, кроме войны против врагов, не могло понравиться содержание проповеди Кунта-Хаджи. Он попытался воспрепятствовать ее распространению.

нию. То ли потому, что Кунта-Хаджи был истинным авлия, то ли по какой другой причине, но Шамиль не слишком сильно помешал ему. А учение Хаджи распространялось по Чечне, смягчая ожесточенные войной сердца, словно благодатный дождь, ниспосланный на выжженную солнцем землю. День ото дня росло людское море его последователей. Своими чистыми проповедями он сделал то, чего не мог добиться силой имам Шамиль: ингуши полностью обратились в ислам.

Люди, даже если они являются врагами, не должны воевать между собой, но всегда должны стремиться к примирению – таково было одно из главных требований учения Кунта-Хаджи, которое не нравилось имаму Шамилю. Однако миролюбие Кунта-Хаджи не было безграничным. «Если вам запрещают служить Аллаху, если ваших жен хотят обесчестить – тогда сражайтесь все, до полной гибели».

Так же, как и между людьми, Кунта-Хаджи искал возможность согласовать друг с другом шариат и чеченские адаты. Но и в этом случае он не был готов переступить через определенные границы. Адаатов можно придерживаться лишь в той мере, в какой они не противоречат шариату. В тех же случаях, когда первое противоречило второму, устаз требовал отказаться от адата.

Призывы Кунта-Хаджи к миру, согласию, служению Богу, смирению перед Божьим судом показались чрезвычайно опасными царским приспешникам. После того, как Хаджи был арестован, они обошлись с ним хуже, чем с воинами, которые открыто воевали против них.

Однако начатую им в Чечне деятельность по очищению сознания людей успешно продолжили его мюриды и другие устазы.

В описываемое нами время своеобразную воспитательную работу среди населения вели илланчи (песенники и шутники)... Мало заботясь о собственном благополучии (в большинстве своем, они не имели собственной семьи), они жили, видя главный смысл своей деятельности в том, чтобы поднять дух бедняков, рассеять печаль тех, кого постигло горе, излечивать страдающие сердца, прославлять благородное и осуждать недостойное. Поэтому в народной памяти навсегда остались они

сами и их мудрые шутки. Выходцы из разных селений Чечни, все состояние которых состояло из одного музыкального инструмента, они ходили из села в село, показывая на свадьбах и вечеринках острый ум и умение веселиться от всего сердца. Среди них были: Чора из селения Дай, Мази из Котар-Юрта, Заносчивый Закри из Курчалоя и другие.

После завершения Кавказской войны из среды чеченского народа выделяется круг людей, получивших русское образование, занимавших должности в органах власти и получавших в награду за службу земельные участки. В их образе жизни, одежде, взаимоотношениях появляются особенности, выделяющие их из среды остального народа. Например, новые родственные связи путем сватовства устанавливались лишь с теми, кто был равен им по своему состоянию. Дома строили не только большими, но и придавали им необычную для чеченцев форму. Если до этих пор чеченцы стремились не отличаться друг от друга состоянием или одеждой, то в нравах представителей вновь образовавшегося слоя появилось стремление выделиться во всем и демонстративное выставление напоказ своего богатства. Желание отделиться от народа не только в этой жизни, но даже и после смерти явственно проявляется в том, что на могилах своих покойников они ставили большие и дорогие надгробные памятники.

Так, надгробный памятник Орцы Чермоева одно время стоял во дворе нашего краеведческого музея. Высотой более двух метров, он состоял из трех составляемых вместе частей, был сделан из черного гранита и имел форму дерева с обрубленными ветвями.

Культ денег и почитание богатства отодвинули на второй план культурно-этические ценности, традиционно занимавшие главенствующее место в народном сознании. По этой причине происходят вещи, до тех пор немыслимые среди чеченцев: например, чеченцы начали охотно отдавать своих девушек в жены представителям власти или богачам из других народов. Как мы видим, деньги и богатство заставили забыть и мусульманскую веру, и чеченские адаты.

Народные предания изображают чеченских богачей как людей, преимущественно, жадных и скупых. Похоже также, что

они любили прихвастнуть своим богатством. Так, одно из народных преданий рассказывает:

«Один чеченский богач, сидя у окна своего многоэтажного дома в Грозном, ел жареную курицу, обмакивая ее в мед. Проходившего мимо бедного старика он спросил: «Как ты находишь мои дела?» – «Дела твои неплохи, но конец твой будет хуже моего, – ответил старик. – Приподняв подол своего бешмета, ты будешь просить милостыню, и, если кто-то даст тебе горсть кукурузной муки, ты будешь выпрашивать у него вторую горсть». Вскоре после этого наступила советская власть, и богач, лишившийся всего состояния, как ему и предсказали, ходил по селам, выпрашивая у людей милостыню».

Трудно сказать, насколько этот рассказ соответствует действительности. Однако в нем совершенно очевидно просматривается, что народное сознание не опускалось на колени перед материальным богатством, не принимало заносчивости, порождаемой им, и сохраняло веру в то, что эти привычки неминуемо приведут к плохим последствиям.

Хотя первые чеченские богачи перенимали привычки высших классов русского общества – дворянства и купечества – их внутрисемейные отношения строились на основе чеченских обычаев, а кроме того, они поддерживали хорошие отношения с чеченскими духовными лицами, прежде всего, с устазами и их потомками. Например, по свидетельству столетнего Мутуша, сына Сулаймы из селения Алхазурово, когда русские власти арестовали и посадили в грозненскую тюрьму Эсет, дочь Кунта-Хаджи, вернувшуюся из Турции, ей на помощь пришел Дунга-Хаджи, богач из Алдов, заплативший за ее освобождение «полную меру золота».

Чеченские богачи посылали своих детей (чаще всего мальчиков) учиться в русские школы и высшие учебные заведения. Многие из них стали чеченскими учеными, писателями, композиторами, художниками. В свет начали выходить статьи, книги, написанные чеченцами по-русски и описывающие народные обычаи, жизнь и общественные проблемы.

Самым первым из них был историко-этнографический очерк «Чеченское племя» (Тифлис, 1878), написанный Умалатом Лаудаевым⁵. После этого, в период до установления советской вла-

сти, самые разные научные, публицистические и художественные произведения выпустили братья Мутушевы, Т. Эльдарханов, И. Саракаев, А. Шерипов⁶ и другие. На основе русской графики и при поддержке русского ученого П. К. Услара⁷ новый чеченский алфавит создает Кеди Досов.

Из мальчика, попавшего в плен при взятии Дади-Юрта, вырос известный художник (академик Петр Захаров). Еще раньше такая же судьба выпала другому мальчику, который стал прекрасным воином и героем войны 1812 года между Россией и Францией (генерал Александр Чеченский).

Муслим Магомаев,⁸ получивший профессиональное музыкальное образование, не найдя применения своим способностям в Чечне, уехал в Азербайджан, где стал основоположником азербайджанской классической музыки...

Необходимо указать, что до Октябрьского переворота проникновение русской культуры коснулось по большей части не широких слоев народа, а лишь вновь образовавшейся верхней прослойки. Но, по сравнению с основной массой народа, эта прослойка была весьма немногочисленна.

1 А. П. Берже (1828 – 1866гг.) – историк, кавказовед.

2 М. Багаев (род. 1941г.) – чеченский ученый, доктор исторических наук.

3 С. Гумашвили – чеченский поэт.

4 Узам – особый вид песенного жанра чеченского фольклора, название которого можно приблизительно перевести как «стон», «стенание».

5 У. Лаудаев (1827 – 1890) – чеченский историк-этнограф.

6 А. Шерипов (1897 – 1919) – публицист, политический деятель, руководитель Чеченской Красной Армии.

7 П. К. Услар (1816 – 1875) – известный языковед, автор трудов «Чеченский язык» и «Чеченская грамматика»

8 М. Магомаев (1885 – 1937) – чеченский композитор.

Время и трансформация народных представлений об оьздангалла (этап после установления советской власти)

Для народа начался самый тяжелый этап истории, связанный с сохранением своей культурной самобытности. Под запретом оказалась вера в Единого Бога – основа народной культуры и всего образа жизни. Почитаемое до этого времени подвергалось охаиванию, несправедливость превращалась в норму, люди с рабскими душами становились хозяевами жизни («кто был никем, становился всем»), всякий, кто был способен объединить вокруг себя хотя бы трех человек, подвергался уничтожению – не могла остаться неизменной и культура народа, находившегося под гнетом власти.

Можно выделить несколько этапов уничтожения властью духовной культуры чеченского народа. Первый этап – период установления советской власти, когда она еще недостаточно укрепилась; второй этап – с двадцатых годов до выселения; третий этап – период депортации и последующее время.

Когда в России произошел Октябрьский переворот и огонь Гражданской войны начал собирать обильную жатву – среди наиболее видных людей Чечни также произошел раскол и они не могли прийти ни к единому мнению, ни к единому решению. Иначе и быть не могло. Государственность, лежавшая в основе чеченской народной культуры, и ее главный институт – Мехкхан кхиэл – были уничтожены еще в шамилевскую эпоху. А народ, не имеющий во главе одобряемую им самим власть и избранных представителей, обречен на внутренние разногласия. И, как правило, эти разногласия приводят к плачевным последствиям. Правда, иногда период испытаний удается пройти с минимальными потерями.

Так произошло, когда после завершения Кавказской войны горские народы переселялись в Турцию. Некоторые черкесские народы (шапсуги, убыхи и другие), послушные воле своих князей, выселились почти поголовно, что привело к большим жер-

твам, а некоторые из них и вовсе исчезли. В то же время большинство чеченцев, над которыми никто не властвовал и которые самостоятельно несли ответственность за свои семьи, не последовали за теми, кто призывал переселиться в чуждую им страну. Поэтому лишь небольшая часть нашей нации покинула родину.

Это историческая правда. Но, в большинстве случаев, именно отсутствие единого политического и духовного центра приводило к тому, что чеченцам приходилось преодолевать тяжелые периоды. Так, именно период установления советской власти характеризовался в Чечне наличием самых разнообразных мнений и устремлений.

Единства не было и среди чеченских устазов и духовных лиц. Если Сугаип-Мулла Шалинский и Ибрагим-Хаджи Гойтинский призывали признать советскую власть, то Юсуп-Хаджи Кошкельдинский и другие авлия противодействовали ей. Одни поверили обещаниям большевиков вернуть утраченную свободу и отнятые ранее земли. Для других очевидным было их двуличие и безнравственность.

Как бы то ни было, очередной поворот прошедшегося по нашему народу колеса истории оставил свой кровавый след. **В какие бы времена ни происходили великие общественные потрясения, наш народ никогда не мог, да и не желал оставаться в стороне от них, хотя до сегодняшнего дня это не приносило никакой пользы — одни только бедствия.** Так, когда чеченцы воевали против армии Деникина, в один день гибли целые селения. В этих сражениях чеченцы демонстрировали высшие проявления традиционной культуры и этики: мужество, храбрость, готовность прийти друг другу на помощь. После завершения этой войны советская власть действительно выполнила некоторые из своих обещаний: чеченцам вернули часть земель, наряду с новыми судебными учреждениями продолжали действовать суды, руководствовавшиеся нормами шариата и традиционного адата, одновременно со светскими школами существовали религиозные школы при мечетях... Однако со временем эта власть, как только она достаточно окрепла, с необычайной жестокостью и вероломством расправилась с устазами, авлия и просто благородными людьми. Именно тогда окончательно прекратилась благотворная деятельность устазов по

различие; либо белое, либо черное... Иначе как объяснить безнаказанность, с которой в Чечне власть имущие, словно бешеные собаки, уничтожали всех и вся вокруг себя, пока более высокая власть не уничтожила их самих?

Абузар Айдамиров¹ так говорит в своем публицистическом произведении «Наши нравы».

Рассказывают, что в Ножай-Юртовском районе был некий начальник НКВД. Вызвав к себе кого-нибудь из местных жителей, он избивал его, требуя сдать оружие, независимо от того, было оно у избиваемого или нет. После такой «разъяснительной работы» задержанного отпускали с условием, что он сдаст винтовку. Далее в дело вступал сторож, охранявший здание НКВД, который «из жалости» к пострадавшему бедолаге соглашался продать ему требуемую винтовку за определенную плату. Тому ничего не оставалось, как собрать требуемую сумму, даже если для этого приходилось продавать последнюю корову, купить у сторожа винтовку и отдать ее начальнику ради собственного спасения. Упомянутый начальник очень долго с выгодой для себя продавал одну и ту же винтовку, пока его не убил простой бедняк, ценивший свою честь дороже жизни...

Нечто подобное произошло и в одном из селений Аргунского ущелья.

Один из начальников местного НКВД, прославившийся на всю Чечню жестокими убийствами, прямо на дороге застрелил некоего бедолагу. У убитого был сын, являвшийся рядовым работником НКВД. Повстречав его сразу после убийства, начальник бросил: «Я только что застрелил собаку, что называлась твоим отцом. Убери ее с дороги». Тот молча исполнил приказ своего начальника...

Мы видим, что люди, вышедшие за пределы традиционной народной этики, с готовностью совершали самые грязные, самые недостойные, самые преступные деяния. Против таких людей общественное мнение, основанное на нормах традиционной морали, оказывалось слишком слабым препятствием. У нашего народа не оказалось действенного механизма борьбы против тех, кто совершал преступления не против отдельной личности, а против множества людей одновременно.

Столкнувшись с подобным злом, каждый думал лишь о том, чтобы тяжелую обязанность противодействия ему взял на себя кто-нибудь другой.

Необходимо отметить, что в тяжелые исторические периоды среди чеченцев всегда находились и те, кто готовы были выйти за рамки традиционной морали и этики, чтобы рабски преданно служить злу. Поэтому, когда советская власть укреплялась, уничтожая стражей народной нравственности, она не испытывала недостатка в тех, кто с готовностью выступал против народных обычаев. Так, из чеченцев же было составлено местное «Общество безбожников». Нашлось немало людей, демонстративно поминавших партию в тех случаях, когда в соответствии с народными традициями полагалось помянуть имя Божье. Например, в одном селе была кучка сочувствовавших большевикам, которые, споткнувшись или чихнув, громко говорили «ВКП(б)». Это должно было означать, что они полностью «освободились» от народных традиций, нравственных запретов.

Таким было положение – с одной стороны. С другой же стороны, открывались новые школы, пункты ликвидации безграмотности, где людей учили читать и писать. В жизнь чеченцев входили новые обычаи, так же как чеченский язык пополнялся новыми словами. В качестве примера мы приведем отрывок из рассказа «Денисолта».

«В селении Варш происходили странные вещи. В речь сельчан входило много новых слов. Тот, кто много лет назад покинул село и прожил все эти годы в лесу, не смог бы понять, что говорят его односельчане.

В первую очередь он был бы поражен, а затем у него неизбежно зародилась бы мысль: «Я ли сошел с ума или же все они? Хотя как могут сойти с ума сразу столько людей? Значит, я?» После этого с отчаянным криком «А-а-а!» – он убежал бы в лес, из которого вышел...

– Я возвращаюсь с репетиции кружка...

– А я иду в избу-читальню. Интересно, избач на месте?

– Твой-то в ТОЗ записался?

– Да. Записался после того, как вчера к нам приходил с угрозами депутат сельисполкома.

– У нас вчера ночевал финагент.

– Тот самый, что брюки галифе носит. Позавчера к нам приходил налоговый агент, предупредил, что операцию необходимо закончить. На ногах он носит калоши...

– Смотри-ка, а ты не слышала, что Баха, сын Баадулы, стал селькором? Вчера мой читал фельетон «Изобличите изменника!», написанный им в газету, о Шамшаке, сыне Ирзу. Говорят, его брат в комсомоле состоит...

– Ну и что из того? У людей дети в НКВД состоят.

Подобные разговоры были слышны во всех концах села. А все сельчане разделились на три части: кулаки, середняки, бедняки...» («Ночь в пустом доме». – Грозный, 1983).

Приведенный отрывок показывает, как в то время менялись взгляды людей и само их сознание. Во-первых, власть ввела в обиход много новых явлений (школы, ликбезы и т. д.), а вместе с ними пришли новые слова; много людей впервые начали работать на государство и гордились этим. Во-вторых, занимавшие государственные должности активно выявляли «врагов» в своих рядах и окружающие воспринимали это как должное («Искорением изменника!»). В-третьих, чеченское население не только разделили на три части, но оно приняло это деление («кулаки, середняки, бедняки»).

Все это вместе наглядно демонстрирует огромный вред, причиненный советской властью народному сознанию уже через десять лет после своего существования.

После того, как власть истребила физически или загнала в лагеря стражей народной нравственности – устазов и авлия, обязанность оберегать народ перешла к представителям мирской науки – интеллигенции. Однако эта «обязанность» недолго лежала на них: власть жестоко расправилась и с учеными, писателями, работниками культуры.

Так чеченский народ уподобился стаду, оставшемуся без присмотра заботливого пастыря, понимающего, что творится вокруг и заботящегося о его сохранности. Пребывавший в таком состоянии народ в один из суровых зимних дней погрузили в вагоны и вывезли с родины.

Существует оригинальный назма², сочиненный человеком, не имевшим представления об истинных причинах нашего выселения. В чужом краю чеченцы, переписывая от руки, передавали друг другу этот назма, состоящий из 174 четверостиший. В его конце была сделана приписка, предупреждавшая, что тот, кто оставит текст у себя, не дав ознакомиться с ним другому, совершит тяжкий грех. Видимо, чтение этого назма давало че-

ченцам ответы на многие мучавшие их вопросы. Мы познакомимся с содержанием некоторых строф:

Ты есть царь над царями,
У тебя девяносто девять имен,
Твое первое имя Аллах,
Ты Бог, мы же Твои рабы.

Когда наши деды в Отчизне
Теплой кровью добывали газават,
Укрепляя исламскую религию,
Вся страна славилась Тебя.

Ты дал им благополучие,
Открыв двери Своего благоденствия...
В сытости дети подросли
И в гордыне забыли Тебя,

Это золотое солнце проклиная,
Зло и преступления преумножая,
Доносами друг друга изживая,
Связью с врагами свою кровь оскверняя.

Лживый свидетель свидетельствовал
И мы забыли правду...
Свой гнев Ты на нас обрушил,
И нас лишили родины.

Автор не ищет «во вне» причину постигшего народ бедствия, он знает, что она находится «внутри», он видит ее внутри нас самих. Он видит ее в том, что были преданы забвению Божьи заповеди и преумножилось число переступивших границы народной нравственности и этики.

Здесь необходимо указать: сочинитель назма не имеет в виду политические причины. Они на поверхности и видны невооруженным взглядом: выселение чеченцев и других народов с Кавказа было вызвано стремлением окончательно избавиться от тех, кто был неугоден сталинскому режиму.

Но народный сочинитель не довольствуется этой причиной и идет гораздо дальше – в глубины традиционной и рели-

гиозной философии. Именно там он находит подлинные причины постигшей народ беды. И они полностью соответствуют словам из Корана: «Если пришло к тебе хорошее, оно от Аллаха; если пришло к тебе плохое – оно от тебя самого» («Женщины», 79); «Воистину, Аллах ни в чем не бывает несправедлив к людям, но люди сами несправедливы к себе» («Юнус», 44).

Выселенный так, что в печах остались недожаренные курузные лепешки, во дворах стоял брошенный домашний скот и раздавался тоскливый собачий вой, а через распахнутые настежь двери холодный ветер и метель врываются в дома, где жили благородные семьи, **чеченский народ пережил этот Судный день, не исчез и не рассеялся. В этот день нация сплотилась вокруг авлия, как это всегда происходило в годину тяжелых испытаний. Назмами, песнями, шутками, танцами они облегчали тяжесть обрушившегося горя.**

Когда выгнанных из собственных домов людей вели под конвоем, одна из женщин воскликнула: «Какое страшное дело творится, какой страшный день наступил!», на что идущая рядом другая женщина возразила: «Это не самый страшный день. Самый страшный день был, когда мой муж привел в дом вторую жену»...

«Постигшее всех – все равно, что веселье», – гласит чеченская поговорка. Это следует понимать так, что даже самую страшную беду можно пережить вместе с людьми. Как бы то ни было, этот ужасный день «примирил» между собой всех чеченцев, поставив их на одну ступень: начальников – с рядовыми жителями, верующих – с неверующими, умного – с недалеким, доносчика – с его жертвой.

Чтобы не сгинуть в чужом краю, люди вместе, плечом к плечу, боролись с голодом и холодом, поддерживая друг друга религиозным пением или простой песней и музыкой. Общая беда многим очистила сознание и чеченцы вновь стали друг другу братьями и сестрами. Сочинитель назма так описывает тогдашнее состояние чеченцев:

Несчастный народ чеченцев и ингушей,
Почти что погиб...

Раскаявшись, мы взываем к Тебе,
Ты помилуй нас, Великий Боже.

Если Ты вернешь нам Родину,
Позволишь увидеть Отчизну хотя бы половиной глаза,
Мы даем слово, Великий Боже,
Не забывая о Тебе, жить для Тебя.

От зависти и кривды очищая сердца,
Возлюбив своих товарищей, как самих себя,
Все время поминая Тебя,
Мы даем слово жить для Тебя.

Из-за преумножившихся грехов наших
Мы не можем просить Тебя,
Не взирая на нас, от Самого Себя
Яви милосердие, Великий Боже.

В том запретном, что мы творили,
Раскаявшись, больше того не творить —
Мы с Тобой заключаем завет,
Благослови его, Великий Боже.

До тех пор, пока не вернешь нам Отчизну,
Будем носить черное, ходить тихо,
Радости и веселья
Мы будем избегать, Великий Боже.

Воистину, в ситуации, когда не остается другой помощи и поддержки, как идущей от Бога, умнейшие люди из народа не только докапываются до причин постигшего их бедствия, но и ищут путь к спасению. Путь этот всегда один — служение Богу, прославление его и следование тому, что Он предписал. Дальше автор назма указывает, что именно так и поступили чеченцы:

Золото очищается сильным огнем,
Чтобы испытать своих рабов,

Ты являешь Свою власть.
Твое желание в наших сердцах,
Оно говорит нам, чего нужно избегать.
Честным трудом добывая пропитание,
Уплачивая с него чистый закят,
Излишества в одежде и еде
Во имя Тебя мы будем избегать.

Боли и гибели мы не испугаемся,
Ничто не случится без Твоей воли,
Бегством, слезами и обманом
Невозможно избегнуть предначертанного Тобой.
Смерти нельзя избежать,
И перед Тобой нам всем придется предстать.

Если бы солнце светило всегда,
Сгорело бы все на земле.
Насылая бури, посылая дожди,
Переменами жизнь даешь Ты.
Несмотря на то, что любит больше своей души,
Наказывая своего сына, отец учит его,
Чужого же /сына/ он и пальцем не тронет...
Научи нас, сделай нас Своими рабами.

В этом назме присутствует вера в то, что Бог откликнется на мольбу, обращенную к Нему, и отведет от чеченцев постигшие их беды. Эта вера была необычайно сильна в чеченцах, хотя окружающая действительность не давала никаких оснований для этого.

Старики рассказывают, что когда чеченцев вывезли из их селений, они верили, что из города их повезут обратно; когда их везли в вагонах и на очередной станции паровоз перецепляли сзади, появлялась надежда, что вагоны повернули обратно; уже на месте ссылки люди отказывались сеять выданное им зерно, так как верили, что вернутся домой еще до того, как посеянное зерно поспеет (по этой причине голод среди выселенных свирепствовал еще сильнее); каждый раз, когда на близлежащей станции раздавался гудок паровоза, люди устремлялись туда, полагая, что наконец-то пришел состав, который увезет их об-

ратно; при встрече вместо обычного приветствия друг друга спрашивали: «Не слышно ли, что нас домой отправляют?» — настолько сильной была вера в возвращение на родину.

Эта удивительная вера является еще одной характерной особенностью нашего народа: не принимая во внимание очевидное, вопреки всему верить в то, во что верить хочется. При этом чеченцы очень мало делали для того, чтобы их ожидания сбылись. Хотя, по правде говоря, очень часто у них просто не было для этого никакого очевидного повода. В то суровое время, когда бесследно исчезали даже те, кто писали в партийные органы письма, доказывая, что власть несправедливо относится к чеченскому народу, что чеченцы верны советской власти и в свое время немало повоевали за нее — единственное, что мог сделать простой человек: у себя дома молиться Богу и служить Ему. И именно поэтому невероятная уверенность чеченцев в том, что они вопреки всему вернутся на родину, при ближайшем рассмотрении оказывается не такой уж и «слепой». Единственный свет, поддерживавший их в холодном мраке чуждых краев, не дававший безнадежно упасть на землю, помогавший и дальше идти по дороге жизни — вера в Бога.

Народу, изгнанному с родной земли, лишенному корней, оказавшемуся в совершенно чужом краю, народу, брошенному в холодной степи, насквозь продуваемой снежными бурями, не дали, подобно пеплу, развеяться по миру вера и благородные обычаи, унаследованные от предков. Отправление религиозных обрядов в те годы происходило исключительно дома, правда, благодаря этому люди часто собирались для чтения мовлида³ или совместного богослужения. Эта особенность богослужения у чеченцев объясняется тем, что все они стояли на пути тариката, каждый имел своего устаза, каждый мог в случае необходимости посоветоваться с потомками своего устаза, его доверенными представителями или авлия.

К этому следует добавить чеченские народные песни и разнообразные произведения, созданные нашими писателями, которые не позволяли остыть горячей любви чеченцев к родной земле, не давали в народном сознании возобладать разочарованию. Так, ученый Зайнди Джамалханов рассказывал, как по вечерам люди собирались и по памяти читали повесть Саида Бадиева «Бешто» и это возвышало их мысли. В те времена боль-

шое значение имела деятельность чеченских певцов, исполнителей, писателей: Сулейманова Бауди, Димаева Умара, Сулейманова Ахмада⁴...

Именно тогда со своим стихотворением «Заповеди Родины» выступил поэт Магомет Мамакаев:

Хороших сыновей, что выросли, обладая честью,
В жилищах, знавших гостеприимство и традиции, –
Всей жизнью, каждым словом и шагом
Умножать честь почитаемой родины призывает она.

Когда нет никакой возможности, и черная тяжесть гнетет,
Когда слепящий голод заставляет уступить собственной
слабости,
Выступившего против беды и несправедливости
Она призывает не терять терпения и мужества.

В это тяжелое время у чеченцев появилось немало новых певцов и музыкантов. Однако песни и музыка были под запретом.

Под крышей находящееся гнездо курицы разорил ты,
Ведущую к нему детскую дорожку разорил ты,
Сталин, нашу жизнь разорил ты,
Бог да положит тебя в ящик.⁵

Чеченская девушка, исполнившая эту безыскусную песню, провела в Сибири пятнадцать лет. Такой же срок получил некий мужчина, не сдержавший слез, когда пел Бауди Сулейманов.

Очевидно, что выселение причинило большой вред чеченской традиционной культуре и этике. Большинство народа жило, свято оберегая их положения, выбирая первое в тех случаях, когда необходимо было выбрать между честью и жизнью, готовые уступить ближнему еду, которой не хватало самим, заботясь о стариках, оставшихся без попечения. Но немало было и случаев, когда отец оставлял семью, а взрослые дети выгоняли своих родителей.

Выселение стало этапом, когда у каждого выявилось его истинное «я», его подлинная культура и этика. В те годы погибло немало благородных духом людей, во что бы то ни стало стремившихся пройти через все испытания с высоко поднятой головой. Вместе с ними исчезли и некоторые обычаи, свойственные чеченцам. У них не было возможности передать их своим детям и внукам, поскольку все их силы ушли на то, чтобы уберечь их от голода. У тех же, в свою очередь, не было возможности перенять отцовские традиции все по той же причине – все силы уходило на борьбу за выживание. **Так ослаблялась культурная связь между различными поколениями чеченской нации.**

Целое поколение, выросшее в постоянной нужде и голоде, на всю жизнь сохранило постоянное чувство голода, а потому его усилия оказались направлены, прежде всего, на достижение материального благополучия. Так появилось поколение, для которого вопросы этики и морали имели второстепенное, а то и третьестепенное значение.

Чеченцы, которым горы служили естественным укрытием, в котором они в неприкосновенности сохраняли свой язык и древние традиции, на чужбине оказались бессильными против вторжения в их жизнь новых обычаев и привычек. Со всей откровенностью можно утверждать, если бы не исключительно тяжелые условия существования, последствия чуждого культурного влияния были бы гораздо менее трагическими. Сознание человека, оказавшегося на грани жизни и смерти, всегда невольно обращается к материальным проблемам, отвернувшись от высокой духовности.

Условия существования в сочетании с давлением, оказываемым властью и образом жизни других народов, в корне изменили сознание и жизненные позиции многих чеченцев. Не понимая до конца всю глубину многих традиций, некоторые легко расставались с ними. Если до этих пор в народной философии ведущее место принадлежало сознанию духовному («синкхетам» - «мудрость души»), то теперь это положение, без лишнего шума, постепенно было пересмотрено. Это было самой большой бедой, случившейся с народом. С этим связаны изменения, произошедшие во время выселения с чеченской традиционной культурой:

– Распространение получило мнение, что в соблюдении Божьих заповедей допустимо сделать себе многочисленные послабления; увеличилось число тех, кто не совершал обязательные для мусульманина намазы, не соблюдал пост («главное, что в душе я остаюсь мусульманином»); похоже именно тогда возникло заблуждение, что пост рамадана допустимо сократить до трех дней.

– Многие чеченские традиции перестали соблюдаться или их выполнение приобрело чисто формальный характер.

– Расширились личностные связи чеченцев с окружающими народами, что отразилось в заметном увеличении межнациональных браков;

– Широкое распространение получило употребление спиртных напитков; если до выселения в каждом селе можно было насчитать не более двух-трех выпивающих или курящих мужчин (причем, страдающие этими пороками тщательно скрывали их от окружающих), то теперь среди выросших во время выселения молодых людей лишь немногие не пробовали спиртное; более того, спиртное стало восприниматься как обязательный атрибут веселья.

– Кардинально изменилась одежда, образ жизни и устройство жилья;

– Значительно ослабла привязанность к родной земле (прежде всего, это относится к тем, кто родился и вырос на чужбине); часть чеченцев вообще не захотели возвращаться на родину, многие разъехались по бескрайней России в поисках «красивой жизни».

– Какая-то часть чеченцев, оказавшихся среди множества народов и культур, а также почувствовавших вкус разнообразных соблазнов, пришла к мнению, что традиционная культура и этика их собственного народа не представляет особой ценности, особенно по сравнению с культурами великих народов. Это убеждение всячески пестовалось властью, которая внушала ее каждому чеченцу на протяжении всей его жизни, от детства до самой смерти.

– Ослабла духовно-культурная связь между поколениями.

После тринадцати лет тоски по родине чеченцы наконец получили возможность вернуться домой.

Рассветы, мы оставили вас,
Закаты, мы оставили вас,
Мы оставили синюю Сибирь,
Укрепившись в решимости не возвращаться.
Имея лишь тот хлеб насущный, что взвешивался на весах,
Где была тысяча, возвращается только сотня,
Без могил, о которых могли бы рассказать,
В этой синей Сибири,
Расставшись с родителями,
Тоскуя по родине,
Тоскуя по своей общине,
С плачущими муллами,
С сестрой, плачущей в разлуке с братом,
Нам предписано было искать хлеб насущный
В этой синей Сибири.

О Боже, осиротевшие
Семьи возвращаются.
О Боже, оставшиеся без братьев,
Печальные сестры возвращаются.
Улыбнись, мать-родина,
С улыбкой, с лаской выйди навстречу
Своей возвращающейся умме⁶.

Однако родина совсем не радостно встретила своих детей. Их встретили обветшавшие, заросшие селения, разрушенные надмогильные камни, одичавшие родники. Старшее поколение, успевшее познать сладость общения с авлия и духовными лицами, искало прежней жизни, оно пыталось восстановить прежние отношения в обществе. Но это было уже невозможно. Былая жизнь ушла навсегда, как сгорела, и от нее осталась только зола.

Жизнь и сознание людей менялись, все больше проявлялось двойственности. С одной стороны, часть чеченцев принимала те «традиции», что навязывала власть. С другой стороны, сохранялся и традиционный образ жизни, основанный на нормах шарията и национальных аятах.

Например, в случае убийства, конфликт не прекращался после того, как советская власть сажала в тюрьму виновного — для

этого необходимо было либо чтобы кровники «взяли свою кровь», либо должно было состояться примирение, как это предписывалось шариатом или адатами. К тому же, чеченцы всякий конфликт, касавшийся их, изо всех сил старались разрешить самостоятельно, не доводя до вмешательства властей. Передача разрешения спора власти считалась до некоторой степени постыдным делом. Таким образом, народу, жившему одновременно в двух культурных системах – истинно народной и той, что навязывалась властью, – было чрезвычайно трудно сохранить в неприкосновенности мусульманскую религию и отцовские традиции (все равно что держать на ладони горящие угли). Тем не менее в Чечне еще оставались люди, когда-то близко знавшие авлия, и они-то (несмотря на свою малочисленность) не давали угаснуть свету подлинной народной культуры. Их благородная деятельность способствовала тому, что не прервалась окончательно хрупкая связь со светом истинного знания, идущего от наших устазов.

Так, знаток религии Изновра⁷ из селения Варанды, наставником которого в течение пятнадцати лет был Юсуп-хаджи Кошкельдинский, вернувшись из выселения, сам передал высшее знание о мусульманской религии сорока своим ученикам.

В свою очередь, они сами результативно потрудились, передавая полученные знания подрастающему поколению и воспитывая тем самым новых знатоков религии...

Необходимо отметить, что существовала и довольно заметная группа лиц, искренне верившая в правоту власти и стремившаяся ввести в обиход новые обычаи – народные по форме и советские по содержанию. Правда, их усилия так и пропали даром. Все эти люди занимали государственные должности и главная цель всей их бурной деятельности состояла в карьерном росте, поскольку высшие должности означали более широкие привилегии.

Картину их жизни, приблизительно, можно представить следующим образом.

«В двухэтажном здании находились два райкома: на первом этаже – комсомола, на втором – партии. Располагавшиеся внизу всегда были заняты бурной деятельностью: писали письма, надиктовывая одновременно двум машинисткам, затем вдоль и поперек ставили на них резолюции, прикладывали печати и по

почте отсылали сельским активистам (которым, собственно, до этих писем не было никакого дела), сообщая им о необходимости своевременно произвести заготовку дров, беречь корма, пасти скот, стричь овец, танцевать на вечеринках, пахать землю и других необходимых делах. (Зимой сельчане использовали эти письма для растопки печей и под радующий душу треск разгоревшихся дров с благодарностью вспоминали тех, кто догадался прислать им столько бумаги). Затем они вызывали сельских активистов в райком, где в кабинетах вели с ними «разъяснительную работу» на повышенных тонах, пока те не соглашались досрочно выплатить все колхозные взносы, а заодно угостить всех работников райкома шашлыками. Все это делалось для того, чтобы подняться на второй, верхний этаж, при встрече с обитателями которого работники первого этажа буквально не чувляли под собой ног, смотрели на них неизменно снизу вверх. Впечатление даже от короткого приема у обитателя верхнего этажа длилось у работников нижнего этажа не меньше месяца. Когда верхний работник хотел пить, нижние подавали ему самую чистую и холодную воду, добытую у самых истоков, берущих начало у горы Тебулас-Мта⁸. По желанию верхнего нижние пускались в пляс, стояли на ушах, готовы были умереть, а затем воскреснуть, в надежде, что однажды их осчастливят, предоставив служебный кабинет наверху.

А верхние внимательно наблюдали за нижними и поднимали к себе того, кто угодил лучше других. Нельзя было проявлять себя до тех пор, пока прочно не обоснуешься наверху. Так, один из нижних – его звали Тарга – вообразив, что он уже выбрался наверх, раньше времени начал проявлять собственный норов и лезть в дела, которые его не касались. В результате слетел вниз, да так, что костей не соберешь, и теперь был обречен навсегда оставаться внизу без всякой надежды когда-нибудь выбраться на залитый светом верхний этаж. А этажей, между прочим, много, и вторым этажом все не завершается – выше есть еще, еще, еще...» («Деревья в сумерках». – Грозный, 1989).

После возвращения с чужбины процесс забвения традиционной культуры и этики продолжился. Его еще более ускорили чеченские мужчины, ежегодно отправлявшиеся на **заработки в чужие края. Оттуда они привозили новые обычаи и свободные нравы вместе с телесными и душевными болезнями**

ми. По этой причине во многих семьях начались разлады, а некоторые вообще распались.

К началу 70-х годов большая часть чеченского народа уже успела переменить образ жизни, а также и форму культуры. Это особенно заметно проявлялось в манере одеваться (именно в одежде, как в зеркале, проявляется духовный мир личности). С этого времени традиционный женский платок начал сокращаться, пока не превратился в тоненькую полоску, а теперь чеченские девушки предпочитают вообще не носить платки. Эта малость, тем не менее, служит наглядным свидетельством того, что поколение, выросшее в голодной ссылке, не смогло передать своим детям и внукам всю красоту традиций, некогда установленных усилиями устазов и авлия.

Тем не менее некоторые чеченские писатели и ученые как могли боролись против новшеств, усиленно поощряемых властью. Особенно сильное воздействие на национальное самосознание чеченцев оказал роман Абузара Айдамирова «Долгие ночи». Он показал молодому поколению, что чеченцы имели собственную героическую историю и что чеченцы вовсе не пребывали в дикости до того времени, пока не подпали под власть Российской империи. Однако подобные произведения печатались лишь иногда. К тому же, за их появлением всегда следовали гонения на автора и издателя.

Как видим, чеченский народ подошел к моменту крушения советской власти с ослабленной национальной культурой и раздвоенным сознанием. Когда эта власть рухнула и люди получили свободу в выборе образа жизни, очень быстро обнаружилось, что болезнь, поразившая традиционную народную культуру, зашла очень далеко. Обнаружилось то, что раньше не было свойственно чеченскому национальному характеру, появилось немало новых и вредных обычаев:

— Чеченцы начали разъединяться на отдельные группы, преследующие собственные (исключительно мирские) интересы. Как мы знаем, это прямо противоречит традиционной народной культуре и этике, нацеленным на воспитание не члена какой-то отдельной социальной или политической группы, а на воспитание личности (къонаха), ответственной за судьбу всего народа. Без сомнения, это результат воздействия советской иде-

ологии, всегда рассматривавшей человека как винтик в государственной машине.

– Вооруженное противостояние по политическим мотивам (чего никогда прежде не было в чеченской истории). Это был еще один страшный удар по традиционной культуре.

– Чересчур свободное обращение со словом, которое в последнее время часто становится поводом к проявлению зла.

– Политики ради достижения своих целей с готовностью бросили народ в огонь войны, проливали людскую кровь.

– Множество людей восприняли свободу как возможность творить что угодно. А традиционная культура и этика однозначно оценивают такую свободу как величайшее зло.

– Чисто внешнее следование обычаям, чаще всего с целью произвести благоприятное впечатление или получить конкретную выгоду.

– Забвение дозволенного труда, обращение к недозволенной деятельности и стремление к быстрому обогащению самым легким и доступным путем.

Все это объяснимо. Народ, с эпохи шейха Мансура лишенный возможности самостоятельно определять свою судьбу, неожиданно обретя свободу, просто не может сразу же встать на путь истинной культуры. После того, как пали внешние ограничения, стали очевидными все скрытые болезни. Но наш народ не успел найти лекарство от них, так как на него обрушилась война.

В этот тяжелейший период чеченский народ вновь проявил лучшие качества, свойственные его традиционной культуре: готовность перетерпеть любые испытания ради обретения права на свободную, достойную жизнь, героизм, мужество, терпение. Немало прекрасных парней и девушек ушло из жизни в противостоянии во сто крат превосходящим силам, пытаясь спасти раненых, помочь обездоленным, подрываясь на минах, чтобы проложить путь для идущих следом и проявляя многие другие достоинства (Бог да благословит их!). На этой войне народ еще раз показал, что у него достаточно душевных сил, чтобы с честью пройти через самые суровые испытания.

Мирная пауза, наступившая после окончания первой войны, обернулась тяжелыми бедами для народа. Появилось мно-

жество банд, промышлявших воровством общенародного достояния (нефти), разбоем и другими преступлениями. Самое постыдное – похищение людей с целью получения за них выкупа. Новое распространение этого преступного обычая, идущего из языческих времен, стало возможным только потому, что резко увеличилось число тех, кто на самом деле не являлся истинными мусульманами (хотя на словах все твердили о приверженности к исламу, на деле же у многих было языческое сознание). Более того, чеченцы разучились давать точную нравственную оценку тем, кто встал на этот гибельный путь; разучились пользоваться многими механизмами нравственного воздействия на личность (например, сооружение карлага или публичное провозглашение проклятия с упоминанием семи предков).

Со второй войной начался еще более тяжелый этап в жизни нашего народа. Многие чеченцы, спасаясь от войны, покинули родину и оказались вынуждены жить в палаточных лагерях, на чужих квартирах, а то и заброшенных фермах или в сараях. Немало было тех, кто уехал в другие европейские и азиатские страны.

Чечня, голоса твоих детей
Слышны во всех уголках мира.
Если народ рассеивается, как мука,
В чем смысл существования?

Страну «освобождают» от чеченцев,
От благородных традиций.
Туда, где с неба не падает свинец,
Стремятся уйти уцелевшие.

Они уходят близко или далеко:
В Ингушетию, Европу, Сирию,
Никогда не виданное семью предками,
Они видят, покинув свои дома.

Велик этот солнечный мир:
До моря и за морем.

Когда ты покидаешь свой дом и родной край,
Он становится горьким и душа неспокойна.

Сегодня перед нашим народом, особенно той его частью, что оказалась вне пределов родины, стоит реальная угроза навсегда утратить родной язык и национальную культуру. Не допустить этого – обязанность каждого, кто считает себя чеченцем.

Большой вред чеченским обычаям и традициям причиняют современное телевидение, не соблюдающее элементарных нравственных норм, бесконтрольное распространение видеопродукции, некоторые газеты и журналы. Давление этой так называемой «культуры» все более ощущается в поведении современной молодежи. Причем создавшееся положение невозможно изменить, действуя запретами или силой. Даже если мы силой заставим кого-то одеваться и вести себя так, как предписано нравственными нормами, в глубине души он все равно останется прежним. У человека, вынужденного внешне придерживаться одних норм, в то время как душой он привержен совсем к другому – вырабатывается не только двойственность сознания, но и сама его натура обретает двуличность и лицемерие.

А ведь Бог в своем благородном Коране предупреждает: «В религии не может быть принуждения» («Аль-Бакара», 256).

Поэтому, не прибегая к силе, которая может только увеличить число лицемеров (мунафик – по-арабски), следует вести просветительскую работу, как бы заново знакомя людей с основами мусульманской религии и чеченской традиционной культуры, используя для этого все имеющиеся возможности: книги, газеты, телевидение, радио. Ребенка с первых лет необходимо воспитывать в рамках религиозности и народной этики. Использовать для этого мультфильмы и видеофильмы соответствующего содержания, теле- и радиопередачи, стихи, песни и книги, отличающиеся, помимо глубокого содержания, еще и высокой художественностью.

Если чеченские ученые, учителя, писатели – все те, кто способен повлиять на мировосприятие широких слоев населения, при широкой поддержке государства (в том числе финансовой) не предпримут соответствующих усилий, су-

существует реальная опасность, что основы чеченской народной культуры и этики претерпят необратимые изменения, возникнут новые традиции, направленные на достижение личного успеха любой ценой, всеми доступными способами, включая силу и оружие. Если это произойдет, то с переменой национальной ментальности, сам чеченский народ превратится в нечто иное. Чтобы избежать такого развития событий требуются усилия всех чеченцев.

Есть немало свидетельств тому, что эти усилия приведут к желаемой цели. Например, еще до завершения войны значительно увеличилось число молодежи, интересующейся религией, стремящейся по мере возможности изучать ислам. Именно благодаря активности молодежи стоявшие ранее полупустыми мечети сегодня заполнены молящимися.

Как мы видим, в своем развитии чеченская традиционная культура и этика претерпели немало изменений, соответствовавших тому или иному историческому периоду, исчезли некоторые обычаи, а на их место пришли новые.

В тяжелейшие периоды (война, выселение) неизменно проявлялись лучшие свойства чеченской традиционной культуры и благодаря им народ не погибал и не рассеивался.

Но, проходя через трудности, народ терял некоторые полезные обычаи и традиции, претерпевал изменения образ жизни, отношения между людьми, а также их внешний вид.

Тем не менее вплоть до сегодняшнего дня чеченскому народу удавалось сохранять главное содержание своей культуры, ее главное направление.

1. А. Айдамиров (1933-2005) – выдающийся чеченский писатель, историк.

2. Назма – религиозное песнопение.

3. Мовлид – коллективное исполнение религиозных песен.

4. З. Джамалханов, Б. Сулейманов, У. Димаев, А. Сулейманов – выдающиеся деятели чеченской культуры XX в.

5. Имеется в виду гроб.

6. Умма (араб.) – народ, община.

7. Несерхоев Изновр (1892 - 1974) – выдающийся чеченский мусульманский теолог.

8. Тебулас-Мта – горная вершина в Чечне.

Заключение

На земле каждому народу, как и каждому человеку, Богом определено свое место жительства, свой язык, своеобразные обычаи, одевание, образ жизни. О народах так сказано в Коране: **«О люди! Воистину Мы сотворили вас мужчинами и женщинами, Мы сделали вас народами и племенами, чтобы вы познавали друг друга. Из вас ближе Господу самые богобоязненные»** («Хью-журат», 13).

Объяснять существование народов другими причинами все равно, что не признавать Божьи слова за истину. Этот аят учит нас: все народы равны в своих обязанностях по отношению к Богу. Однако у каждого народа (как и у каждого человека) есть возможность попытаться превзойти других на пути служения Всевышнему.

У народов не должно быть другой идеи, кроме как служение Богу и стремление к духовному очищению; в явном заблуждении находятся «идеологи», провозглашающие другие цели и народы, следующие им.

Вторая часть приведенного выше аята, провозглашающая: «Я создал вас, чтобы вы познавали друг друга...» – имеет очень глубокое содержание: это этническая психология, сознание, язык, традиции, короче говоря, все, что выделяет данную нацию среди других, определяет ее своеобразие. Это своеобразие есть Божий дар и отказ от него (например, забвение Богом данного языка) относится к вещам, неодобряемым Богом. Каждый народ должен хранить своеобразие, дарованное ему Богом.

Главное отличительное свойство народа, величайший дар Всевышнего есть его язык. Благодаря чеченскому языку, который наши отцы в целостности донесли до наших дней, мы можем изучать древнюю историю нашего народа. Так как язык любого народа можно рассматривать как своеобразный шифр, позволяющий понять смысл жизни этого народа. Сегодня у ученых, исследующих этот шифр, есть право заявить: чеченский народ принимал участие в создании первых цивилизаций на земле.

У чеченского языка есть одна особенность: каждый звук в нашем языке имеет значение, то есть каждый звук имеет смысл, подобно слову. Например, звук **а** (короткий) – означает болезнь, показатель местоимения (в диалектах); **д** – что-то делать (глагол), а также имеет значение «есть»; **г** – ветка дерева, означает также увидеть

что-то; ж – овцы; и – показатель местоимения; т1 – передняя нога животного; у – строительный материал из дерева, заразная болезнь (в диалектах); и так далее.

Короче говоря, каждый звук имеет свое смысловое значение, и с добавлением к ним новых звуков, они обретают новый смысл, превращаясь в новые слова. Как видим, чеченский язык состоит из коротких слов. Что позволяет ученым объяснять смысловое значение слов из других языков посредством чеченского языка.

Тот факт, что смысловое значение некоторых слов из других языков раскрывается через чеченский язык, может быть объяснен следующим образом: вероятно, в глубокой древности в мире существовал только один язык и на его основе впоследствии возникло множество языков; некоторые из них далеко ушли от языка-первоосновы, развились, послужив основой для возникновения богатой литературы и науки (например, английский язык); но в нашем языке, может быть, сохранилось большое количество слов языка-первоосновы, поскольку чеченцы тысячелетиями жили изолированно в горах, не имея письменности и литературы, способствующих развитию языка. По этой причине утверждать, что от нашего языка произошли все остальные языки или что наш народ отстал от других – в равной мере неверно. **То, что в чеченском языке сохранились слова праязыка, – это факт, в котором заключается особенность нашего языка.**

В этом мире каждый народ и каждый человек получит то, что он заслужит собственным служением Богу. Поэтому, не теряя напрасно время на бесполезные разговоры, следует стремиться заслужить Божье благословение. Этот мир может исчезнуть прежде, чем человек успеет моргнуть, и по настоящему безумен тот (человек ли, народ ли), кто в мирской суете забывает позаботиться о жизни вечной.

Похоже, что наши предки знали истинную цену этому миру; они не стремились оставить после себя гигантские строения (подобно пирамидам, построенным фараонами Египта...), завоевать чужие земли или собрать материальное богатство. Их усилия были сосредоточены на совершенствовании общественных отношений, на развитии хороших отношений между людьми; они стремились превзойти друг друга благородством и щедростью, уважая человеческую личность, но, не ставя индивидуальность превыше всего. Они защищали свободомыслие и личную свободу и всегда были готовы пролить свою кровь в войне с врагами, посягнувшими на эти ценности. Они ценили жизнь, и какие бы тяжелые времена не наставали, никогда не падали

духом, не разбредались по всему свету, а продолжали жить и трудиться на этой земле. Опираясь на веру, создавали новые селения, строили мечети, объединялись в общины... – словом, преумножали все, что любезно Богу.

Они не стремились овладеть миром, который рано или поздно все равно уйдет из рук (знали, что это невозможно); зная цену времени, чей бег никогда не остановится, они стремились к добру и удовлетворялись минимальным достатком из материальных благ, оставаясь в пределах высокой нравственности, поскольку бег времени невозможно замедлить.

Время – это, говорят, всего три дня:

Вчера, сегодня, завтра.

Вчера прошло без остатка, –

Его невозможно вернуть.

Сегодня – это то, что в твоих руках.

А завтра неизвестно – будешь ли ты сам.

Поэтому стремление в это короткое время («сегодня») совершать только благородное, доброе, что вызывает взаимное уважение и любовь, – вот путь, избранный нашими предками; и если мы сегодня сойдем с этого пути, то мы перестанем быть настоящими чеченцами и превратимся в других людей.

Говорят, что один человек из другого народа так сказал о чеченцах: у них нет возвышенности, на которую они поднимали бы лучших, и нет ямы, куда бы они опускали плохих. Как кажется, в этой книге мы достаточно убедительно показали, что это не так. **Чеченцы умели отличать лучших: у них существовала возвышенность почета и яма осуждения. Возвышенность** – это и славное имя, которым народ награждал благородного человека, и благодарность от людей. **Яма** – это проклятия, которые провозглашались в адрес совершивших зло, плохое имя и моральное осуждение, которое повсюду сопровождало его.

Как видим, способы возвышения и наказания у чеченцев были не такими, как у многих народов (поощрение – ордена, подарки, деньги; наказание – тюрьма, телесные наказания). Напротив, у чеченцев практиковалось духовно-нравственное воздействие – в этом состояло своеобразие нашего народа. Однако сегодня мы отошли далеко назад от той ступени нравственности. Проще говоря, скатились с прежних высот.

Поэтому на нас лежит обязанность попытаться исправиться и вернуться на путь духовно-нравственного совершенствования. Для этого должен трудиться каждый из нас. И ошибается тот, кто думает, что положение исправится само собой. Бог в своем свяшенном Коране говорит: «Воистину, Аллах не изменяет состояние людей до тех пор, пока они сами не изменят состояние своих сердец» («Ар-Род», 11).

У наших предков существовала своеобразная государственность, основанная на духовности, народной культуре и этике. Такого рода государственность – то есть не нуждающаяся в структурах принуждения и когда общество само стремится к образу жизни, основанному на праве и справедливости, и будет являться наиболее гуманной.

Мы полагаем, что это так, а истину знает один Бог (хвала Ему).

Мы верим, что эта книга поможет нашему подрастающему поколению познакомиться с благородными обычаями своих предков и не забывать их впредь, строить свою жизнь, опираясь на веру и дозволенное.

Я прошу Бога: прими эту книгу как труд во славу Твою и позволь мусульманам извлечь пользу из нее.

Если же я в чем-то ошибся, сам того не зная, – прошу Аллаха простить меня.

Завершая эту книгу, воздаю славу Всевышнему – Алхьамдулиллах!

1.Здесь и далее ссылки на суры Корана.

2. Вирд – религиозно-философское течение, школа.

3. Поэтические произведения религиозно-философского содержания, предназначенные для громкого хорового исполнения.

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ.....	3
<u>Глава I</u>	
Оьздангалла и ее значение в жизни чеченца.....	6
<u>Глава II</u>	
Основные ценности чеченской народной культуры.....	17
<u>Глава III</u>	
Человек и гIиллакх.....	47
<u>Глава IV</u>	
Семья и воспитание детей.....	79
<u>Глава V</u>	
Взаимосвязь чеченской народной культуры с природой и трудовой деятельностью.....	113
<u>Глава VI</u>	
Ислам и чеченская традиционная культура.....	135
<u>Глава VII</u>	
Время и трансформация народных представлений об оьздангалла (этап перед установлением советской власти).....	157
<u>Глава VIII</u>	
Время и трансформация народных представлений об оьздангалла (этап после установления советской власти).....	180
Заключение.....	202

Муса Магомедович Ахмадов

Чеченская традиционная культура и этика

Перевод с чеченского Э. Хасмагомадова

Редактор Л. Довлеткиреева

Корректор Р. Межиева

Компьютерная верстка З. Касумова

Книга набрана на компьютерной базе
ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Подписано в печать 15.01.2007г.

Формат 60х84 1/16.

Бумага офсетная № 1. 65 г/м²

Печать офсетная. Объем 13 печ. лист.

Заказ № 1682

Тираж 1000 экз.

ГУП «Издательско-полиграфический комплекс
«Грозненский рабочий»
г. Грозный, ул. Интернациональная, 12/35

